

Главный редактор **КРЮКОВ В.А.**, член-корреспондент РАН, профессор,
директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.Г. Аганбегян, РАНХ и ГС при Президенте РФ, академик РАН, Москва; **А.О. Баранов**, зав. кафедрой НГУ, д.э.н., проф.; **Р. Бардацци**, факультет государственного управления, Университет Флоренции, д-р философии, проф. (Италия); **Е.Б. Бухарова**, директор Института экономики, управления и природопользования СФУ, к.э.н., проф., Красноярск; **Ш. Вебер**, ректор РЭШ, д-р философии (Канада – Россия); **Ю.П. Воронов**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **И.П. Глазырина**, зав. лабораторией эколого-экономических исследований ИПРЭК СО РАН, д.э.н., Чита; **Л.М. Григорьев**, НИУ ВШЭ, к.э.н., проф., Москва; **В.И. Зоркальцев**, СЭИ СО РАН им. Л.А. Мелентьева, д.т.н., проф., Иркутск; **В.В. Колмогоров**, к.э.н., Москва; **В.В. Кулешов**, гл. науч. сотр. ИЭОПП СО РАН, академик РАН, Новосибирск; **Чжэ Ён Ли**, вице-президент Корейского института международной экономической политики, д-р философии (Республика Корея); **Юэцзюнь Ма**, директор Института России, Хэйлунцзянская академия общественных наук, д.э.н., Харбин (Китай); **С.Н. Мирносецкий**, член СД ООО «Сибирская генерирующая компания»; **А. Му**, Институт Фридьофа Нансена, канд. полит. н. (Норвегия); **В.А. Никонов**, генеральный директор АО «Технопарк новосибирского Академгородка»; **В.И. Псарев**, зав. кафедрой Алтайского госуниверситета, зам. председателя Исполнительного комитета МАСС, к.э.н., д.т.н.; **Н.И. Суслов**, зав. отделом ИЭОПП СО РАН, д.э.н., проф., Новосибирск; **А.В. Усс**, и.о. губернатора Красноярского края, д.ю.н., проф., Красноярск; **Хонгёл Хан**, Департамент экономики Университета Ханьянг, председатель Корейского института единения, д-р наук, проф. (Республика Корея); **Цзе Ши**, директор Центра международных энергетических исследований, Китайский институт международных исследований, Пекин (Китай); **А.Н. Швецов**, зам. директора по научной работе ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Институт системного анализа РАН, д.э.н., проф., Москва.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.В. Алексеев, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **С.Ю. Барсукова**, НИУ «Высшая школа экономики», д.соц.н.; **Э.Ш. Веселова**, зам. главного редактора; **К.П. Глуценко**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **Е.В. Гоосен**, Институт экономики и управления Кемеровского госуниверситета, к.э.н.; **Е.А. Капогузов**, Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского, д.э.н.; **В.И. Клисторин**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **Г.П. Литвинцева**, НГТУ, д.э.н.; **В.В. Мельников**, НГУЭиУ, НГТУ, к.э.н.; **Л.В. Мельникова**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н.; **О.П. Фадеева**, ИЭОПП СО РАН, к.соц.н.; **Л.Н. Щербакова**, Кемеровский госуниверситет, к.э.н.; **В.В. Шмат**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Учреждение Российской академии наук Сибирское отделение РАН,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН,
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет» (НГУ),
Редакция журнала «ЭКО»

ИЗДАТЕЛЬ:

АНО «Редакция журнала «ЭКО»

5 (527) 2018

Editor in chief - Dr., Prof. **VALERY A. KRYUKOV**, Director of Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS

International Advisory Board:

Prof. Dr. **Aganbegyan A.G.**, Russian Academy of National Economy and Public Service at the Russian President; Prof. Dr. **Baranov A.O.**, Novosibirsk State University; Prof. **Bardazzi R.**, PhD, Faculty of Political Sciences, University of Florence (Italy); Prof. **Buharova E.B.**, PhD, Siberian Federal University; Prof. Dr. **Glazyrina I.P.**, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology SB RAS; Prof. **Grigoriev L.M.**, PhD, Higher School of Economics;
Jae Young Lee, PhD, Korean Institute for International Economic Policy;
Prof. Dr. **Hong Yul Han**, Hanyang University, The Korea Consensus Institute;
Kolmogorov V.V., PhD; Prof. Dr. **Kuleshov V.V.**, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS; **Mironosetsky S.N.**, Siberian Generating Company; **Moe A.**, FhD, The Fridtjof Nansen Institute; **Nikonov V.A.**, Technopark of Novosibirsk Academgorodok;
Dr. **Psarev V.I.**, Interregional Association of the Economic Cooperation «Siberian Accord»;
Prof. Dr. **Shvetsov A.N.**, Institute for Systems Analysis RAS; Prof. Dr. **Suslov N.I.**, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS; Prof. Dr. **Uss A.V.**, Governor of Krasnoyarsk Krai; Prof. **Veber Hs.**, PhD, Canada-Russian Economics School; Prof. **Voronov Yu.P.**, PhD, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS; Dr. **Yutszyun Ma**, Heilongjiang Academy of Social Sciences; **Ze Shi**, PhD, Institute of International Studies;
Prof. Dr. **Zorkaltsev V.I.**, Energy Systems Institute SB RAS.

Editorial Board:

Dr. **Alekseev A.V.**; Dr. **Barsukova S.Yu.**; PhD **Fadeeva O.P.**; Dr. **Gluschenko K.P.**, PhD **Goosen E.V.**; Dr. **Kapoguzov E.A.**; Dr. **Klistorin V.I.**; Dr. **Litvintzeva G.P.**; PhD **Melnikov V.V.**; PhD **Melnikova L.V.**; PhD **Shcherbakova L.N.**; PhD **Shmat V.V.**, **Veselova E.Sh.**

Founders:

Russian Academy of Sciences, Siberian Branch,
Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of RAS
Novosibirsk State University
Editorial Office of ECO journal

Editor

ANO Editorial Office of ECO journal
Academician Lavrentyev Av. , 17. Novosibirsk, 630090, Russia

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 4 Уроки "закона тайги"

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

Тема номера:

СИБИРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

- 8 ПОПКОВ Ю.В.,
ТЮГАШЕВ Е.А.
Этнокультура и экономика:
синергия возможностей
- 28 БУФЕТОВА А.Н.,
КОЛОМАК Е.А.,
ХРЖАНОВСКАЯ А.А.
Национальное и религиозное
разнообразие регионов Сибири
- 45 МАДЮКОВА С.А.,
ПЕРСИДСКАЯ О.А.
Этноэкономика в действии:
опыт Тувы и Алтая
- 65 ТАРБАСТАЕВА И.С.
Тува превращается в моноэтничный
регион: риски и перспективы
- 81 ЕРОХИНА Е.А.
Коренные малочисленные народы
и добывающие компании
на Обском Севере:
сотрудничество или конфликт?
- 93 СЕМЁНОВ М.А.
Динамика национального состава
Азиатской России по материалам
переписей (1926-1989 гг.)

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

- 110 МИХАЙЛОВСКАЯ Д.С.,
ШМАТ В.В.
Будущее российской экономики
глазами «отцов» и «детей».
Взгляд четвертый

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

- 139 ЖИРОНКИН С.А.,
ГАСАНОВ М.А.,
КОЛОТОВ К.А.
Возможно ли в России
неоиндустриальное
импортозамещение?

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

- 158 МИХЕЕВА Н.Н.
Стратегия пространственного
развития: новый этап или
повторение старых ошибок?
- 179 КОНДРАТЬЕВА В.И.,
СТЕПАНОВА Н.А.,
МАРКОВА В.Н.
Пространственные аспекты
стратегического планирования
развития муниципального района

CONTENTS

EDITORIAL

- 4 Taiga's Law Lessons

ECONOMIC SOCIOLOGY AND DEMOGRAPHY

Cover story:

SIBERIAN INTERNATIONAL

- 8 POPKOV Yu.V.,
TYUGASHEV E.A.
The Ethnic Culture and Economy:
Synergy Opportunities
- 28 BUFETOVA A.N.,
KOLOMAK E.A.,
KHRZHANOVSKAYA A.A.
National and Religious Diversity
of Siberian Regions
- 45 MADYUKOVA S. A.,
PERSIDSKAYA O.A.
Ethnoeconomics in Action:
the Experience of Tuva and Altai
- 65 TARBASTAEVA I.S.
Tuva Turns to the Monotherm Region:
Risks and Prospects
- 81 EROKHINA E.A.
Indigenous Peoples and Mining
Companies in the Ob North:
Cooperation or Conflict?
- 93 SEMENOV M.A.
Dynamics of Ethnic Composition
of the Asian Part of Russia According
to the Census (1926-1989)

MONITORING OF ECONOMIC TRANSFORMATION

- 110 MIKHAILOVSKAYA D.S.,
SHMAT V.V.
The Future of the Russian Economy
in the Eyes of "Fathers" and "Sons".
The Fourth Sight

DEBATING SOCIETY

- 139 ZHIRONKIN S.A.,
GASANOV M. A.,
KOLOTOV K.A.
Neoindustrial Import Substitution:
Utopia or Non-Alternative Way
for Russia?

REGIONAL DEVELOPMENT ISSUES

- 158 MIKHEEVA N.N.
Strategy of Spatial Development:
New Stage or Repetition of Old
Mistakes?
- 179 KONDRATIEVA V.I.,
STEPANOVA N.A.,
MARKOVA V.N.
Spatial Aspects of Strategic Planning
of Municipal District Development

Уроки «закона тайги»

В понимании большинства читателей «закон тайги» – это нечто противоположное нормам общепринятого права и хозяйственным практикам, применяемым в «цивилизованном мире» – там, где жизнь регулируется нормами законодательства. При этом для самой «тайги» – тех колоссальных пространств, на которых проживают многие народы, населяющие нашу страну, характерны впечатляющие различия природной среды и особенности тех хозяйственных практик, которые там возникали и возникают в настоящее время.

Наши авторы (см. статью А.Н. Буфетовой, Е.А. Коломак, А.А. Хржановской) справедливо отмечают, что «нормы и правила вырастают из истории, традиций и культуры, определяя разнообразие в институциональной среде» (к этому перечню следует добавить пространство и связанные с ним формы и способы ведения хозяйственной деятельности).

Как представляется, история изучения и применения данных особенностей прошла непростой путь эволюции – как в России в целом, так и на обширных территориях земель «за камнем» (или «Большой Сибири» – от Урала до Тихого океана).

Поначалу основное внимание уделялось знакомству с нормами и правилами, определяющими хозяйственный уклад, который застали на данных территориях пришлые люди (в основном промысловики – охотники за «мягкой рухлядью» – мехами). Через столетие на смену им пришли исследователи – участники многочисленных экспедиций (П.С. Паллас, Д.Г. Мессершмидт, А.Ф. Миддендорф, Г.Н. Потанин, В.Г. Богораз-Тан и многие другие), которые стремились изучить и описать хозяйственные практики автохтонного населения. Скорее всего, их неявная цель состояла в том, чтобы найти пути встраивания местных хозяйственных практик в новые для этого населения экономические и политические условия, не ломая эти практики, основанные на многовековых традициях. Отчасти такой подход был обусловлен слабостью государственной власти на местах.

На следующем этапе, с 1930-х годов, шла ломка норм и правил ведения традиционной хозяйственной деятельности на обширной «таежной» территории России. Эти практики встраивались в доминирующую экономическую систему через коллективизацию и участие государства (от совхозов до различных предприятий местной промышленности).

Этот этап продолжается и по настоящее время, что подтверждают статьи в данном номере «ЭКО». Только на протяжении почти всего XX века акцент

делался на поддержке и развитии форм коллективного хозяйствования, а в XXI столетии основные усилия направлены на поиск форм «сосуществования» традиционных форм хозяйствования с рыночной экономикой (от территорий приоритетного природопользования до «корпоративной социальной ответственности»).

К числу важнейших уроков «закона тайги» можно отнести следующие:

- «тайга» далеко не однородна, что необходимо учитывать при анализе, оценке и, тем более, экономическом регулировании и управлении;
- наличие значительной нетоварной составляющей в хозяйственной деятельности: немало работ, услуг и продуктов создается для внутреннего потребления или для обмена (subsistence economy – натуральное хозяйство);
- соединение «экономики тайги» с рыночными хозяйственными практиками в «чистом виде» является, скорее, исключением, чем правилом; возникают и развиваются уникальные гибридные формы, которые весьма трудно анализировать и оценивать в рамках общепринятых подходов.

Неоднородность «тайги» в 1920-е годы с позиций влияния на формы и особенности хозяйствования проявлялась, в частности, следующим образом.

«Разноплеменный состав сибирского населения, явившийся, как мы видели в результате длительных процессов ее колонизации, распределился по территории Сибири в зависимости от времени прихода сюда и от хозяйственного уклада жизни, который был основным для той или другой сибирской народности.

Так, палеазиаты, самые ранние обитатели Сибири и носители промысловой хозяйственной деятельности, откочевали на самый север. Туда же впоследствии отошли народности тунгусские, самоедские, угро-финские, частично тюркские – засельники второго периода, в основе хозяйственной деятельности которых лежит также промысел.

Скотоводы-кочевники – тюркские и монгольские племена – обосновались в местах, наиболее удобных для этого рода занятий – на юге Сибири, в степных и нагорных пространствах Забайкалья, Приаянья, Алтайских гор и Киргизских степей.

Наконец, русские и другие индоевропейцы третьего периода заселения – носители земледельческой культуры, заняли Серединную Сибирь, наиболее отвечающую потребностям земледельческого хозяйства».

К числу во многом уникальных гибридных форм хозяйствования в условиях «тайги», несомненно, относятся «отгонное» коневодство (Республика Саха – Якутия) и «рыночное» оленеводство (прежде всего,

Ямало-Ненецкий АО). Суть «отгонного» коневодства состоит в том, что жители городских населенных пунктов Якутии (прежде всего, Якутска) покупают только что родившихся жеребят и передают за плату на откорм в стадо на содержание фермерам или частным предпринимателям. Как правило, прибавка жеребенка в весе за определенный период, а также рост цен на мясо служат гарантией надежности инвестирования денежных средств. По истечении определенного срока «инвестор» может получить или деликатесное мясо для собственного потребления, или с выгодой продать его на рынке. При этом емкость рынка ограничена, с одной стороны, наличием пастбищ (устойчивость коневодства в Якутии поразительна!), а с другой – емкостью рынка (спрос на конину определяется специфичностью продукта, который потребляется исключительно на локальном рынке).

Практика «рыночно-ориентированного» оленеводства – пример противоположного рода. Разрушение устойчивых норм и правил хозяйствования (от общин к колхозам и совхозам, а затем от них – к стихии рынка), а также расширение спроса (не столько на оленину, сколько на панты оленьих рогов со стороны Китая) в сочетании с патерналистской «поддержкой» крупных компаний-недропользователей привели к значительному росту поголовья оленей. Результат – резкий спад продуктивности пастбищ и подрыв основ традиционного хозяйствования и образа жизни коренного населения.

Вопрос о роли и месте форм традиционного хозяйствования в современной экономике невозможно решить без учета широкого спектра общих норм и правил, лежащих в основе современного общества (прежде всего системы гуманистических ценностей). Именно поэтому необходимо «максимально возможное сближение нормативной базы, учитывающей интересы коренных народов, и практики правоприменения законов в отношении их реальной защиты» (статья Е.А. Ерохиной). Только при выполнении этого условия можно говорить о развитии форм традиционного хозяйствования как основы сохранения идентичности народов «тайги».

Велика роль в движении по этому пути доминантной этнокультуры (статья Ю.В. Попкова и Е.А. Тюгашева) и народа – ее носителя. На пространных Азиатской России доминирующее положение на протяжении длительного времени занимают русские, что и определяет в целом современную этническую картину (статья М.А. Семенова).

В то же время не следует преувеличивать роль традиционных форм хозяйствования в современной экономике – они занимают определенные ниши и являются важным подспорьем в повышении устойчивости и адаптационной приспособляемости экономик «таежных пространств».

Реальная жизнь трудно поддается однозначной оценке и стандартным процедурам анализа. Так, например, повышение однородности (от этнической до религиозной и профессиональной) приводит не только к забвению «законов тайги», но и к «погружению в болото». Жизнь в «тайге» немыслима вне переплетения опыта и навыков разных народов и культур, в то время как «болото» – синоним топтания на месте.

Современные знания, умения и навыки являются предпосылкой экономического развития, в то время как консервация сложившихся этносоциальных «норм» ведет к стагнации и, в конечном счете, к отставанию (статья И.С. Тарбастаевой).

Экономика России находится пока в начале пути формирования нового «закона тайги» – норм, правил и процедур, задающих равноправное взаимодействие различных форм хозяйствования на ее обширных пространствах. О необходимости скорейшего формирования подобного закона (точнее, свода норм, правил и процедур) говорит и то, что расточительное хозяйствование (прежде всего, по отношению к окружающей природе) ставит под угрозу не только экономику, но и само существование современной цивилизации.

Главный редактор «ЭКО»

КРЮКОВ В.А.

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-5-8-27

Этнокультура и экономика: синергия возможностей^{*}

Ю.В. ПОПКОВ, доктор философских наук, Институт философии и права СО РАН, Новосибирский государственный технический университет.
E-mail: yuripopkov54@mail.ru

Е.А. ТЮГАШЕВ, кандидат философских наук, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск.
E-mail: filosof10@yandex.ru

Представлен обзор концептуальных предпосылок исследования связи этнокультурного разнообразия с социальными механизмами экономической жизни. Выделены идеи классиков политической экономии по заявленной теме с акцентом на нациецентризм, фиксирующем определяющее влияние природно-климатических условий, типа хозяйства, культурной специфики и особенностей национального характера населения на хозяйственную специализацию наций. Этнокультурное разнообразие рассматривается как дополнительный экономический ресурс. Выделены эколого-экономические представления о стабильности и продуктивности экологических сообществ, которые использованы для интерпретации роли этнокультурного разнообразия в социально-экономическом развитии межэтнических сообществ, в обеспечении их социальной стабильности и экономической продуктивности. На основе анализа территориально локализованной экономики как межэтнического сообщества сделан вывод о благоприятном воздействии этнокультурного разнообразия на экономическое развитие и межэтнические отношения при условии успешной интеграции иноэтнокультурных групп в принимающее сообщество.

Ключевые слова: нация, этнос, этническое разнообразие, этнокультура, этноэкономика, этническая экология, антропоэкология, межэтническое сообщество

Постановка проблемы

В условиях глобализации уходит в прошлое политика контролируемой миграции, использующая фильтры по критериям образования, профессии, имущественной обеспеченности, этноконфессиональной предпочтительности. Многие иммигранты не склонны ассимилироваться в принимающие общества, формируют этнические анклав и секторы этнической экономики, социальные механизмы которой существенно отличаются от рынка, регулируемого государством. Демографические последствия аккультурации мигрантов в национальных сообществах напоминают

^{*} Работа выполнена в рамках раздела «Этнокультурные механизмы пространственного развития Сибири» междисциплинарного проекта «Экономико-географические, этнокультурные и историко-демографические механизмы пространственного развития Сибири» Комплексной программы фундаментальных научных исследований СО РАН II. I.

о популяционной катастрофе и грядущем замещении коренного населения иноэтничным.

В ситуации проявленных симптомов кризиса национальной государственности усиливается этническая фрагментация, и в регионах формируется потенциал этнокультурных революций, подрывающих утопию единства национальной государственности.

Наблюдающийся этнический ренессанс пробудил научный интерес к изучению возможностей конструктивного использования потенциала различных этнокультур в интересах экономики. В настоящей статье решается задача выявления концептуальных предпосылок исследования и эффектов взаимосвязи этнокультурного и экономического развития, а также обоснования новых подходов к изучению межэтнических взаимодействий как системного механизма экономической жизни наций.

Фокус нации в политической экономии

Классическая экономическая наука до середины XX века не занималась этничностью как экономически значимым феноменом. Но классикам экономической мысли был известен феномен наций и эмпирически очевиден факт различий в экономическом быте разных народов.

В знаменитой работе шотландского этика и экономиста А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов (An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations, 1776) нация представлена в качестве основного субъекта обогащения. В целом эта позиция была не нова, но впервые так ясно выражена. Ведь и меркантилисты, и физиократы заботились об обогащении национальных государств, а А. Смит акцентировал внимание на обогащении именно наций, так как, отстаивая в интересах шотландцев принцип свободной торговли, он фактически выступал против протекционистской политики Великобритании.

А. Смит дифференцировал народы по типу хозяйства на охотничьи и пастушеские, земледельческие, промышленные и торговые, утверждая, что уже на охотничьей стадии возникает устойчивое разделение труда, стимулирующее человека развивать до совершенства природные дарования в конкретной специальности. По его оценке, люди и народы мало различаются своими естественными способностями, пригодны для всех видов

хозяйственной деятельности и легко переучиваются. В то же время ученый отмечал, что традиции древних египтян и древних индусов фактически запрещали заниматься мореплаванием, вынуждая их для вывоза избыточного продукта обращаться к другим народам, специализирующимся на морской торговле [Смит, 1962. С. 494].

Международное разделение труда обусловливалось, по А. Смиту, и различие национальных характеров: «... Нации, которые, подобно Франции или Англии, состоят в значительной мере из землевладельцев и земледельцев, могут обогащаться трудом и потреблением. Напротив, страны или города, которые, подобно Голландии и Гамбургу, состоят преимущественно из купцов, ремесленников и мануфактуристов, могут богатеть только посредством бережливости и воздержания. Как различны интересы наций, так различен и общий характер их народов. У наций первого рода естественными чертами характера бывают щедрость, откровенность и веселость, тогда как вторые отличаются скупостью, мелочностью и эгоизмом и не любят никаких общественных развлечений и удовольствий» [Смит, 1962. С. 484]. Таким образом, разделение труда между нациями настолько упрочилось, что закрепилось в национальном характере и стало самостоятельным фактором хозяйственной деятельности.

Д. Рикардо также признавал выгодность международного разделения труда, выделяя нации земледельческие, промышленные, торговые и др. Английский экономист поддерживал позицию «Британской энциклопедии», авторы которой полагали, что национальный характер обеспечивает особенные преимущества в экономике [Рикардо, 1955. С. 221].

Дж.С. Милль приводил сведения по сравнительной характеристике «природных» (понятливость, сметливость, сообразительность) и нравственных (порядочность, умеренность, честность, бережливость) качеств английских рабочих и рабочих различных национальностей континентальной Европы [Милль, 1980. С. 216–218]. Он заключал, что национальные особенности мышления и нравственности работников ощутимо влияют на эффективность и качество труда. Например, недостаточная сообразительность требует дополнительного времени на разъяснения, а возможная недобросовестность влечет значительные затраты на надзор или проверку выполненной работы.

Заметный нациецентризм политической экономии отчетливо проявился в национальной (исторической) школе немецкой политэкономии. Ф. Лист в труде «Национальная система политической экономии» (1841) не вполне справедливо, на наш взгляд, обвинив предшествующую экономическую мысль в космополитизме, выдвинул доктрину национальной экономии, или экономии наций (в противоположность экономии общества или человечества). Данная доктрина включала: а) эмпирическое представление о бесконечном разнообразии наций; б) принцип приоритета национальности в экономической жизни; в) положение о сохранении, развитии и совершенствовании национальных особенностей как главной цели народов; г) учение о развитии производительных сил народов как основы их богатства; д) утверждение о различных требованиях к рабочей силе в странах умеренного и жаркого климатических поясов и вытекающих из этого различий в развитии производительных сил наций как основы международного разделения труда. В связи с этим он говорил о различных путях, которыми страны достигают цивилизации.

Ф. Лист отмечал, что Англия своим богатством обязана исконному чувству свободы и права, энергии и нравственности народа [Лист, 2005. С. 69]. Основу возрождения Германии он видел в таких чертах немецкого характера, как любовь к труду и порядку, бережливость и умеренность, настойчивость и выдержка, рассудительность и искреннее стремление к лучшему [Лист, 2005. С. 89].

Сближение наций Ф. Лист рассматривал как конечную цель экономического развития. Он придавал большое значение межрасовым и межэтническим бракам, все более распространявшимся благодаря привлечению сельского населения в крупные промышленные города: «Мне кажется, что по той же причине народы, происшедшие от частого, так сказать, освежения всей нации подобными скрещиваниями, превосходят другие нации силой ума и характера, крепостью и красотой тела» [Лист, 2005. С. 184]. Этноконфессиональные чистки (изгнание евреев и морисков из Испании, гугенотов из Франции) исследователь оценивал как ключевой фактор экономического упадка этих стран. В качестве положительного момента он рассматривал приглашение специалистов и направление работников в другие страны на обучение.

Таким образом, политическая экономия была сфокусирована на проблеме обогащения наций (народов), которые рассматривались как основные соперники в экономическом развитии от охотничьей до промышленной стадий цивилизации. С точки зрения классических представлений, сотрудничество наций осуществляется в международном разделении труда, их хозяйственную специализацию определяют природно-климатические условия, достигнутая стадия развития, культурная специфика и особенности национального характера населения. Неравномерность экономического развития наций стимулирует миграции, а этнокультурное разнообразие становится дополнительным экономическим ресурсом.

Этноэкономика и этнокультурное разнообразие

Еще в 1970-е годы постановка этнографами вопроса о связи этноса и экономики воспринималась как необычная [Козлов, 1970]. Но уже в 1990-е годы за рубежом как самостоятельное направление исследований оформилась этническая экономика [Light, 1994], а в отечественной науке было заявлено о выделении экономической этнологии [Семенов, 1993].

Этническая экономика (или этноэкономика) – это термин, используемый для обозначения как направления экономических исследований, так и изучаемого в этих исследованиях этнического аспекта экономической жизни. Например, К.В. Павлов определяет этноэкономику как науку о взаимосвязи и взаимовлиянии, которые оказывают традиции, обычаи, культура, психология, идеология, религиозные воззрения различных этносов на характер и уровень развития производительных сил и производственных отношений [Павлов, 2016. С. 14].

Важно подчеркнуть, что в данном определении утверждается вторичная, подчиненная и опосредствующая роль экономических процессов по отношению к этническим. В этом К.В. Павлов следует идее нациентризма классической политической экономии.

В этноэкономических исследованиях зафиксированы следующие формы этнического аспекта экономической жизни:

- традиционные для этноса виды жизнеобеспечения и хозяйства, возрождаемые народные промыслы;
- этническая специфика экономического поведения и деловых культур;

- этническое разделение труда и этническое доминирование в определенных профессиях и секторах экономики;
- этноэкономический менеджмент при формировании многонациональных трудовых коллективов;
- этнический бизнес и предпринимательство;
- этноэкономическая стратификация с созданием привилегий и преференций для представителей одного народа и дискриминацией представителей других народов;
- этнические анклав и этнические секторы экономики, включающие комплекс видов хозяйственной деятельности, ориентированный на воспроизводство этнической группы;
- национальная экономика как этногетерогенное или этногетерогенное сообщество.

Большой интерес вызывает влияние этнокультурного разнообразия на экономический рост. С одной стороны, констатируется успешность этнически наиболее гомогенных экономик (Норвегии и Японии) и экономический провал этнически наиболее гетерогенных государств Африки. С другой стороны, установлено, что ряд экономически развитых стран, регионов и крупных городов имеют высокий уровень этнокультурного разнообразия. Правда, не исключено, что данная взаимосвязь объясняется миграционной привлекательностью этих территорий.

Оценивая благоприятные условия использования экономических ресурсов этнокультурного разнообразия, И. Цапенко указывает на синергетический эффект комплементарности стилей мышления и компетенций носителей разных традиций и менталитетов [Цапенко, 2016. С. 42]. По ее мнению, интернациональный коллектив особенно полезен для организаций, включенных в интенсивные международные связи. Оптимальный с экономической точки зрения уровень этнокультурного многообразия складывается в интернациональных коллективах, в которых участвуют сотрудники с общими или хотя бы близкими культурными ценностями. Рост культурного разнообразия может иметь благотворные экономические последствия лишь при сотрудничестве, позитивном взаимодействии представителей разных этнокультур и при условии успешной интеграции этнических и конфессиональных меньшинств в принимающие сообщества. В целом исследователь подчеркивает необходимость эффективного управления культурным разнообразием,

создающего условия для наиболее полной реализации экономического потенциала мигрантов.

И. Цапенко приводит сведения о том, что на материале Великобритании выявлена следующая зависимость между изменением доли представителей этнокультурных меньшинств в составе руководителей/собственников предприятий и его экономическими показателями. Экспортные доходы предприятия возрастают, пока удельный вес членов диаспор не достигнет 47% состава руководящей команды. Аналогично для увеличения оборота фирмы такая пороговая доля составила 44% [Цапенко, 2016. С. 43]. По ее мнению, иммигрантские команды управленцев начинают сталкиваться с различными сложностями и ограничениями, что ухудшает показатели деятельности фирм. Таким образом, даже сборные команды из высокопрофессиональных иммигрантов требуют эффективного контроля со стороны представителей коренного этноса.

Интересен зафиксированный в этноэкономических исследованиях феномен этнофрагментации, т.е. раскола национального государства на конфликтующие этнические группы. Показано, что в Африке во второй половине XX века большинство этнополитических конфликтов происходило в этнофрагментированных странах с развитыми добывающими секторами экономики (особенно связанными с экспортом сырья), с большой плотностью населения при слабом правительстве, не способном обеспечить контроль над армией и доступом к оружию [Камалова, 2013. С. 143]. Соответственно, отмечалось, что в авторитарных и демократических государствах отрицательное влияние этнической гетерогенности на экономический рост существенно меньше [Буфетова и др., 2017. С. 144]. Следовательно, в условиях этнокультурного разнообразия необходимо либо верховенство доминантной этнокультуры, либо такой механизм взаимодействия этнокультур в национальном сообществе, который его консолидирует.

Примечательно, что такие этнически гомогенные государства, как Норвегия и Япония, характеризуются низким уровнем поляризации населения по уровню доходов. Возможно, именно этническая гомогенность является важной предпосылкой консолидированности этносов, а это, в свою очередь, обеспечивает высокую экономическую продуктивность. Вместе с тем известно, что экономики этих государств не вполне устойчивы. Доходы

бюджета Норвегии сильно зависят от добычи нефти, а Япония сталкивается с проблемой старения населения, то есть с демографической неустойчивостью. Потому актуальным представляется изучение проблемы связи этнокультурного разнообразия с устойчивостью экономического роста.

Уроки экологии

Для обсуждения означенной проблемы полезно описание территориально локализованной экономики как межэтнического сообщества, в котором взаимодействуют различные этнокультуры. В этом смысле этнокультурное разнообразие можно сопоставить с биоразнообразием и, соответственно, использовать экологические представления для анализа межэтнического сообщества как регионального антропогеоценоза. В этом случае эвристична аналогия между этнокультурами и биологическими видами, а точнее – поскольку объектом являются внутривидовые отношения – аналогия с экологически варьируемыми этнотипами. Такую аналогию фактически проводил Л. Н. Гумилев, описывавший существенную взаимосвязь этноса и ландшафта.

Это позволило сформировать этническую экологию как самостоятельное исследовательское направление. Один из его основоположников В. И. Козлов писал о том, в частности, что на обширной территории с разнообразными ландшафтами различные по своим системам жизнеобеспечения этносы находят для себя отдельные экологические ниши и могут долгое время сосуществовать, как, например, эвенки, буряты и русские в Забайкалье [Козлов, 1994. С. 217]. По его оценке, наиболее чувствительны к вселению иноэтнических групп те аборигенные группы, которые специализированы на присваивающем хозяйстве, так как даже незначительная хозяйственная активность мигрантов может привести к нарушению экологического баланса и деградации антропогеоценоза.

В экологии по отношению к инвазионным видам, вторгающимся в экосистему, замечено, что на начальном этапе внедрения на новые территории они осваивают ресурсы, недоиспользуемые аборигенными видами, а на следующем – вступают в конкуренцию за используемые теми ресурсы. Конкурентное превосходство выражается в высокой продуктивности, устойчивости и простоте размножения. Эффект высокой численности потомства активно

натурализирующихся видов получил название «давление диаспор» [Виноградова и др., 2015. С. 37].

Экологические преимущества биоразнообразия обычно фиксируются в следующих эффектах, которые, на наш взгляд, аналогично проявляются в рамках этнокультурного разнообразия:

- максимальная эффективность специализированных видов в использовании источников и форм ресурсов;

- многообразие организмов, выполняющих сходные функции в экосистемах, повышает надежность и устойчивость экосистем за счет многократного дублирования потоков в пищевых цепях и заполнения освободившихся по тем или иным причинам экологических ниш аналогичными видами;

- повышение общей стабильности сообществ за счет более или менее равномерного распределения эффекта воздействия внешних факторов между отдельными видами;

- повышение индивидуальной устойчивости и пластичности членов сообщества в условиях насыщенной и разнообразной конкурентной среды;

- преимущественное появление эволюционно существенных новообразований.

Подчеркивается, что в природе отбираются, в конечном счете, не более продуктивные, а более экономные сообщества, способные минимизировать потери и максимально замкнуть круговорот [Горшков, 1995. С. 22].

Сообщества с малым биоразнообразием встречаются на островах, в ряде естественных ландшафтов (пустыня, сухая степь, тундра), а также в агробиоценозах. В таких сообществах виды, адаптированные к ландшафту, становятся доминантными и достигают большой численности. Вместе с тем именно такие сообщества неустойчивы, поскольку численность доминирующего вида подвержена значительным флуктуациям.

Вместе с тем и биоразнообразие динамично. В стабильных экосистемах виды предельно специализированы, что при изменении внешних условий ведет к ломке структуры. Так, в палеоэкологии кризисные ситуации диагностируются по критерию падения разнообразия экосистем. Однако вновь формируемое в результате кризисной перестройки биоразнообразие, как правило, оказывается выше при более плотной упаковке экологических ниш. Предполагается, что кризис помогает преодолевать

структурные ограничения роста биоразнообразия в стабилизированной экосистеме, исчерпавшей возможности фрагментации экологических ниш.

К социальной экологии межэтнических сообществ

Опыт социально-экологической интерпретации взаимодействий этнокультур в составе межэтнического сообщества принял известный российский этнолог А. В. Головнев [Головнев, 2015]. Он дифференцировал два типа этнокультур в зависимости от принятой в них модели поведения человека – как «травоядного» или как «хищника». Он же ввел понятие локальных и магистральных этнокультур (таблица).

**Признаки локальных и магистральных этнокультур
(по А. В. Головневу)**

Признак	Локальная этнокультура	Магистральная этнокультура
Тип человека	Человек-травоядное (собиратель)	Человек-хищник (охотник)
Образ жизни	Оседлость	Кочевничество
Культура	«Возделывает» конкретную эконишу	Синтезирует локальные группы в сети коммуникаций и сложные сообщества
Уровень культуры	«Нижняя» культура: собиратели, промысловики, земледельцы, рыбаковы, ремесленники	«Верхняя» культура: лидеры-посредники (военно-политическая, жреческая, торговая элита)
Технологии	Бережное отношение к окружающей среде, культ родного края; детальность знаний и обстоятельность	Технологии мобильности, посредничества и экспансии
Осваиваемые ресурсы	Биоресурсы	Социоресурсы
Адаптация	Экоадаптация – освоение конкретного биотопа	Экосоциоадаптация – освоение социокультурных ресурсов локальных культур
Модель безопасности	«Кормовая» модель безопасности	«Силовая» модель безопасности
Компетенции	Умение выживать, устойчивость	Умение побеждать, маневренность и эфемерность
Этничность	«Почвенная» микроразличность	Синтетическая макро- и мультиэтничность

Источник: таблица составлена на основе обобщения идей А. В. Головнева.

Исторически первичными являются локальные культуры, которые могли существовать и в виде бродячих сообществ. Со стабилизацией природопользования как некие надстроечные структуры возникают магистральные культуры, которые включают в свою

структуру локальные культуры, расположенные на освоенной магистрали (пути). Например, российскую государственность А. В. Головнев оценивает как возникшую в результате синтеза славянской локальной культуры и трех магистральных культур – норманнской, татаро-монгольской, православно-византийской.

Синтез славянской и норманнской культур он описывает так: «Первоначально контакт славян и скандинавов был взаимодействием различных систем адаптации: славянская культура локальных ниш так же органично входила в норманнскую культуру больших пространств, как норманнская торговля и военный промысел дополняли комплекс жизнеобеспечения славян. Эти культуры усиливали друг друга: норманны разными средствами (торговлей, данью, грабежом) собирали “урожай” на славянских землях, а славяне пользовались услугами скандинавов в дальней торговле и военных кампаниях; норманны создавали колонии на славянских землях, а славяне заселяли новые пространства по проторенным скандинавами путям. В сочетании локальной (славянской) и магистральной (норманнской) деятельностных схем сформировалась обширная общность под названием Русь и родилась новая синтетическая норд-русская (верхнерусская, новгородская) культура» [Головнев, 2009. С. 421].

По мнению ученого, взаимодействие магистральных этнокультур лежит в основе появления большинства крупных государств. Релевантность модели А. В. Головнева особенно ярко подтверждается экономической историей государств, образовавшихся в результате колонизаций, основанных на отношениях данничества и подданства, а также функционирующих в режиме неокOLONиальной зависимости. Российская государственность и в настоящее время опирается на магистральные культуры. Мобильность государствообразующей элиты выражается, в частности, в практике межрегиональной и межотраслевой ротации управленческих кадров.

В экологии используется понятие доминантного вида, наиболее многочисленного в сообществе. В указанном значении русские являются в России доминантным этносом. Но в интерпретации социальной экологии А. В. Головнева русская этнокультура, будучи локальной, оказывается подчинена «хищнической» мультиэтнической магистральной культуре. Этносы – носители последней – с экологической точки зрения относятся к «верховным

хищникам». А. В. Головнев различает «нижнюю» и «верхнюю» культуры (напомним, что евразийцы также различали «низы» и «верхи» русской культуры). А в «верхах» исторически заметное место занимали носители магистральных культур – варяги, выходцы из татарской знати, приглашенные на службу немцы, евреи и др., а также те русские, которые ориентированы на обогащение с последующей эмиграцией (западники).

Локальная природа русской культуры определяет невысокий уровень консолидированности этнических русских по сравнению с другими народами России. Для консолидации и самоорганизации русского населения требуется посредничество представителей других, более мобильных этносов, исторически склонных устанавливать и поддерживать связи международного масштаба. Однако умение русских выживать и пластичность русской этнокультуры позволили освоить большую территорию с различными экологическими нишами, адаптироваться к местным, более ригидным этнокультурам и стать ресурсной базой для магистральных элит.

Из экологии известно, что умеренное «хищничество» часто снижает плотность доминантов, давая таким образом возможность менее конкурентоспособным видам лучше использовать пространство и ресурсы [Одум, 1996. С. 135]. Наряду с этим хищник не может ограничиваться одним видом, так как численность последнего неустойчива. Так и экспансия магистральной культуры расширяет территорию, включая другие народы и понижая плотность расселения доминантного этноса. Благодаря этому этнические элиты получают возможность приглашать к себе представителей других этносов, часто специализирующихся на определенных видах хозяйственной деятельности. Поселенцам предоставлялись определенные льготы, привилегии и преференции. Однако в случае ухудшения экономического положения те же льготы и привилегии становились поводом для этнических чисток со стороны коренного населения. Впрочем, дальше вступал в действие экологический принцип «Никто не гибнет в одиночку», и изгнанников, как, например, евреев в средневековой Европе, власти буквально через несколько лет стремились вернуть обратно [The Jews..., 1995. P. 46–73].

Заметим, что А. В. Головнев характеризует взаимодействие магистральной норманнской и локальной славянской культуры

в России не только как исключительно отрицательное. Оно было взаимовыгодным и положительным, так как обеспечивало распространение славянской культуры по обширной территории. Похоже, что славянская культура готова сотрудничать с магистральными этнокультурами, если они прокладывают торные пути к новым локальным нишам.

Этнокультура и ландшафт

Не оправдавшиеся в США надежды на эффект «плавильного котла», а также наметившаяся в современной Европе этническая фрагментация национальных государств и активно проявивший себя общемировой феномен этнического ренессанса актуализировали вопрос о природе и существенных признаках этноса и этнической культуры. В контексте обсуждаемой темы представляет интерес следующее положение В.В. Карлова: «В доиндустриальных обществах, если иметь в виду главные идентификационные признаки на уровне массового сознания, самым основным идентификационным параметром и критерием был прежде всего этнически специфичный для каждого народа способ адаптации к среде обитания, включая все его составляющие, т.е. в первую очередь, всю систему жизнеобеспечения и сами способы этого жизнеобеспечения, характер и способы действий» [Карлов, 2011. С. 470].

Культура этноса адаптивна, прежде всего, по отношению к ландшафту, и эта адаптация осуществляется в процессе трудовой деятельности, таким образом, конкретные параметры местообитания этноса определяют преобладающий хозяйственно-культурный тип. Поэтому логичным представляется качественную специфику этноса выражать через качественную специфику его местообитания.

Как показывает проведенный Я.В. Чесновым анализ этнонимов, многие народы идентифицируют себя по кормящему ландшафту (например, селькуп – «таежный человек») или по способу жизнеобеспечения. Так, степные эвенки назывались мурчены («конные»), а кочующие с оленями – ороchel («оленные») [Чеснов, 1982. С. 118].

Формирующиеся этносы имеют хозяйственно-культурные типы, адаптивные к ландшафту, поэтому представители разных этносов по-разному работают и отдыхают, по-разному себя ведут и одеваются, предпочитают особую пищу и т.д. Хозяйственными

соображения обусловлена и устойчивость этнической эндогамии [Бромлей, 1969]. Выбор супруга в своей этнической среде мотивирован экономической целесообразностью общности питания и семейного быта, традиций ведения домашнего хозяйства и адаптивности к типу занятости супруга.

Формируемые адаптивные признаки и умения закрепляются и составляют этнический капитал – этноспецифическую составляющую человеческого капитала этноса. В русской этнокультуре с ее архетипом «всечеловечности» этнокультурному компоненту человеческого капитала чаще всего не придают значения. Но сформированные на протяжении тысячелетий антропологические особенности этнотипа константны. Они не могут быть замещены в процессе воспроизводства человеческой жизни или компенсированы профессиональным образованием. При трудовых миграциях осуществляется определенный отбор подтипов, адаптивных к новому ландшафту, но для этноса это периферийные подтипы, не выражающие антропологический оптимум по отношению к родному ландшафту. Поэтому иногда особые требования, предъявляемые к рабочей силе, вынуждают целенаправленно организовывать миграционные потоки, подобные тем, какие наблюдались в работоторговле.

Таким образом, конкретный ландшафт своими особенными природно-климатическими условиями конституирует этническую общность, которая преобразует ландшафт, – и это устойчивое взаимодействие составляет этнокультуру.

Устойчивые модели поведения, исторически сложившиеся в деятельности по освоению и культивированию ландшафта, составляют содержание этнокультурной традиции. Характеризуя значение для современности традиционных хозяйственных практик народов Северного Кавказа, ученые Ю. С. Колесников и Ж. Д. Дармилова [Колесников, Дармилова, 2015. С. 28] обратили внимание на следующие важные, на наш взгляд, моменты. Во-первых, это адаптивность традиционных хозяйственных практик и институтов к ареалу этногенеза. Во-вторых, отмечается императив жизнеобеспечения и выживания этноса, который ориентирован не столько на «эффективность» труда, сколько на соответствие его технологий и приемов, а также всей социальной организации хозяйственных процессов особенностям среды обитания. В-третьих, исторически сформировавшееся социальное закрепление видов и особенностей

хозяйственных практик, определяющее готовность представителей разных народов к освоению определенных технологий, трудовых навыков, форм организации хозяйственной деятельности. В-четвертых, превращение ландшафтно обусловленных и обеспечивших выживание этноса традиционных моделей хозяйственной деятельности в устойчивые доминанты (константы), определяющие на длительный исторический период инерцию принятия хозяйственных решений представителями этого этноса.

Действительно, если какие-то разумные решения были найдены, то едва ли они должны пересматриваться при неизменности параметров окружающей среды. Поэтому модернизация должна учитывать этнокультурную традицию. Известным примером такой исторической практики является успешное развитие капитализма в Японии. В инновационном развитии необходимо использование традиций как магистралей устойчивого развития. Уход с магистрали возможен, но при стабильности условий окружающей среды неизбежно возвращение на магистраль как траекторию, на которой за длительное время достигается максимальная скорость экономического роста.

«Разноцветная» экономика: возможен ли этнодизайн?

Для описания идеальной модели экономики, оптимизирующей этнокультурное разнообразие, В.А. Крюков предложил метафору «разноцветной» экономики. «В процессе “движения” народов (их культур и хозяйственных укладов) на различных территориях формируются соотношения подходов к ведению хозяйственной деятельности, отличающиеся от преобладавших на данной территории ранее, – пишет он. – В этом случае экономика становится все более “разноцветной” – меняются не только виды хозяйственной деятельности, но и, что не менее важно, те отношения, которые ее опосредуют. Последние все в большей степени “окрашиваются” в национальные цвета и краски тех народов и культур, которые они с собой приносят и которых они придерживаются...» [Крюков, 2017. С. 2].

Действительно, визуальные метафоры многоцветности, мозаики, радуги культуры часто используются для описания этнокультурных праздников и выражения позитивного образа межэтнических сообществ. Однако перенос цветовых метафор

на экономическую жизнь требует разрешения ряда затруднений. Во-первых, нет однозначности в цветовой идентификации культур. Во-вторых, определенные сложности создают устоявшиеся метафоры цветовых значений. Так, черно-белая метафора традиционно применяется для обозначения легальности / нелегальности хозяйственной деятельности, а метафоры «синей», «зеленой» и «коричневой» экономики используются в рамках ее экологически ориентированной оценки.

Если же предпринять опыт цветовой идентификации российской экономики, то можно обратить внимание, что жизнь в России обычно ассоциируется с серым цветом: серое небо, серые будни, серый быт, серая масса населения, серость как обеспечивающий выживание антропологический оптимум. Нормой является и серая экономика – так называемая псевдоэкономика, не столько скрываемая, сколько имитативная хозяйственная деятельность, хотя и теневая экономика даже по официальным данным составляет сейчас в России более шестой доли ВВП.

Серый цвет нейтрален, обезличен и практичен. Известно, что он не привлекает к себе внимание, легко сочетается с другими цветами и служит для них идеальным фоном, все цвета выступают на нем в их действительном звучании.

В экономической интерпретации это означает, что русская экономическая культура – это культура повседневного, незаметного и спокойного, умеренного и нелихорадочного труда. Труда служебного, когда служат и помогают всем, не выпячивая свое «Я», а наоборот, выделяя и подчеркивая достижения других, возможно, более «ярких» этнокультур.

Заключение

В последнее время на уровне представительных международных организаций этнокультурное многообразие признано в качестве важного условия жизнеспособности социума, подобно оценке роли биоразнообразия для устойчивости экосистем и биосферы в целом. В вопросе о связи этнокультурного многообразия и экономического развития, этнокультуры и экономики осознана необходимость объединения «лучших черт и особенностей экономических укладов», базирующихся на разных этнических традициях, с целью формирования «синтетического» уклада «на основе различных культур и хозяйственных практик» [Крюков,

2017. С. 2]. Такая установка задает важные методологические ориентиры в изучении данной темы для представителей социально-философской, социологической, культурологической, этнологической, конфликтологической, экономической наук.

Мы обозначили некоторые значимые, на наш взгляд, вопросы, в совокупности составляющие концептуальные предпосылки для успешной разработки рассматриваемой темы. Перспективная задача состоит в том, чтобы от общей постановки и обоснования проблемы перейти к содержательному анализу конкретных процессов. И здесь хотелось бы обратить внимание на существующую проблемную ситуацию.

С учетом того, что этнокультурное многообразие во многом является продуктом миграционных процессов, можно констатировать наличие в социогуманитарных науках двух векторов научных поисков, противоположных в своих оценках происходящего. С одной стороны, позитивно оценивается роль этнокультурного многообразия для динамизма и устойчивости экономики, прежде всего в аспекте предпринимательской деятельности [Цапенко, 2016]. С другой – акцентируется негативное влияние современных миграционных процессов на состояние межэтнических отношений как в глобальном, так и в региональном масштабах. Поэтому одним из перспективных направлений исследований должно стать комплексное осмысление экономических и этносоциальных последствий усиления этнокультурного разнообразия под влиянием миграционных процессов, выявление тех условий и механизмов, при которых экономические выгоды одновременно являются благоприятными для межэтнического сообщества, укрепления его интеграционного потенциала.

Литература

Бромлей Ю.В. Этнос и эндогамия // Советская этнография. 1969. № 6. С. 84–91.

Буфетова А.Н., Коломак Е.А., Михалёва М.М. Национальное разнообразие и экономическое развитие регионов России // Мир экономики и управления. 2017. № 3. С. 143–157.

Виноградова Ю.К., Майоров С.Р., Бочкин В.Д. Влияние чужеродных видов растений на динамику флоры территории Главного ботанического сада РАН // Российский журнал биологических инвазий. 2015. № 4. С. 22–41.

Голвинов А.В. Локальные и магистральные культуры Северной Евразии // Человек и Север: антропология, археология, экология: Материалы всероссий-

ской конференции. Тюмень: Изд-во Ин-та проблем освоения Севера СО РАН, 2012. С. 234–237.

Головнёв А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009. 496 с.

Горшков В. Г. Физические и биологические основы устойчивости жизни. ВИНТИ, 1995. 494 с.

Камалова Р. У. Этническая гетерогенность: основные понятия и проблемы измерения // *Полития*. 2013. № 4. С. 127–149.

Карлов В. В. Этническая идентификация в системе идентичностей глобального мира: тенденции изменений // *Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В. А. Тишкова*. М.: Наука, 2011. С. 469–473.

Козлов В. И. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности // *Советская этнография*. 1970. № 6. С. 47–60.

Козлов В. И. Этническая экология: становление дисциплины и история проблем. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. 230 с.

Колесников Ю. С., Дармилова Ж. Д. Традиционные хозяйственные практики народов Северного Кавказа и современность // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Сер. 5: Экономика. 2015. Вып. 4. С. 26–39.

Крюков В. А. «Разноцветная» экономика // *ЭКО*. 2017. № 10. С. 2–4.

Лист Ф. Национальная система политической экономии. М.: Издательство «Европа», 2005. 382 с.

Милль Дж. С. Основы политической экономии и некоторые аспекты их приложения к социальной философии. Т. 1. М.: Прогресс, 1980. 495 с.

Одум Ю. Экология: В 2-х т. Т. 2. Пер. с англ. М.: Мир, 1986. 376 с.

Павлов К. В. Этноменеджмент как составная часть этноэкономики // *Вестник Института экономических исследований*. 2016. № 2. С. 13–28.

Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения // *Рикардо Д.* Соч. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 30–360.

Семенов Ю. И. Экономическая этнология: М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993. 710 с.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962. 684 с.

Цапенко И. Экономические ресурсы этнокультурного разнообразия // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. № 11. С. 35–46.

Чеснов Я. В. Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов // *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе*. М.: Наука, 1982. С. 109–124.

Light I. The ethnic economy. In: N.J. Smelser and R. Swedberg, eds. *The handbook of economic sociology*. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 650–677.

The Jews in Western Europe 1400–1600. Manchester and New York: Manchester University Press, 1995. 156 p.

Summary

Popkov Yu. V., Institute of Philosophy and Law, SB RAS, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk; Tiugashev E. A., Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk.

The Ethnic Culture and Economy: Synergy Opportunities

The article presents an overview of the conceptual prerequisites for the study of the relationship of ethno-cultural diversity with the social mechanisms of economic life. It highlights the ideas of classical political economy on the subject with the emphasis on “nation-centeredness” that establishes the defining influence of climatic conditions, type of economy, cultural specifics and features of national character of the population on the economic specialization of nations. Ethno-cultural diversity is viewed as an additional economic resource. It also singles out the ecological and economic concepts of stability and productivity of ecological communities, which are used to interpret the role of ethno-cultural diversity in the socio-economic development of interethnic communities and ensure their social stability and economic productivity. The analysis of the geographically localized economy as an interethnic community allows to conclude that ethno-cultural diversity has a beneficial effect on the economic development and interethnic relations, provided successful integration of other non-ethno-cultural groups into the host community is achieved.

Ethnic group; ethnic diversity» ethnic culture; ethnic economics; ethnic ecology; anthropo-ecology» interethnic community

References

- Bromlej Yu.V. (1969). Etnos i endogamiya. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 6. Pp. 84–91. (In Russ.)
- Bufetova A.N., Kolomak E.A., Mihalyova M.M. (2017). Nacional'noe raznoobrazie i ehkonomicheskoe razvitie regionov Rossii. *Mir ehkonomiki i upravleniya* [World of economics and management]. No. 3. Pp. 143–157. (In Russ.)
- Vinogradova Yu.K., Mayorov S.R., Bochkin V.D. (2015). Vliyanie chuzherodnih vidov rastenii na dinamiku flori territorii Glavnogo botanicheskogo sada RAN. *Rossijskij zhurnal biologicheskikh invazii* [Russian Journal of Biological Invasions]. No. 4. Pp. 22–41. (In Russ.)
- Golovnyov A.V. (2009). Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoj Evrazii). Ekaterinburg, UB Publ., Volot Publ. 496 p. (In Russ.)
- Golovnyov A.V. (2012). Lokal'nie i magistral'nie kul'turi Severnoi Evrazii. In: Chelovek i Sever. Antropologiya, arheologiya, ekologiya: Materialy vserossiiskoi konferencii [Man and the North. Anthropology, archeology, ecology: Materials of the all-Russian conference]. Tyumen. Pp. 234–237. (In Russ.)
- Gorshkov V.G. (1995). Fizicheskie i biologicheskie osnovi ustoichivosti zhizni. VINITI Publ. 494 p. (In Russ.)
- Kamalova R.U. (2013) Etnicheskaya geterogennost': osnovnye ponyatiya i problemy izmereniya. *Politiya* [Politeia]. No. 4. Pp. 127–149. (In Russ.)
- Karlov V.V. (2011). Etnicheskaya identifikaciya v sisteme identichnostej global'nogo mira: tendencii izmenenij. In: Fenomen identichnosti v sovremennom gumanitarnom znanii: k 70-letiyu akademika V.A. Tishkova [The phenomenon of identity in contemporary humanitarian knowledge: to the 70th birthday of Academician V.A. Tishkov]. Moscow. Nauka Publ. Pp. 469–473. (In Russ.)

Kozlov V.I. (1970). Etnos i ehkonomika. Etnicheskaya i ehkonomicheskaya obshchnosti. *Sovetskaya etnografiya* [*Soviet Ethnography*]. No. 6. Pp. 47–60. (In Russ.)

Kozlov V.I. (1994). Etnicheskaya ehkologiya: stanovlenie discipliny i istoriya problem. Moscow. Institut etnologii i antropologii RAN Publ. 230 p. (In Russ.)

Kolesnikov Yu.S., Darmilova Zh.D. (2015). Tradicionnye hozyaistvennye praktiki narodov Severnogo Kavkaza i sovremennost'. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta* [*The Bulletin of Adyghe State University*]. Series. 5: Economics. Vol. 4. Pp. 26–39. (In Russ.)

Kryukov V.A. (2017). «Raznocvetnaya» ehkonomika. *ECO* [*ECO*]. No. 10. Pp. 2–4. (In Russ.)

List F. (2005). Nacional'naya sistema politicheskoy ehkonomii. Moscow. Evropa Publ. 382 p. (In Russ.)

Mill' Dzh. S. (1980). Osnovy politicheskoy ehkonomii i nekotorye aspekty ih prilozheniya k social'noi filosofii. Vol. 1. Moscow. Progress Publ. 495 p.

Odum Yu. (1986). Ekologiya. Vol. 2. Moscow. Mir Publ. 376 p. (In Russ.)

Pavlov K. V. (2016). Etnomenedzhment kak sostavnaya chast' etnoehkonomiki. *Vestnik Instituta ehkonomicheskikh issledovanij* [*Vestnik of Institute of Economic Research*]. No. 2. Pp. 13–28. (In Russ.)

Rikardo D. (1955). Nachala politicheskoi ekonomii i nalogovogo oblozheniya. In: Rikardo D. Sochineniya [Compositions]. Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ. Pp. 30–360. (In Russ.)

Semenov Yu.I. (1993). Ekonomicheskaya etnologiya. Moscow. Institut etnologii i antropologii RAN Publ. 710 p. (In Russ.)

Smit A. (1962). Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov. Moscow. Izdatel'stvo social'no-ehkonomicheskoi literatury Publ. 684 p. (In Russ.)

Capenko I. (2016). Ekonomicheskie resursy etnokul'turnogo raznoobraziya. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [*World Economy and International Relations*]. No. 11. Pp. 35–46. (In Russ.)

Chesnov Ya.V. (1982). Ob etnicheskoi specifike hozyajstvenno-kul'turnih tipov. In: *Etnos v doklassovom i ranneklassovom obshchestve* [*Ethnos in pre-class and early class society*]. Moscow. Nauka Publ. Pp. 109–124. (In Russ.)

Light I. (1994). The ethnic economy. In: N.J. Smelser and R. Swedberg, eds. *The handbook of economic sociology*. Princeton: Princeton University Press. Pp. 650–677.

The Jews in Western Europe 1400–1600. (1995). Manchester and New York: Manchester University Press. 156 p.

Национальное и религиозное разнообразие регионов Сибири

А.Н. БУФЕТОВА, кандидат экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.

E-mail: bufetova@gmail.com

Е.А. КОЛОМАК, доктор экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.

E-mail: ekolomak@academ.org

А.А. ХРЖАНОВСКАЯ, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск. E-mail: AlinKhrzh57@mail.ru

В работе тестируется гипотеза о более высокой этнической и религиозной гетерогенности населения территории Сибири в сравнении с общероссийскими данными. На основе переписей населения 2002 и 2010 гг. и данных по вероисповеданию за 2012 и 2015 гг. получены количественные оценки национального и религиозного разнообразия для России в целом и для регионов Сибири. В анализе использовались индексы неоднородности и поляризации. Результаты не подтвердили предположение о том, что Сибирь отличается высоким национальным разнообразием, кроме того, в регионе наблюдается более быстрое сокращение этнической неоднородности по сравнению с Россией. Гетерогенность религиозного состава населения Сибири несколько выше среднего уровня по стране, но тенденция к большей однородности выражена сильнее.

Ключевые слова: национальная структура, религия, население, разнообразие, Россия, Сибирь

В современной научной повестке все больше внимания уделяется роли факторов неэкономической природы в формировании стимулов и поведения экономических агентов, что, в свою очередь, влияет на динамику развития общества в целом. Как правило, эта связь устанавливается через формальные и неформальные институты. Нормы и правила вырастают из истории, традиций и культуры, создавая разнообразие в институциональной среде, влияя на качество регионального и муниципального управления.

Воздействие национальных и религиозных установок на институты и экономическое развитие прослеживается через социальный капитал, определяющий доверие между людьми, через элементы деловой этики и особенности накопления человеческого капитала [Becker, Woessmann, 2009; Tabelini, 2008;

LaPorta et al., 1997; Grosfeld et al., 2013; Menyashev, Polishchuk, 2011; Ягольницер, 2014].

Если в отношении культуры и религии в научной литературе в основном разделяется точка зрения, что эти неформальные институты, формируя общие нормы и ценности, способствуют интеграции общества, выполняют функции координации и играют положительную роль в социальных и экономических процессах, то этническое и религиозное разнообразие в экономической теории рассматривается и как ресурс развития, и как источник серьёзных конфликтов, которые могут отвлекать ограниченные средства и сдерживать рост. При этом положительные эффекты неоднородности обсуждаются, как правило, в контексте долгосрочной эволюции [Даймонд, 2016], противоречия же, вытекающие из неоднородности, фигурируют в текущей повестке, поэтому сопоставление выгод и издержек является сложной задачей. Но в любом случае при разработке политики и принятии управленческих решений должны учитываться особенности институциональной структуры общества, возможности противоречий из-за культурных различий и потенциальные выгоды, которые несут разнообразие накопленных навыков и диверсификация общества.

В предыдущей статье А. Н. Буфетовой и Е. А. Коломак были представлены оценки национального разнообразия и поляризации в современной России [Буфетова, Коломак, 2017]. В предлагаемой работе используются результаты авторов, полученные ранее, а также приводятся данные сравнительного анализа этнического и религиозного разнообразия сибирской территории.

Для Сибири как региона нового освоения всегда была характерна высокая миграционная составляющая демографических процессов. Естественно предположить, что этническая и религиозная неоднородность в связи с этим должна быть в Сибири выше, чем в России в целом, так как добровольное и принудительное переселение в регион охватывало разные этнические группы и представителей разных конфессий. Последствия шоков политических и экономических реформ, активная внутренняя и внешняя миграция, изменение роли религии в обществе и кардинальное преобразование институтов также существенно повлияли на этническое и религиозное разнообразие этого региона.

В связи с этим наше предположение состоит в том, что Сибирь является территорией, где уровень этнического и культурного разнообразия существенно выше среднего в России. Неоднородность населения создаёт основу для различий в предпочтениях жителей и в их оценках качества общественных благ, и это должно учитываться в процессах управления развитием территорией, в выборе механизмов и инструментов реализации политических решений.

Сибирь в данной работе рассматривается в границах макро-региона, включающего, наряду с 12 субъектами Сибирского федерального округа, Тюменскую область, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа.

Как измерить «сибирский интернационал»?

Источником информации о национальном составе населения субъектов Российской Федерации выступали данные всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.¹ Для количественной оценки уровня неоднородности разработаны две группы индексов: первая объединяет показатели разнообразия и ассоциируется с положительными эффектами; вторая включает показатели поляризации и связывается с рисками конфликта. В данной работе оценивался один показатель поляризации и две оценки разнообразия – индекс неоднородности и энтропия. Свойства этих характеристик, их преимущества и недостатки обсуждаются в работе А. Буфетовой и Е. Коломак (2017).

Индекс неоднородности рассчитывается по формуле: $F = 1 - \sum_{i=1}^N (s_i)^2$, где s_i – доля населения i -й этнической группы в общей численности населения, N – число таких групп. Индекс принимает значения от 0 до $1 - 1/N$. Показатель энтропии определяется по формуле: $E = \sum_{i=1}^N (s_i) \cdot \ln\left(\frac{1}{s_i}\right)$. Максимальное значение индекса зависит от числа групп и равно $\ln N$. Поэтому для сопоставимости показатель нормировался к максимальному значению для каждого региона.

¹ В указанных источниках данные по Тюменской области приведены в целом, с включением автономных округов, и по каждому округу отдельно. Поэтому для Тюменской области без округов была получена оценка путем вычитания численности населения соответствующей национальности в автономных округах из общего показателя.

Индекс поляризации используется для оценки возможности конфликтов и характеризует распределение населения между группами. В литературе разработано несколько подходов к оценке поляризации, в данной работе используется индекс, предложенный Монталво и Рейнал-Кверол (Montalvo, Reynal-Querol, 2002), который является мерой отличия фактического распределения населения по этническим группам от бимодального:

$$DP = 1 - \sum_{i=1}^N \left(\frac{0,5 - s_i}{0,5} \right) s_i$$

Чей интернационал разнообразнее?

Во всех сибирских регионах, кроме Республики Тыва, доминирующим этническим большинством является русское население. Его доля в 2010 г. колебалась от 56,6% в Республике Алтай до 93,9% в Алтайском крае. При этом доля русских возросла в 2010 г. по сравнению с 2002 г. в большей части регионов; исключения составляют республики Алтай, Бурятия и Тыва, где его доля сокращается (табл. 1).

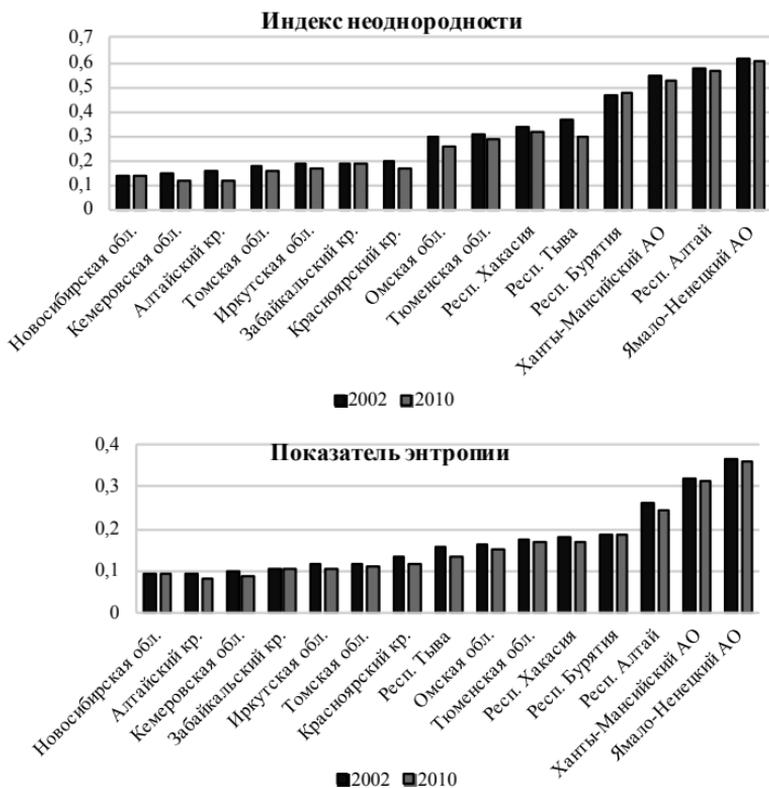
Таблица 1. Показатели этнического разнообразия в регионах в 2002 г., 2010 г., %

Показатель	Индекс неоднородности		Показатель энтропии		Индекс поляризации	
	Сибирь	Россия	Сибирь	Россия	Сибирь	Россия
Доля регионов, где показатель разнообразия меньше российского: 2002 г. 2010 г.	67	56	80	67	60	55
	73	59	80	69	60	55
Доля регионов с растущим показателем разнообразия	6,7	18	6,7	21	20	26,5
Максимальное увеличение показателя разнообразия	2,6 (Республика Бурятия)	11,3	2,6 (Новосибирская обл.)	13,3	4,4 (Республика Алтай)	10,2
Максимальное сокращение показателя разнообразия	23 (Алтайский край)	69	16,5 (Алтайский край)	57,5	21,5 (Алтайский край)	68

В Республике Тыва доминирующей национальностью были тувинцы, доля которых составляла 77% в 2002 г. и 82% –

в 2010 г., а доля доминирующего этнического меньшинства – русского населения – сокращалась с 20 до 16,3%.

Все показатели разнообразия в большинстве сибирских регионов – ниже, чем соответствующие индексы, рассчитанные для России в целом. Кроме того, в Сибири меньше доля регионов, где индексы разнообразия выросли с 2002 г. по 2010 г. (см. табл. 1). Индекс неоднородности увеличивается только в одном регионе (Республика Бурятия), показатель энтропии – тоже в одном (Новосибирская область), индекс поляризации – в трех регионах – республиках Алтай и Бурятия и Забайкальском крае (рис. 1). В остальных регионах показатели разнообразия сокращаются. При этом по сравнению с Россией сибирские регионы демонстрируют более слабую динамику показателей разнообразия: максимальное увеличение и сокращение показателей здесь гораздо меньше, чем по всей стране.

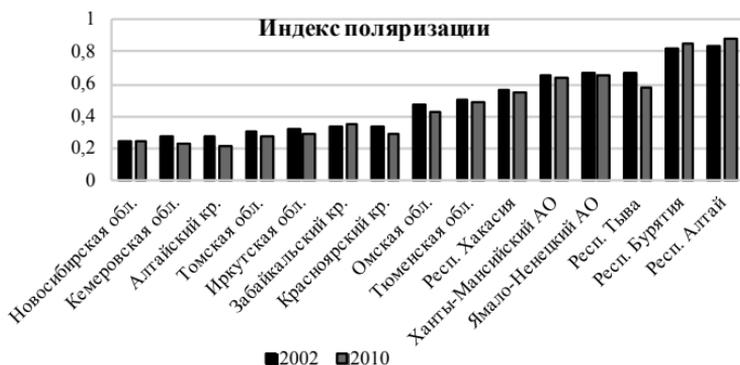

Рис. 1. Динамика показателей разнообразия в регионах Сибири в 2002 г. и 2010 г.

В 2002 г. в пяти сибирских регионах индекс национальной неоднородности был выше российского уровня, в 2010 г. число таких регионов сократилось до четырех (рис. 2). Во всех случаях это национальные республики и автономные округа. На первом месте – Ямало-Ненецкий автономный округ, затем идут Республика Алтай и Ханты-Мансийский автономный округ, на четвертом месте – Республика Бурятия. В 2002 г. индекс неоднородности превышал российский уровень в Республике Тыва, но к 2010 г. степень неоднородности в этом регионе сократилась: возросла доля доминирующего этнического большинства – тувинцев.

Показатель энтропии национальной структуры превышает российский уровень только в трех регионах – Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах и Республике Алтай (рис. 3). Республика Бурятия занимает четвертое место по величине индекса энтропии, но его значение уже ниже российского показателя. Лидерами по показателю энтропии национальной структуры в Сибири, как и в России, являются национальные образования. В тройке регионов с самыми низкими показателями, причем как по индексу неоднородности, так и по показателю энтропии, – Новосибирская область, Алтайский край и Кемеровская область.

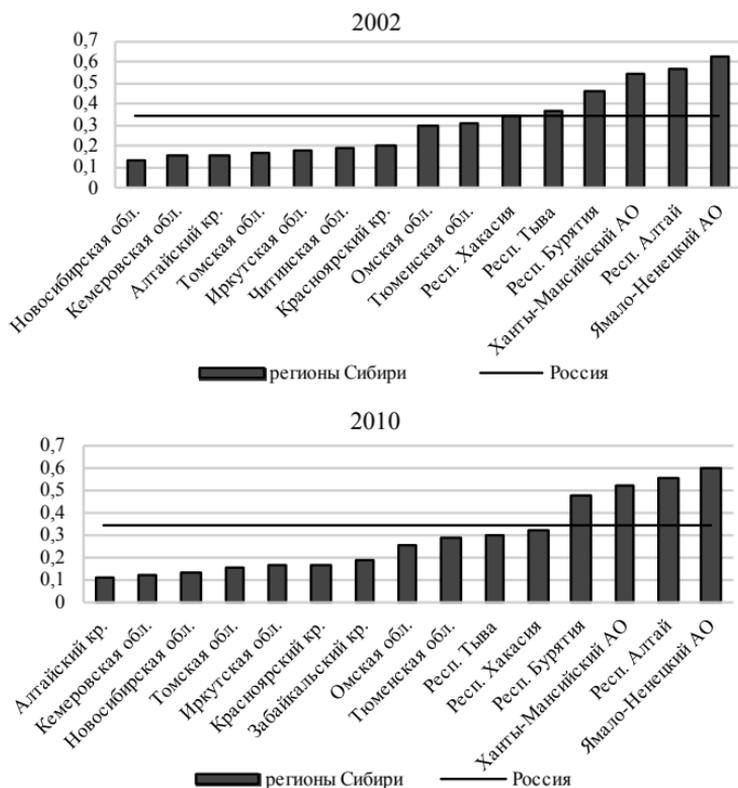

Рис 2. Индексы неоднородности в регионах Сибири и в России в 2002 г. и 2010 г.

Значение индекса поляризации превышает российский уровень в шести регионах (рис. 4). Это все те же национальные республики и автономные округа: республики Алтай, Бурятия и Тыва, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Республика Хакасия. Во всех этих регионах, кроме Республики Тыва, доминирующим этническим большинством являются русские, а преобладающим этническим меньшинством – титульная нация в республиках и украинцы – в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО. Однако индекс поляризации увеличивается только в двух регионах – республиках Алтай и Бурятия.

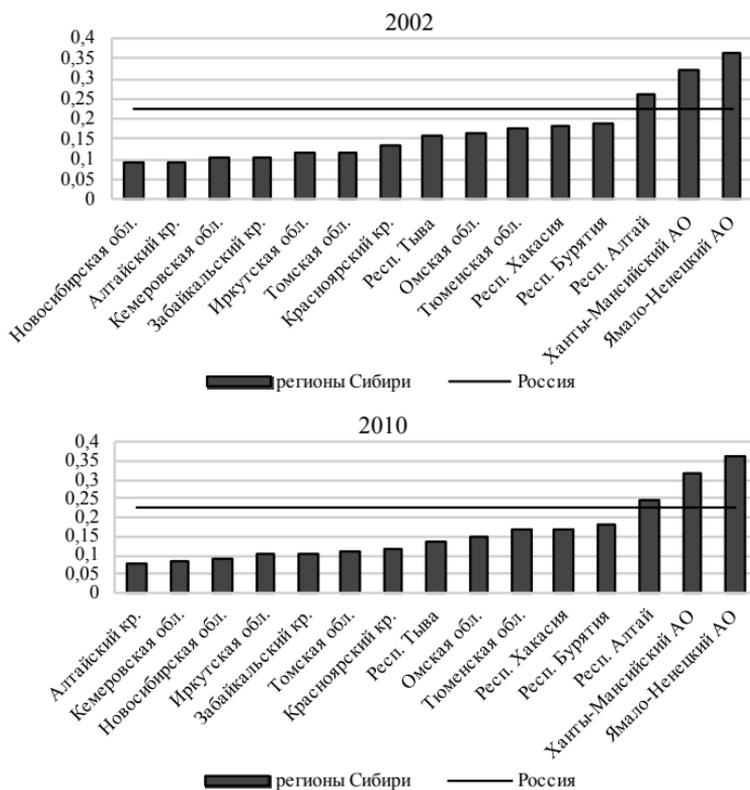

Рис. 3. Показатели энтропии в регионах Сибири и в России в 2002 г. и 2010 г.

Особенности распределения регионов Сибири по национальным группам показаны на рисунке 5. На горизонтальной оси зафиксирована доля этнического большинства, а на вертикальной – доля доминирующего этнического меньшинства, то есть второй по величине этнической группы в регионе. Если доля этнического большинства составляет p , то доля доминирующего этнического меньшинства не может превышать $(1-p)$. Поэтому все точки, обозначающие комбинации этих величин в регионах, находятся внутри треугольника с вершинами в точках $(0,0)$, $(0,5; 0,5)$ и $(1,0)$. Регионы, расположенные вблизи точки $(1,0)$, имеют крупное этническое большинство и потому относительно однородны. Регионы, расположенные вблизи вершины $(0,0)$, характеризуются дисперсной национальной структурой и поэтому

очень неоднородны. В регионах, расположенных вблизи вершины (0,5; 0,5), наблюдается поляризованное распределение населения по национальному признаку.

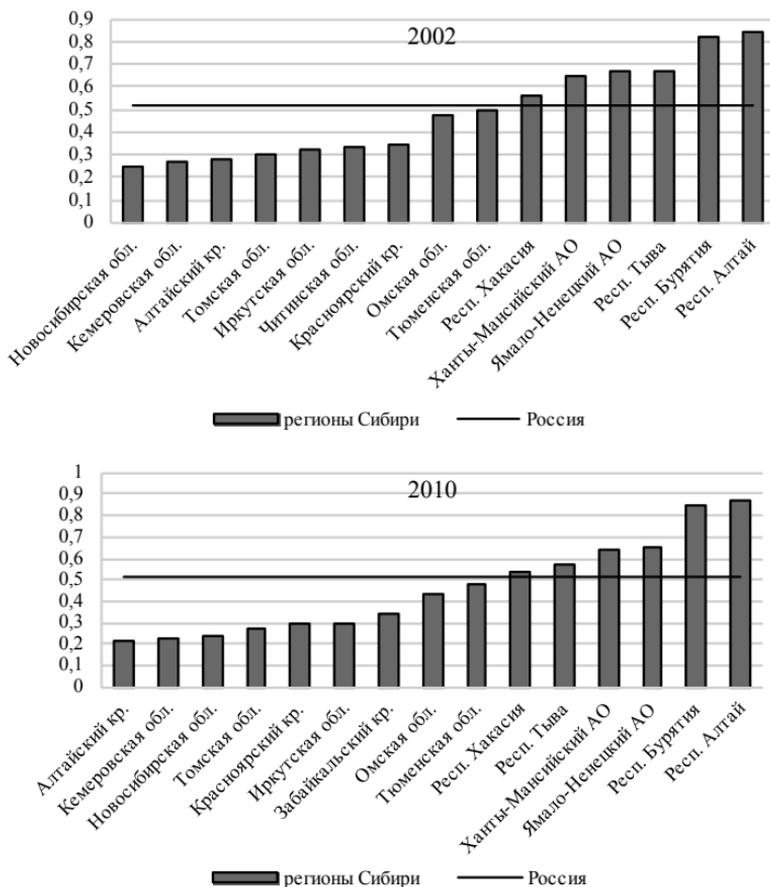

Рис. 4. Индексы поляризации в регионах Сибири и России в 2002 г. и 2010 г.

Данные рисунков показывают, что регион с наиболее поляризованной национальной структурой населения – Республика Алтай, где доля этнического большинства (русские) составляет около 57% (57,5 и 56,7% в 2002 г. и в 2010 г. соответственно), а доля доминирующего этнического меньшинства (алтайцы) – 30,7 и 33,9% в 2002 г. и 2010 г., соответственно. Так что поляризация по национальному составу в республике несколько

усиливается, и на графике положение региона смещается к вершине треугольника.

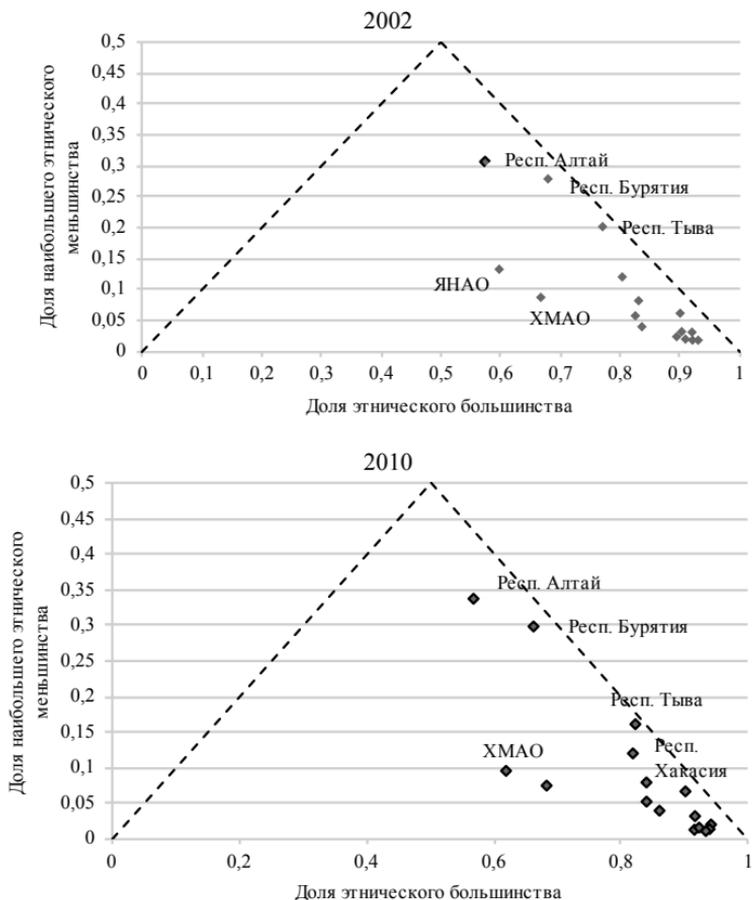

Рис. 5. Сопоставление долей этнического большинства и доминирующего этнического меньшинства в регионах Сибири в 2002 г. и 2010 г.

В Республике Бурятия этническое большинство (русские) составляет 68% в 2002 г. и 66% в 2010 г., а доминирующее этническое меньшинство (буряты) – 27,8% в 2002 г. и 30% в 2010 г.

Тройка регионов с самым низким показателем, так же как и группа лидеров по индексу поляризации, остается в 2002 и 2010 гг. без изменения – это Новосибирская, Кемеровская области и Алтайский край. Во всех этих регионах доля этнического

большинства составляет 92–93%, а самая значительная доля этнического меньшинства – 1,7% в Новосибирской и Кемеровской областях и 3% – в Алтайском крае.

Основные итоги проведённого сравнения регионов Сибири и России в целом следующие:

- регионы Сибири имеют несколько меньший уровень национального разнообразия, чем страна в целом;
- общероссийская тенденция сокращения национального разнообразия в Сибири проявляется в относительно большем числе регионов;
- в сибирских регионах динамика как роста, так и сокращения национального разнообразия более слабая.

Таким образом, наше первоначальное предположение о том, что активные исторические и современные миграционные процессы привели к более разнообразному национальному составу в Сибири, не подтвердилось. Этот результат говорит о том, что структура мигрантов в сибирских регионах является более однородной по сравнению с показателями, характерными для страны в целом.

Не только этничность, но и религия

Важным институтом, влияющим на поведение населения в различных экономических и социальных сферах, является религия. Наше предположение состояло в том, что сибирские регионы должны иметь более высокий уровень культурного разнообразия, проверим его по отношению к религии.

Конфессиональный состав населения Российской Федерации, несмотря на доминирование православной религии, достаточно разнообразен. Анализ неоднородности в религиозной принадлежности проводился для 2012 и 2015 гг.² Перечень вероисповеданий, по которым представлена статистика религиозной принадлежности, для разных лет имеет разную детализацию. Данные за 2012 г. дают более подробную структуру населения по вероисповеданию. Поэтому для обеспечения сопоставимости за основу принята группировка 2015 г., включающая следующий набор религиозных ответвлений:

² Информация за 2012 г. здесь и в табл. 2–3 представлена атласом религий и национальностей России «Арена» (некоммерческая исследовательская служба «Среда»), данные за 2015 г. подготовлены Федеральным агентством по делам национальностей.

- православие (включает граждан, исповедующих православие и при этом как принадлежащих к Русской православной церкви, так и не относящихся к ней, но не являющихся старообрядцами);
- ислам (исповедующие ислам, но не являющиеся ни суннитами, ни шиитами, а также исповедующие ислам шиитского направления);
- буддизм (исповедующие буддизм);
- атеизм (не верующие в Бога);
- своя вера (верующие в Бога (в высшую силу), но не конкретную религию; исповедующие протестантизм (лютеранство, баптизм, евангелизм, англиканство), а также пятидесятничество; исповедующие христианство, но не считающие себя ни православными, ни католиками, ни протестантами; исповедующие иудаизм, восточные религии и духовные практики (индуизм, кришнаизм, другие направления));
- язычество (исповедующие традиционную религию своих предков, поклоняющиеся богам и силам природы);
- прочие;
- старообрядчество (исповедующие православие, являющиеся старообрядцами (староверами));
- католицизм (исповедующие католицизм).

Характеристики соотношения долей населения по исповедуемым религиям в разрезе регионов РФ представлены в таблицах 2–5.

Таблица 2. Характеристики религиозного состава регионов РФ, 2012 г.

Ранг	Религия	Максимальное значение	Минимальное значение	Среднее значение	Стандартное отклонение	Медиана	Коэффициент вариации
1	Ислам	0,826	0,000	0,057	0,133	0,011	2,345
2	Православие	0,784	0,010	0,405	0,155	0,366	0,384
3	Буддизм	0,618	0,000	0,016	0,084	0,000	5,068
4	Своя вера	0,464	0,074	0,302	0,103	0,308	0,341
5	Атеизм	0,347	0,022	0,132	0,059	0,130	0,447
6	Язычество	0,294	0,000	0,019	0,040	0,008	2,140
7	Прочие	0,192	0,006	0,064	0,040	0,058	0,621
8	Старообрядчество	0,015	0,000	0,003	0,003	0,002	0,999
9	Католицизм	0,010	0,000	0,002	0,002	0,001	1,187

Таблица 3. Характеристики религиозного состава Сибири³, 2012 г.

Ранг	Религия	Максимальное значение	Минимальное значение	Среднее значение	Стандартное отклонение	Медиана	Коэффициент вариации
1	Буддизм	0,618	0,000	0,069	0,174	0,002	2,521
2	Своя вера	0,446	0,098	0,351	0,091	0,364	0,258
3	Православие	0,380	0,010	0,288	0,095	0,316	0,329
4	Атеизм	0,274	0,110	0,164	0,048	0,151	0,295
5	Прочие	0,161	0,009	0,078	0,043	0,072	0,552
6	Язычество	0,130	0,004	0,028	0,036	0,017	1,310
7	Ислам	0,062	0,000	0,018	0,020	0,011	1,144
8	Старообрядчество	0,012	0,000	0,003	0,003	0,001	1,250
9	Католицизм	0,005	0,000	0,001	0,002	0,000	1,243

Таблица 4. Характеристики религиозного состава РФ, 2015 г.

Ранг	Религия	Максимальное значение	Минимальное значение	Среднее значение	Стандартное отклонение	Медиана	Коэффициент вариации
1	Православие	0,923	0,030	0,627	0,171	0,669	0,273
2	Ислам	0,894	0,002	0,075	0,171	0,018	2,282
3	Буддизм	0,582	0,002	0,033	0,114	0,003	3,451
4	Атеизм	0,280	0,003	0,121	0,057	0,117	0,472
5	Своя вера	0,268	0,005	0,127	0,061	0,117	0,476
6	Язычество	0,131	0,002	0,009	0,019	0,003	2,233
7	Прочие	0,070	0,001	0,017	0,014	0,012	0,840
8	Старообрядчество	0,040	0,001	0,006	0,007	0,003	1,092
9	Католицизм	0,020	0,001	0,006	0,004	0,005	0,767

Источник табл. 4–5: составлено на основе данных Федерального агентства по делам национальностей.

В 2012 г. самыми распространенными в России были три религии: православие, ислам и буддизм. Максимальная доля придерживающихся этих вероисповеданий в отдельных субъектах РФ превышает 60%. При этом основная масса российского населения – это православные и атеисты. Структура религиозного состава Сибири и страны в целом существенно различается, межрегиональное разнообразие на сибирской территории предсказуемо меньше, и коэффициент вариации – ниже. Максимальная

³ Сибирский федеральный округ и Тюменская область с ХМАО и ЯНАО.

доля верующих, исповедующих ислам, в Сибири составляет всего 6,2%. Но при этом выходит на первое место буддизм: 61,8% населения Тывы отмечают приверженность этому учению, которое развивается на территории республики с XVIII в. и имеет даже свою региональную форму тибето-монгольского буддизма, которая зафиксирована в понятии «тувинский буддизм».

Таблица 5. Характеристики религиозного состава Сибири, 2015 г.

Ранг	Религия	Максимальное значение	Минимальное значение	Среднее значение	Стандартное отклонение	Медиана	Коэффициент вариации
1	Православие	0,715	0,206	0,588	0,130	0,608	0,221
2	Буддизм	0,582	0,002	0,083	0,176	0,005	2,117
3	Атеизм	0,220	0,082	0,151	0,038	0,147	0,252
4	Своя вера	0,215	0,084	0,134	0,041	0,130	0,303
5	Язычество	0,078	0,002	0,011	0,024	0,004	2,190
6	Ислам	0,050	0,004	0,022	0,012	0,020	0,573
7	Прочие	0,046	0,001	0,016	0,012	0,018	0,744
8	Старообрядчество	0,040	0,002	0,011	0,013	0,006	1,186
9	Католицизм	0,010	0,002	0,004	0,003	0,004	0,600

В 2015 г. максимальное значение доли отдельных религиозных групп увеличивается одновременно с сокращением части атеистов, что приводит к росту однородности общества. Как и при анализе национального состава, для количественной оценки гетерогенности населения использовался индекс неоднородности. Его сокращение в течение рассматриваемого периода произошло практически по всем регионам. Только четыре субъекта РФ имеют положительное сальдо, однако оно является незначительным по сравнению со средним сокращением индекса неоднородности по стране в целом. В 2012 г. индекс неоднородности был достаточно высоким – 0,65 в среднем по стране. Однако за последние три года этот показатель уменьшился на 0,15 и в 2015 г. был равен уже 0,5.

Для сибирских регионов показатель религиозной неоднородности в 2012 г. был ниже среднероссийского в одном регионе (Республика Тыва), а в 2015 г. – уже в четырех субъектах Федерации (Республика Хакасия, Алтайский край, Кемеровская и Омская области) (табл. 6), рост однородности религиозных предпочтений на территории Сибири идёт быстрее. Причиной

снижения гетерогенности религиозной структуры является восстановление религиозной стороны жизни. Сокращение разнообразия происходит за счёт уменьшения доли атеистов и увеличения веса основных религиозных групп.

Таблица 6. Изменение индекса неоднородности религиозных предпочтений населения регионов Сибири в 2012 г., 2015 г.

Регион	2012	2015	$\Delta_{2012-2015}$
Тюменская область	0,68	0,59	-0,09
Республика Алтай	0,79	0,64	-0,15
Республика Бурятия	0,77	0,65	-0,12
Республика Тыва	0,58	0,6	0,02
Республика Хакасия	0,67	0,49	-0,18
Алтайский край	0,74	0,47	-0,27
Красноярский край	0,7	0,57	-0,13
Иркутская область	0,66	0,59	-0,07
Кемеровская область	0,7	0,46	-0,24
Новосибирская область	0,73	0,56	-0,17
Омская область	0,67	0,48	-0,19
Томская область	0,72	0,56	-0,16
Забайкальский край	0,76	0,66	-0,1

Выводы

Анализ структуры населения Сибири показал, что макрорегион имеет уровень национального разнообразия меньше, чем в целом по России, при этом тенденция к большей однородности выражена отчётливее. Этот результат не соответствует нашему первоначальному предположению, которое отражает распространённое мнение, что в стране в целом, и в Сибири особенно, идёт рост гетерогенности национальной структуры. Предполагалось, что активная миграция в регион, которая началась ещё в дореволюционной России и продолжается в постсоветский период, должна была привести к более разнообразному этническому составу. Однако полученные количественные оценки не подтвердили данную гипотезу. Демографические процессы могут и не сопровождаться ростом неоднородности населения, если национальный состав мигрантов не отличается высоким разнообразием.

Оценки степени разнообразия религиозных предпочтений населения показали, что Сибирь имеет более неоднородную структуру по сравнению с показателями для страны, но скорость снижения гетерогенности в регионе значительно выше, чем России в целом.

С точки зрения краткосрочных эффектов более однородная структура населения является, скорее, преимуществом, так как проблем взаимодействия у людей со схожими представлениями о ценностях и нормах поведения оказывается меньше. Однако для долгосрочного развития территории преимущества разнообразия, заключающиеся в возможности сочетать навыки и опыт разных культур, будут ограничены.

Литература

Буфетова А. Н., Коломак Е. А. Национальная неоднородность в регионах России // ЭКО. 2017. № 4. С. 110–123.

Даймонд Д. Ружья, микробы и сталь. М.: АСТ, 2016. 720 с.

Ягольницер М. А. Диагностика условий формирования инновационных кластеров в регионах России: математико-статистический подход // Экономическое возрождение России. 2014. № 2. С. 93–104.

Becker S., Woessmann L. Was Weber wrong? A human capital theory of Protestant economic history. *The Quarterly Journal of Economics*. 2009. Vol. 124. P. 531–596.

Grosfeld I., Rodnyansky A., Zhuravskaya E. Persistent Anti-market Culture: A Legacy of the Pale of Settlement after the Holocaust. *American Economic Journal: Economic Policy*. 2013. Vol. 5. P. 189–226.

La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. Trust in Large Organizations. *American Economic Review*. 1997. Vol. 87. P. 333–338.

Menyashev R., Polishchuk L. Does Social Capital Have Economic Payoff in Russia? *Higher School of Economics. Working Paper*. 2011. № WP10/2011/01.

Montalvo J., Reynal-Querol M. Why ethnic fractionalization? Polarization, Ethnic Conflict and Growth. *UPF Working Paper*. 2002. № 660.

Tabellini G. Institutions and Culture. *Journal of the European Economic Association*. 2008. Vol. 6. P. 255–294.

Статья поступила 09.04.2018.

Summary

Bufetova A. N., Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk State University, **Kolomak E. A.**, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk State University, **Khrzhanovskaya A. A.**, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk

National and Religious Diversity of Siberian Regions

The paper tests hypothesis about higher ethnic and religious heterogeneity of Siberian population. Estimations of the national and religious diversity for the Siberian regions are obtained based on the census of 2002 and 2010 years and data on religious preferences for 2012 and 2015 years in Russian and in Siberia. The analysis is based on the indexes of diversity and polarization. The results do not confirmed the assumption that Siberia has high national diversity; moreover the region demonstrates more rapid decrease of the ethnic heterogeneity comparing with Russia. Heterogeneity of the religious structure of the Siberian population is higher than in the whole country, but tendency toward homogeneity is more pronounced.

National structure; religion; population; diversity; Russia; Siberia

References

Bufetova A.N., Kolomak E.A. (2017) Nacional'naja neodnorodnost' v regionah Rossii. *ECO*. [ECO]. No. 4. Pp. 110–123. (In Russ.)

Dajmond D. (2016) Ruzh'ja, mikroby i stal'. Moskva, AST Rubl., 720 p. (In Russ.)

Jagol'nicer M.A. (2014) Diagnostika uslovij formirovaniya innovacionnyh klasterov v regionah Rossii: matematiko-statisticheskij podhod. *Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. No. 2. Pp. 93–104. (In Russ.)

Becker S., Woessmann L. (2009) Was Weber wrong? A human capital theory of Protestant economic history. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 124. Pp. 531–596.

Grosfeld I., Rodnyansky A., Zhuravskaya E. (2013) Persistent Anti-market Culture: A Legacy of the Pale of Settlement after the Holocaust. *American Economic Journal: Economic Policy*. Vol. 5. Pp. 189–226.

La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. (1997) Trust in Large Organizations. *American Economic Review*. Vol. 87. Pp. 333–338.

Menyashev R., Polishchuk L. (2011) Does Social Capital Have Economic Payoff in Russia? *Higher School of Economics. Working Paper*. No. WP10/2011/01.

Montalvo J., Reynal-Querol M. (2002) Why ethnic fractionalization? Polarization, Ethnic Conflict and Growth. *UPF Working Paper*. No. 660.

Tabellini G. (2008) Institutions and Culture. *Journal of the European Economic Association*. Vol. 6. Pp. 255–294.

Этноэкономика в действии: опыт Тувы и Алтая¹

С.А. МАДЮКОВА, кандидат философских наук, Институт философии и права СО РАН. E-mail: sveiv7@mail.ru;

О.А. ПЕРСИДСКАЯ, Институт философии и права СО РАН, Новосибирск.
E-mail: olga_alekseevna@mail.ru

Рассмотрены потенциал этноэкономического уклада для развития моделей региональных экономик, а также конкретные формы и практики этноэкономического неотрадиционализма в жизнедеятельности этнических групп республик Тува и Алтай. Конкретные этнокультурные традиции и традиционное хозяйствование тувинцев и алтайцев рассмотрены, с одной стороны, как ресурсы повышения экономической стабильности регионов. С другой стороны, анализ форм бытования неотрадиционализма позволил зафиксировать такие неотрадиционные тренды, как рационализация и коммерциализация традиционного, тенденции замещения аутентичной культуры эрзац-формами. Выявлены конкретные сферы и механизмы монетизации традиционного: этнотуризм и традиционное природопользование, этнокухня и этномода, горловое пение как бренд и низкая конкурентоспособность национальных языков.

Ключевые слова: этнос, этнокультура, этноэкономический уклад, эрзац, неотрадиционализм

Этноэкономический уклад и неотрадиционализм. Проблемная ситуация

Регионы Российской Федерации неоднородны по показателям своей экономической успешности. Исследователи российских социально-экономических процессов нередко указывают на проблемы неравномерности социального и экономического развития регионов и разного уровня доступа их представителей к ресурсам. Сравнивая регионы Российской Федерации с позиций интенсивности хозяйственной активности, финансовой самодостаточности, привлекательности региона как места проживания и инновационной активности, Н.Н. Киселева и В.В. Браткова отмечают, что по совокупности данных показателей на общероссийском уровне невыигршно смотрятся республики Северо-Кавказского федерального округа, а также республики Алтай,

¹ Работа выполнена в рамках раздела «Этнокультурные механизмы пространственного развития Сибири» междисциплинарного проекта «Экономико-географические, этнокультурные и историко-демографические механизмы пространственного развития Сибири» Комплексной программы фундаментальных научных исследований СО РАН II.1.

Тыва, Бурятия, Мордовия, то есть так называемые «этнические» регионы, где значительны доли нетитульного населения. Авторы делают акцент на том, что в данных регионах практически «отсутствуют условия и стимулы самостоятельного территориального развития» [Киселева, Браткова, 2016. С. 131].

Одним из действенных механизмов преодоления локальных экономических кризисов считается формирование этноэкономического уклада с опорой на этноэкономический *неотрадиционализм*. Экономический *традиционализм* как «совокупность издавна существующих хозяйственных форм и институтов, ныне уже устаревших и в большинстве стран не обеспечивающих реального, т.е. с учетом роста населения, экономического роста и в целом общественного прогресса» [Бессонов, 2004], по мнению С.А. Бессонова, до сих пор существует в большинстве развивающихся и переходных стран. Причем традиционные виды экономической деятельности в обществах таких стран, по мнению автора, часто настолько преобладают над современными, что ниша современной экономики является незначительной и сегментарной.

Нам представляется более адекватным современным условиям использование концепта *неотрадиционализм*. В концепции А.И. Пики неотрадиционализм предполагает стремление к нахождению и поддержанию равновесия между: 1) целями экономического развития северной региональной промышленности и традиционного хозяйства северных народов; 2) требованиями экологической рациональности и необходимости щадящего режима природопользования; 3) задачами сохранения и развития этнокультурной самобытности народов Севера [Пика, 1996. С. 51]. Основная идея А.И. Пики – акцент на традиционном хозяйстве, натуральной экономике, которые определяют, в конечном итоге, этничность.

Обратной стороной медали является зафиксированная Ч.К. Ламажаа проблема того, что «традиции стали в отдельных местах особой заботой социальной, культурной политики властей, в традиционных видах деятельности часть населения стала находить возможности не просто для самоидентификации, но и для предпринимательства. ...Определенная деятельность имеет столь узкую направленность, что исследователи характеризуют их даже

терминами “псевдо”, “лже”, “квази» и пр.»². А потому исследование как достоинств регионального этноэкономического уклада с опорой на неотрадиционализм, так и его слабых сторон, выражающихся в манипуляциях традиционным и его фальсификации как «этнически брендированного», является значимой социальной и научной проблемой.

Этноэкономический уклад в жизнедеятельности регионального сообщества

Признавая актуальной задачу сокращения разницы социально-экономических показателей регионов, отметим, что сами региональные различия могут быть рассмотрены как точки роста для поиска программ эффективных стратегий экономического развития. При этом определяющую роль в формировании отличительной специфики региона играют этнические группы, населяющие его. Особое значение этническая составляющая имеет для национальных регионов, этноэкономический уклад которых слабовосприимчив к модернизации по западному типу. Социально-экономический прогресс этнических регионов возможен при условии реализации моделей региональной экономики, опирающихся на традиционные типы хозяйствования этнических групп, сформировавшиеся с опорой на традиции, обычаи, культуру, психологию, религиозные воззрения. Их называют этноэкономическими укладами. Такой уклад является наиболее адекватной хозяйственной стратегией для той географической, природной и социальной среды, в которой он исторически формировался. При этом этноэкономический уклад обладает высокой степенью жизнеспособности на индустриальных и даже постиндустриальных стадиях общественного развития за счет высокой степени адаптивности своих форм. Этноэкономическая деятельность обладает значительным потенциалом для развития сельских территорий, так как предполагает экстенсивный тип занятости с использованием преимущественно аграрного сырья и трудозатратный тип воспроизводства [Гонтарь, 2015. С. 59].

Стратегия внедрения элементов этноэкономического уклада в систему хозяйствования на уровне регионов Российской

² Научно-исследовательская база данных «Российские модели архаизации и неотрадиционализма»: Сибирский федеральный округ (2014) [Эл. ресурс]. URL: <http://www.neoregion.ru/sfo.html> (дата обращения: 28.02.2018).

Федерации может способствовать решению нескольких задач. Прежде всего, это задача сокращения экономической дифференциации регионов, решаемая за счет стабилизирующей функции этноэкономики. Кроме того, этноэкономическая деятельность способствует гармоничному этническому самовыражению, формированию позитивной этнической идентичности. Не менее важной представляется цель сохранения этнических культур, которая достижима в форме этноэкономического неотрадиционализма, то есть воспроизведения в экономической деятельности этнических традиций и обычаев.

Этноэкономический неотрадиционализм: сферы, формы, практики

Наша задача видится в выявлении конкретных форм и практик этноэкономического неотрадиционализма и их влияния на региональное экономическое развитие. В рамках этнокультурно-хозяйственной формы неотрадиционализма происходят популяризация и развитие традиционных видов хозяйствования, в том числе на уровне нормативно-правового обеспечения. Выделение территорий традиционного природопользования для представителей коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС) является одной из наиболее ярких практик неотрадиционного хозяйствования. Сюда же мы относим проведение активной маркетинговой политики по продвижению этнической продукции, создание этнически брендированных товаров. Празднично-обрядовая форма неотрадиционализма реализуется через популяризацию традиционных праздников и возрождение обрядности в их проведении. Фольклорная форма находит свое выражение в продвижении этнических коллективов песни и танца, материально-культурная предполагает развитие народно-прикладного искусства, этнической кухни, одежды, а туристско-предпринимательская форма – превращение этнотуризма в бизнес (открытие кафе, баз отдыха и т.д. с «этническим колоритом»). Лингвистическая форма реализуется в сфере выбора основного языка через принцип коммерческой привлекательности и целесообразности использования этнических языков или русского.

Рассмотрение этих конкретных видов неотрадиционализма в регионах Южной Сибири, маркированных экономистами как финансово несамодостаточные (Республика Алтай и Республика

Тыва), позволит выявить общее и особенное в процессах формирования этноэкономических укладов и функционирования этноэкономического неотрадиционализма, а также зафиксировать внимание на формировании «эрзац-культур» как серьезной современной социокультурной проблеме.

Социально-экономическая характеристика регионов

Республики Алтай и Тыва расположены по соседству на юге Сибирского федерального округа у государственной границы Российской Федерации. Их этническая структура неоднородна: в Республике Алтай 56% населения составляют русские, 32% – алтайцы и 6% – казахи. Кроме того, около 4% жителей региона являются представителями коренных малочисленных народов Севера – теленгиты, тубалары, телеуты, челканцы и кумандинцы. В Тыве преобладающая по численности этническая группа – тувинцы (81% населения), русских там меньше, чем в любом другом сибирском регионе (около 16%). В горно-таежной части на северо-востоке и юго-востоке республики проживают тувинцы-тоджинцы – субэтническая группа тувинцев, отнесенная к числу КМНС³.

Преобладающей отраслью экономики данных регионов является сельское хозяйство, в основном скотоводство, которое развивается усилиями личных и фермерских хозяйств. Значительная часть продукции производится в личном подсобном хозяйстве.

По объему валового регионального продукта Республика Алтай находится на последнем месте среди регионов РФ (41,8 млрд руб. в 2015 г.). Близок к указанному значению и показатель Тывы – 47,3 млрд руб. за аналогичный период⁴.

Общэкономические показатели связаны с финансовым благополучием жителей регионов. В обеих республиках в 2016 г.

³ Население по национальности и владению русским языком по субъектам РФ (Федеральная служба государственной статистики) (2010) [Эл. ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (дата обращения: 26.03.2018).

⁴ Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации в 1998–2016 гг. Федеральная служба государственной статистики. (2016) [Эл. ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vrp98-16.xlsx (дата обращения: 22.03.2018). [С. 537]

в сравнении с 2015 г. среднедушевые месячные доходы населения⁵ сократились и составили около 18 тыс. руб. на человека на Алтае и приблизительно 14 тыс. руб. – в Тыве⁶. При этом 66% населения Алтая и 78% в Тыве имеют среднедушевой денежный доход за месяц менее 19 тыс. руб. Существенная доля населения республик располагает денежными доходами ниже величины прожиточного минимума: в Республике Алтай в 2016 г. было зафиксировано, что к этой категории относится четверть населения (и доля населения данной категории увеличивается с 2011 г.), в Тыве – целых 42% (рост числа населения данной категории фиксируется статистическими службами с 2012 г.). Для сравнения: в среднем по Российской Федерации доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума составляет 13%⁷.

Таким образом, и Республику Алтай, и Туву следует относить к бедным регионам с низким уровнем развития экономики.

Этнотуризм: путь к экономическому росту или формированию эрзац-культур?

Туризм – одна из важнейших отраслей торговли услугами, обеспечивающая в том числе растущую занятость и поступление доходов в региональные и государственный бюджеты. Для регионов, главным источником доходов жителей которых всегда было сельское хозяйство, туристическая привлекательность республик открывает возможности дополнительного заработка.

Горный Алтай, находясь на стыке природных и культурных зон, привлекает большое количество туристов. В настоящее время туризм в республике является одной из основных отраслей экономики, значимым источником дохода жителей. Поскольку регион имеет преимущественно сельскую географию расселения, высока экономическая значимость фактора туризма для жителей сельских районов: «наряду с переработкой сельскохозяйственной продукции, народными промыслами и ремеслами, заготовками дикоросов, строительством, мультисервисом, реальной составляющей агробизнеса становится сельский туризм. Сельский туризм ...оказывает позитивное влияние на сохранение и развитие

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017. Стат. сб. М.: Росстат, 2017. 1408 с. [С. 237, 243].

⁶ Там же. С. 243.

⁷ Там же. С. 280–281.

сельских территорий, рациональное использование их ресурсного потенциала, стимулирует развитие личных подсобных хозяйств, расширяя спрос на экологически чистые, натуральные продукты питания, также обустройство сельских территорий» [Кундиус и др., 2011. С. 113].

К видам туризма, которые способствуют сохранению традиционной культуры жителей региона, не оказывая негативного влияния на окружающую природную среду, традиционно относятся экологический и этнографический [Савченко, 2012а. С. 96]. Под этнографическим туризмом в самом общем виде следует понимать знакомство туристов с основами материальной и духовной культуры народа и средой его обитания [Савченко, 2012б. С. 95]. Этнотуризм в республике дает возможность «погружения» в природу и историко-культурную среду, он в первую очередь направлен на познание и сохранение историко-культурного наследия коренных (в том числе малочисленных) народов, проживающих в регионе.

С одной стороны, развитие туризма в Республике Алтай способствует росту экономического благосостояния региона. С другой – очевидной становится и серьезность негативных последствий популяризации туризма [Мадюкова, 2016]. Отстраиваются в большом количестве турбазы, для создания маральников и караван-парков огораживаются значительные площади в тайге. Поскольку туристическая инфраструктура в республике не развита должным образом, прием и размещение туристов превращаются в выгодный бизнес для мелких предпринимателей, в общественном сознании легитимизируются практики браконьерства, нарушения законодательства в области защиты окружающей среды и историко-культурного наследия [Ерохина и др., 2015. С. 172].

В Республике Тыва туризм, особенно этнотуризм, развит значительно меньше. К экономическим барьерам развития туризма в регионе относятся следующие факторы: «институты управления туристической индустрией в регионе слабы; дотационность и депрессивность региона; ограниченная транспортная доступность, низкая плотность транспорта, отсутствие железной дороги, значительная удаленность от крупных транспортных, промышленных и социальных центров; отсутствие практики создания благоприятных условий для инвестиций в средства

размещения туристов и иную туристическую инфраструктуру» [Сунчугашева, 2013. С. 155].

Значимым для нашего исследования является событийный вид этнотуризма в Туве, так как значительное количество туристов из регионов РФ и из-за рубежа посещает именно «этнически маркированные» массовые мероприятия в республике: фестиваль живой музыки и веры Устуу-Хурээ; Дембилдей – конкурс-фестиваль исполнителей горлового пения; национальный новый год Шагаа и др. В то же время исследователи наблюдают на массовых республиканских мероприятиях снижение уровня аутентичности в пользу их зрелищности, процесс «нормализации» (опривычивания) национальной культуры для европейского глаза и уха туристов: «Устуу-Хурээ беззастенчиво миксовал воедино все мыслимые стили, от театрализованного фольклорного профессионального реставраторства до низкокачественного гаражного панка, от классических камерных ансамблей с филармонической пропиской до деревенских исполнителей горлового пения, забывавших переодеться перед выходом на сцену, от инструментального джаз-рока до наивной попсы, где “кровь” и “любовь” рифмуются в каждой песне» [Льноградский, 2012. С. 140].

Природопользование: традиционное и современное

В исследуемых регионах возобновляемые природные ресурсы традиционно потреблялись алтайцами и тувинцами, а также представителями коренных малочисленных народов Севера во время охоты, рыболовства, сбора дикоросов и кочевого скотоводства. Исследователи современного состояния традиционного природопользования, анализируя его аутентичные системы у алтайцев и их адаптационные механизмы, утверждают, что «они представляют собой модели устойчивого развития, функционирующие на основе экологически сбалансированного хозяйства и экофильного общественного сознания» [Дирин, Поливаева, 2013. С. 31]. Нельзя не согласиться с В.В. Поддубиковым, что сохранение традиционной практики природопользования важно не только в экономическом, но и в этнокультурном отношении, «поскольку за рамками исконной хозяйственной специализации зачастую исчезают многие компоненты этнокультуры, включая традиционные знания, материально-, духовно- и нормативно-

культурные составляющие и даже значительную часть элементов этнической идентичности. В этих условиях доступ коренного населения к необходимым территориям (которые нередко воспринимаются именно как этнические) критически важен» [Поддубиков, 2012. С. 142].

Справедливым представляется понимание необходимости и в обозримом будущем использования эффективного и мало-затратного опыта традиционного природопользования алтайцев для оптимизации современного хозяйственного освоения Алтая и особенно для формирования общественной экологической культуры: «традиционные этнические ценности и представления, уже доказавшие свою состоятельность с точки зрения природоохранных задач, должны стать основой экологического воспитания и образования молодежи» [Дирин, Поливаева, 2013. С. 36].

Современное состояние традиционного природопользования в Республике Алтай представляет собой сложную картину. В ней сочетается как большое количество самого разного рода инициатив и программ социально-экономического развития, исходящих от местных органов власти, бизнеса и других заинтересованных сторон, являющихся причиной большинства поземельных конфликтов, так и в целом ущемление интересов коренного населения, практикующего традиционные формы хозяйствования на территориях строительства предприятий добывающей промышленности, в условиях расширения сети транспортных, энергетических и телекоммуникационных линий, увеличения количества туристических баз. И именно в этом сложном и многоплановом контексте весьма показательным представляется приведенный В. В. Поддубиковым пример злоупотребления традиционным природопользованием с целью получения экономической выгоды в одном из самых популярных уголков Республики Алтай – в районе Телецкого озера. Говоря о запретах на рыболовство на продуктивных участках акватории Телецкого озера, установленных Алтайским государственным биосферным заповедником, он приводит комментарии руководства заповедника, которые указывают на «нетрадиционный» характер природопользования, под которым понимается значительный уровень товарной ориентированности отлавливаемой рыбы: «с развитием в районе Телецкого озера массового туризма и рекреации у местного населения появилась возможность в больших количествах

сбивать заготовленную рыбу. В результате объемы лова резко увеличились, что стало угрожать истощением запасов наиболее ценных промысловых видов» [Поддубиков, 2012. С. 139].

На современном этапе значительная часть территорий с высоким уровнем биоразнообразия находится в составе особо охраняемых природных территорий, закрытых для массового хозяйственного использования: в Алтае-Саянском экорегионе в настоящее время имеются два национальных парка, девять заповедников, 56 заказников [Система особо охраняемых природных территорий..., 2001]. Однако грань между осуществлением традиционных видов хозяйствования «для себя» и с целью получения экономической выгоды достаточно тонкая, а радикальные решения по сохранению биологического разнообразия действительно могут составлять серьезную преграду как для практик традиционного природопользования, так и для обеспечения туристической привлекательности⁸. Справедливости ради нужно отметить усилия местных властей и частных предпринимателей по привлечению представителей КМНС к обслуживанию туристов и отдыхающих, то есть по развитию альтернативных форм занятости и возможности заработка, не связанных с использованием природных ресурсов, однако такого рода инициативы не всегда и не в полном объеме покрывают экономические потребности местного населения.

Традиционная культура тувинцев и алтайцев и ее экономическая целесообразность

Трансформация традиционной культуры, выраженная в феномене социокультурного неотрадиционализма, является одной из значимых характеристик современного состояния этнокультур в регионах России. Этнокультуры восстанавливаются или актуализируются на принципиально новых началах, в них появляются рациональность и целесообразность. Разумеется, нельзя не признать, что частичное отмирание некоторых видов художественной деятельности (изготовление седел, уздечек, сундуков, шитье традиционной одежды и обуви) [Кужугет, 2011. С. 138] происходит в связи с тем, что потребность в этих вещных

⁸ Прителецкая общественность не согласилась с запретительной концепцией стратегии развития территории (Новости Горного Алтая) (2009) [Эл. ресурс]. URL: <http://www.gorno-altaisk.info/news/5651> (дата обращения: 19.03.2018).

проявлениях традиционной культуры снижается или отпадает вовсе в связи с модернизацией, сменой образа жизни. С другой стороны, эти объекты материальной культуры в современном мире занимают принципиально иную нишу – нишу индустрии развлечений. Традиционные одежды шьются не для того, чтобы их носить, а для того, чтобы их продавать. Традиционные блюда готовятся не для того, чтобы насытиться, а для того, чтобы получить от них прибыль. Традиционная музыка исполняется не в рамках традиционной или обрядовой деятельности, а для получения популярности и вознаграждения.

Мы не утверждаем, что это – единственная сфера бытования традиционной этнической культуры в современных условиях, однако в рамках данного исследования фокусируем внимание именно на этом ее аспекте. Следует отметить, что манипуляции с традиционными культурами с целью монетизации – не локальное явление. А. К. Кужугет отмечает, что «стремление к накоплению, отказ от традиционных ценностей, общемировая тенденция на расширение индустрии развлечений ведет к уничтожению самой культуры как таковой, замене ее на эрзац-культуру» [Кужугет, 2011. С. 138].

Одним из заметных проявлений такой суррогатной культуры является изготовление «традиционной» одежды и украшений с использованием современных технологий и не аутентичных материалов. Такая ситуация тревожит исследователей традиционной культуры: так, З. К. Кыргыз отмечает, что массовость изготовления имеет свою отрицательную сторону – низкое качество продукции. В основном мастера копируют ювелирные украшения, в своей работе зачастую используют полуфабрикаты, изготовленные прокаткой, штамповкой [Кыргыз, 2016. С. 152]. При этом «современное потребительское отношение к прикладным изделиям сужает сакральное значение каждого предмета», а «не очень качественные новые “шедевры” продают очень дорого» [Кыргыз, 2016. С. 153]. Выше мы уже говорили о коммерческом злоупотреблении традиционной культурой в сфере оказания туристических услуг и эклектичности сочетания ее элементов с элементами масскульты: например, использование формы юрты в коммерческих проектах туристических баз, с «европейской» отделкой внутри, применение нетрадиционных ингредиентов

в кухне, удешевление процесса производства традиционного продукта.

Одним из наиболее коммерчески успешных проектов неотрадиционного оформления сельскохозяйственной деятельности с использованием ресурсов традиционного природопользования видится тувинский проект «Одно село – один продукт», реализуемый при поддержке Правительства Республики Тыва. Цель проекта – открытие и развитие производства конкурентоспособной сельскохозяйственной продукции⁹. Значимым для нашего исследования представляется выделение в данном проекте наряду с молоко-, мясо-, рыбоперерабатывающими отраслями, переработкой дикоросов и т.д. туристического кластера и производства национальных продуктов питания, изделий из шерсти и войлока. Промежуточные результаты осуществления проекта публикуются на сайте правительства Республики Тыва. Говорить о ценностно-этической составляющей проекта, наверное, пока рано.

Неотрадиционное развитие национальных видов спорта на территории изучаемых республик осуществляется в рамках масштабных праздничных мероприятий регионального значения. Так, например, в настоящее время на территории Республики Алтай национальные виды спорта включены в спортивную часть ряда республиканских мероприятий. В Туве проводятся соревнования по традиционной борьбе куреш, «стенка на стенку», ритуальный Танец орла по аутентичным правилам. Обратной стороной медали таких соревнований является их эклектичность и включение в одни и те же мероприятия наряду с традиционными видами спорта соревнований по современным, в том числе олимпийским видам спорта. Итоги такого эклектичного смешения А. Кыласов описал на примере эрзац-культуры Кавказских игр: «Анализируя последствия такого “единства”, сразу же обращает на себя внимание эффект контраста технологий современного спорта с “убожеством примитивных забав детей гор”. Посредством такого декларативного противопоставления выявляется превосходство развитого, цивилизованного Центра в отношении “отсталого, дикого” Кавказа» [Кыласов, 2011].

⁹ Губернаторский проект «Одно село – один продукт» (Официальный портал Республики Тыва) (2017) [Эл. ресурс]. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/economy/31684/ (дата обращения: 16.02.2018).

Мы не исключаем, что к подобным выводам могут приходиться также зрители мероприятий в республиках Южной Сибири.

Фольклорная форма этноэкономического неотрадиционализма – это создание и продвижение этнических музыкальных коллективов, их гастролирование, а также популяризация горлового пения как особого фольклорного жанра Алтая и особенно Тувы. Специфичность такой формы неотрадиционализма заключается, во-первых, в адаптации аутентичного фольклора («аутентичный фольклор не есть рыночный продукт... Истинный фольклор привязан к образу жизни и ландшафту» [Шапошников, 2017. С. 136]) для европейского слуха посредством профессиональных аранжировок народной музыки, сохраняющих лишь отдельные черты народного исполнения.

Значимо здесь мнение известного музыковеда В. Сузукей, отмечающей, что, с одной стороны, горожанина, и тем более иностранца, привлекает именно необычность тувинской музыки. С другой стороны, утверждает она, «на все, что связано с кочевнической культурой, важно смотреть сквозь призму восприятия жителя юрты. Горожанин, выросший в четырех стенах, воспринимает мир по-другому, он не умеет слышать звуков природы так, как кочевник в своей юрте» [Ламажаа, 2009. С. 144]. Кроме того, современная «национальная» музыка качественно отличается от традиционной уже в период обучения игре на национальных инструментах. Обучение в музыкальных училищах и консерваториях на отделениях национальной музыки происходит на инструментах, адаптированных под оркестровые, на основе нотной грамоты, тогда как традиционное музыкальное «образование» осуществлялось путем наблюдения и подражания. В. Сузукей заключает, что в результате бывают «подготовлены не народные исполнители, а какие-то эрзац... Они настолько отходят от традиционной, чисто тувинской музыки, что народного там близко не остается... И инструменты, на которых их учат, тоже не традиционные, а усовершенствованные» [Ламажаа, 2009. С. 152].

Еще одной характеристикой современной этнической музыки является сформировавшийся в процессе глобализации выбор идеалов для подражания в процессе преемственности среди более коммерчески успешных образцов, а не на выбор мастера, «хотя определенная корреляция между коммерческим

успехом и мастерством, конечно существует» [Шапошников, 2017. С. 137].

Особо стоит сказать о сложившейся ситуации с этническими языками, хотя она и не является рядоположенной вышеописанным, напротив, примеров «коммерческого» использования этнических языков нам не встретилось. В Республике Алтай в школах алтайский язык не является обязательным предметом, учебники не переиздаются; фактически никто не занимается обновлением алтайского языка с учетом современных, недавно вошедших в лексикон слов. Молодые алтайцы и представители коренных малочисленных народов Севера стремятся изучать русский, а не родной язык, так как русский является более перспективным с точки зрения возможностей получения высшего образования и трудоустройства за пределами региона. Все это приводит к тому, что знание своего языка становится нерациональным и вытесняется в плоскость воспроизводства этнической культуры и этнической идентичности. При этом результаты массовых опросов, проведенных сотрудниками Института философии и права в республике в 2014 г. [Этносоциальные процессы..., 2015], показывают, что от 92 до 98% респондентов-алтайцев и представителей коренных малочисленных народов Севера заявляют об актуальности и важности для себя знания языка своего народа. Соотнесение значимости владения русским языком с уровнем знания алтайского языка и языков КМНС говорит о том, что высокая рациональная, экономическая целесообразность владения русским оборачивается для алтайцев и представителей КМНС кризисом этнических языков и приводит к невозможности полноценно реализовать свой этнокультурный потенциал.

В Республике Тыва, уникальном российском регионе, где представители тувинского этноса составляют более 80% населения, языковая ситуация несколько иная: большинство тувинцев являются билингвами. «Тувинско-русское двуязычие можно определить, с одной стороны, как естественное (бытовое), когда тувинцы овладевают русским языком в процессе практической деятельности как языком, необходимым для решения жизненно важных задач, т.к. русский язык выполняет важные общественные функции в жизни тувинцев, а с другой – как субординативное, т.е. доминирующую роль играет родной (тувинский) язык говорящего» [Байкалова, 2015. С. 8]. Автор отмечает, что в республике

есть также координативные билингвы (преимущественно выпускники школ Кызыла), которые в равной мере владеют тувинским и русским языком. Тем не менее одной из значимых проблем для современных тувинцев является несовершенство владения русским языком, главные признаки которого – «отсутствие беглости устной речи, низкий уровень сформированности умений в письменной речи на русском языке, однообразие используемых грамматических структур, неправильное фонетическое, лексическое и грамматическое оформление высказываний» [Байкалова, 2015. С. 9].

Таким образом, тувинская билингвальность опосредована двумя основными функциями, которые не могут быть реализованы в одном языке: тувинский используется как комфортный язык бытового общения, определяющий этническую идентичность, а русский – как необходимый инструмент профессиональной успешности и экономической целесообразности.

Заключение

Таким образом, с одной стороны, социально-экономический прогресс этнических регионов возможен при условии реализации моделей региональной экономики, опирающихся на этноэкономический неотрадиционализм, корни которого лежат в исторически сложившихся типах хозяйствования этнических групп. Такой подход раскрывает потенциал экономического роста для каждой этнической группы и позволяет адаптировать ее традиционные практики хозяйствования к современным экономическим условиям. Реализован такой подход, как показано выше, может быть на уровне как федеральной этнонациональной политики, так и конкретных региональных ведомств и даже отдельных частных предпринимателей. Таким образом, внедрение элементов этноэкономического уклада в систему хозяйствования полиэтничных регионов служит цели сокращения экономической дифференциации регионов при сохранении отличительной специфики этнических культур.

В то же время, признавая существование неотрадиционализма в современной российской реальности как факт, следует указать, что единственно возможным способом существования этнических традиций в современных условиях является их видоизмененное, адаптированное к современным реалиям состояние.

Однако где проходит та тонкая грань между адаптированной этнической традицией и экземпляром эрзац-культуры, созданным «на потеху» туристам, как нечто экзотичное, противоположное по своей сути глобализационным, масскультным ценностям? Как соблюсти баланс между сохранением исконно традиционного, сакрального и созданием экономически выгодного, массового, но «этнически брендируемого» товара? Возможно ли соблюсти этот баланс?

В данной статье мы обозначили формирование этноэкономического уклада с опорой на неотрадиционализм как значимую не только экономическую, но и социокультурную проблему. Сохранение маркеров этничности, реализованных в конкретных, «вещных» объектах этнической культуры, позволяет сохранить этническое многообразие нашей страны, что является значимой стратегической задачей национальной политики. Вместе с тем задача не «скатиться» в сугубо экономическую плоскость путем удешевления производства с одновременным увеличением стоимости конечного продукта «эрзац-культуры», злоупотребления традиционным природопользованием, десакрализации этнической картины мира в целом, не может считаться решенной. Поэтому перспективным направлением как региональных политических и социально-экономических решений, так и академических исследований в рамках данной проблематики, следует считать выявление конкретных механизмов совмещения роста экономического благосостояния дотационных этнических регионов и сохранения их социокультурной специфичности, зафиксированной в конкретных этнических традициях.

Литература

Байкалова Е.Д. Проблемы обучения двуязычных студентов-тувинцев грамматике английского языка // Языковое образование сегодня – векторы развития. Материалы VI международной научно-практической конференции-форума. Екатеринбург: УГПУ, 2015. С. 7–17.

Бессонов С.А. Традиционализм и модернизация в развивающихся и переходных экономиках. Их влияние на международную конкурентоспособность // Конкурентоспособность и модернизация экономики. Кн. 2. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. 477 с.

Воронков В.М. Доминирование неписаного права и особенности (пост) советской публичной сферы // Социальная организация и обычное право:

Материалы научной конференции / Отв. ред. А. Н. Мануйлов. Краснодар: РИЦ «Вольные мастера», 2001. С. 227–234.

Гонтарь Н. В. Этноэкономика в контексте регионального развития: структурные особенности и характер влияния на социально-экономические процессы // Управление экономическими системами: Электронный научный журнал. 2015. № 11 (83).

Гудыма А. П. Парадигма ревитализации хозяйственной культуры народов Севера // Проблемы устойчивого развития: иллюзии, реальность, прогноз: Материалы VI научного семинара «Самоорганизация устойчивых целостностей в природе и обществе». Томск, 2002. С. 102–110.

Дирин Д. А., Поливаева М. Н. Духовная основа традиционного природопользования коренных этносов Горного Алтая // География и природопользование Сибири. 2013. № 16. С. 30–37.

Дулуш И. Д. Состояние и перспективы организации культурных событийных мероприятий в Туве (на примере Международного фестиваля живой музыки и веры «Устуу-Хурээ») // Новые исследования Тувы. 2012. № 2 (14). С. 29–34.

Ерохина Е. А., Мадюкова С. А., Персидская О. А. Межэтническое сообщество Республики Алтай: этносоциальные и этнокультурные процессы // Философия образования. 2015. № 1 (58). С. 165–177.

Киселева Н. Н., Браткова В. В. Проблемные регионы: сущность и идентификационные признаки // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2016. № 4 (30). С. 131–135.

Кужугет А. К. Проблемы преподавания культуры Тувы в образовании XXI века // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 11. С. 136–140.

Кундиус В. А., Чермянина В. В., Кудинова М. Г., Балашова С. П., Санталова В. Н. Сельский туризм на Алтае как альтернативный вид деятельности в стратегии диверсификации сельской экономики // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2011. № 9 (83). С. 113–119.

Кыласов А. Эрзац-культура Кавказских игр (2011) [Эл. ресурс]. URL: <https://dikoe-pole.com/2011/10/12/erzac-kultura/> (дата обращения: 14.02.2018).

Кыргыс З. К. I Международная научно-практическая конференция по возрождению прикладного искусства, ремесел и верований народов Саяно-Алтайского нагорья (24–27 июля 2016 г., г. Кызыл) // Новые исследования Тувы. 2016. № 3. С. 146–156.

Ламажаа Ч. К. Валентина Сузукей: как бороться с европоцентризмом в центре Азии? // Новые исследования Тувы. 2009. № 1–2. С. 138–154.

Льноградский Ю. «Устуу-Хурээ»: главное – не бежать впереди зеленой лошади // Новые исследования Тувы. 2012. № 3 (15). С. 135–165.

Мадюкова С. А. Национальная политика и туризм в Республике Алтай // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14. № 4. С. 188–201.

Лица И. А. Неотрадиционализм на российском Севере: идти в будущее, не забывая прошлого // Социологические исследования. 1996. № 11. С. 47–53.

Поддубиков В. В. Коренные малочисленные этносы Алтае-Саянского региона: традиционное природопользование и поземельные отношения в ракурсе проблем межэтнической толерантности // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 1. С. 136–143.

Савченко И.М. Традиционное природопользование как основа формирования и функционирования туристско-рекреационного района: на примере Республики Алтай // Проблемы региональной экологии. 2012а. № 4. С. 95–99.

Савченко И.М. Развитие этнографического туризма в Горном Алтае: проблемы и перспективы // Проблемы региональной экологии. 2012б. № 5. С. 95–98.

Система особо охраняемых природных территорий Алтае-Саянского экорегиона / Под ред. проф. А.Н. Куприянова. Кемерово: Изд-во «Азия», 2001. 176 с.

Сунчугашева Л.А. Проблемы формирования инфраструктуры туризма в приграничном регионе (на примере Республики Тыва) // Инфраструктурные отрасли экономики: проблемы и перспективы развития. 2013. № 3. С. 151–156.

Шапошников М.В. Тувинская музыка и World Music // Новые исследования Тувы. 2017. № 2. С. 122–141. DOI: 10.25178/nit.2017.2.5.

Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири / Ю.В. Попков [и др.]; под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. 273 с.

Статья поступила 05.04.2018.

Summary

Madyukova S.A., Institute of Philosophy and Law, SB RAS,

Persidskaya O.A., Institute of Philosophy and Law, SB RAS, Novosibirsk

Ethnoeconomics in Action: the Experience of Tuva and Altai

The potential of the ethnoeconomic structure for the development of models of regional economies, as well as the specific forms and practices of ethnoeconomical non-traditionalism in the life activities of the ethnic groups of the Republics of Tuva and Altai are considered. Specific ethno-cultural traditions and traditional management of Tuvinians and Altaians are considered, on the one hand, as resources of increase of the economic stability of the regions. On the other hand, analysis of the forms of non-traditionalism allowed to record such non-traditional trends as the rationalization and commercialization of the traditional, the tendency to replace the authentic culture with ersatz forms. Specific spheres and mechanisms of monetization of traditional are revealed: ethnotourism and traditional nature management, ethno-cuisine and ethno-fashion, throat singing as a brand and low competitiveness of national languages.

Ethnos; ethnoculture; ethnoeconomic structure; ersatz; neotraditionalism

References

Bajkalova E. D. (2015). Problemy obucheniya dvuyazychnyh studentov-tuvincev grammatike anglijskogo yazyka. In: *Yazykovoje obrazovanie segodnya – vektory razvitiya. Materialy VI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii-foruma [Language education today is a vector of development. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference-Forum]*. Ekaterinburg. USPU Publ. Pp. 7–17. (In Russ.)

Bessonov S.A. (2004) Tradicionalizm i modernizaciya v razvivayushchihsiya i perekhodnyh ehkonomikah. Ih vliyanie na mezhdunarodnyuyu konkurentosposobnost'. In: *Konkurentosposobnost' i modernizaciya ehkonomiki [Competitiveness and*

modernization of the economy. Vol. 2]. Moscow. State University Higher School of Economics Publ. 477 p. (In Russ.)

Voronkov V.M. (2001). Dominirovanie nepisanogo prava i osobennosti (post) sovetskoj publichnoy sfery. In: *Social'naya organizaciya i obychnoe pravo: Materialy nauchnoy konferencii*. Krasnodar. Pp. 227–234. (In Russ.)

Gontar' N. V. (2015). Ethnoekonomika v kontekste regional'nogo razvitiya: strukturnye osobennosti i harakter vliyaniya na social'noekonomicheskie process. *Upravlenie ehkonomicheskimi sistemami: ehlektronnyi nauchnyi zhurnal [Economic Systems Management: an Electronic Scientific Journal]*. No. 11 (83). P. 59. (In Russ.)

Gudyma A. P. (2002). Paradigma revitalizacii hozyajstvennoj kul'tury narodov Severa. In: *Problemy ustojchivogo razvitiya: illyuzii, real'nost', prognoz: Materialy VI nauchnogo seminaru «Samoorganizaciya ustojchivykh celostnostej v prirode i obshchestve» [Problems of sustainable development: illusions, reality, forecast: Proceedings of the VI scientific seminar "Self-organization of sustainable integrity in nature and society"]*. Tomsk. Pp. 102–110. (In Russ.)

Dirin D. A., Polivaeva M. N. (2013). Duhovnaya osnova tradicionnogo prirodopol'zovaniya korennykh ehntnosov Gornogo Altaya. *Geografiya i prirodopol'zovanie Sibiri [Geography and nature management of Siberia]*. No. 16. Pp. 30–37. (In Russ.)

Dulush I. D. (2012). Sostoyanie i perspektivy organizacii kul'turnykh sobytijnykh meropriyatij v Tuve (na primere Mezhdunarodnogo festivalya zhivoy muzyki i very «Ustuu-Hureheh»). *Novye issledovaniya Tuvy [New research of Tuva]*. No. 2 (14). Pp. 29–34. (In Russ.)

Erokhina E. A., Madiukova S. A., Persidskaya O. A. (2015). Mezhetnicheskoe soobshchestvo Respubliki Altai: etnosotsialnye i etnokulturnye protsessy. *Filosofiya obrazovaniya [Philosophy of Education]*. No. 1 (58). Pp. 165–177. (In Russ.)

Kiseleva N. N., Bratkova V. V. (2016). Problemnye regiony: suschnost' i identifikacionnye priznaki *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universitetata [Science Vector of Tolyatti State University]*. No. 4 (30). Pp. 131–135. (In Russ.)

Kuzhuget A. K. (2011). Problemy prepodavaniya kul'tury Tuvy v obrazovanii XXI veka. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal [Siberian pedagogical journal]*. No. 11. Pp. 136–140. (In Russ.)

Kundius V. A., Chermyanina V. V., Kudinova M. G., Balashova S. P., Santalova V. N. (2011). Selskii turizm na Altae kak alternativnyi vid deyatel'nosti v strategii diversifikacii selskoj ekonomiki. *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Vestnik of Altai State Agrarian University]*. No. 9 (83). Pp. 113–119. (In Russ.)

Kylasov A. Erzac-kul'tura Kavkazskih igr. (2011). (In Russ.) Available at: <https://dikoe-pole.com/2011/10/12/erzac-kultura/> (accessed 14.02.2018).

Kyrgyz Z. K. (2016). I Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya po vozrozhdeniyu prikladnogo iskusstva, remesel i verovaniy narodov Sayano-Altajskogo nagor'ya (24–27 iyulya 2016 g., g. Kyzyl). *Novye issledovaniya Tuvy [New research of Tuva]*. No. 3. Pp. 146–156. (In Russ.)

Lamazhaa Ch. K. (2009). Valentina Suzukej: kak borot'sya s evropocentrizmom v centre Azii? *Novye issledovaniya Tuvy [New research of Tuva]*. No. 1–2. Pp. 138–154. (In Russ.)

L'novgradskij Yu. (2012). «Ustuu-Hureheh»: glavnoe – ne bezhat' vpered i zelenoj loshadi. *Novye issledovaniya Tuvy* [New research of Tuva]. No. 3 (15). Pp. 135–165. (In Russ.)

Madyukova S.A. (2016). Nacional'naya politika i turizm v Respublike Altaj. *Sibirskij filosofskij zhurnal* [Siberian Philosophical Journal]. Vol. 14. No. 4. Pp. 188–201. (In Russ.)

Pika I.A. (1996). Neotradicionalizm na rossijskom Severe: idti v budushchee, ne zabyvaya proshlogo. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 11. Pp. 47–53. (In Russ.)

Podubikov V.V. (2012). Korennye malochislennye ehtnosy Altae-Sayanskogo regiona: traditsionnoe prirodopol'zovanie i pozemel'nye otnosheniya v rakurse problem mezhehtnicheskoy tolerantnosti. *Vestnik arheologii, antropologii i ehtnografii* [Herald of Archeology, Anthropology and Ethnography]. No. 1. Pp. 136–143. (In Russ.)

Savchenko I.M. (2012a). Traditsionnoe prirodopolzovanie kak osnova formirovaniya i funkcionirovaniya turistsko-rekreatsionnogo rayona: na primere Respubliki Altai. *Problemy regionalnoy ekologii* [Problems of Regional Ecology]. No. 4. Pp. 95–99. (In Russ.)

Savchenko I.M. (2012b). Razvitie etnograficheskogo turizma v Gornom Altae: problemy i perspektivy. *Problemy regionalnoi ekologii* [Problems of Regional Ecology]. No. 5. Pp. 95–98. (In Russ.)

Sistema osobo ohranyaemykh prirodnykh territorij Altae-Sayanskogo ehkoregiona (2001). Kemerovo. 176 p. (In Russ.)

Sunchugasheva L.A. (2013). Problemy formirovaniya infrastruktury turizma v prigranichnom regione (na primere Respubliki Tyva). *Infrastrukturnye otrasli ehkonomiki: problemy i perspektivy razvitiya* [Infrastructure sectors of the economy: problems and development prospects]. No. 3. Pp. 151–156. (In Russ.)

Chaposhnikov M.V. (2017). Tuvan music and World Music. *Novye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva]. No. 2. Pp. 122–141. (In Russ.). doi: 10.25178/nit.2017.2.5.

Etnosocial'nye processy i jetnonacional'naja politika v regionah Sibiri. (2015) Novosibirsk. SB RAS Publ, 273 p. (In Russ.)

Тува превращается в моноэтничный регион: риски и перспективы¹

И. С. ТАРБАСТАЕВА, Институт философии и права СО РАН, Новосибирск.
E-mail: inna-tarbastaeva@yandex.ru

В статье поднимается проблема сокращения этнокультурного разнообразия в Республике Тыва. Приводятся данные, свидетельствующие о миграционном оттоке русского населения за пределы региона. Показано, что факторами, способствующими моноэтнизации республики, являются не только экономическая отсталость субъекта, но и неудовлетворительное социальное самочувствие русских, которые находятся в статусе этнического меньшинства. Делается вывод, что процесс моноэтнизации неблагоприятно отражается и на титульном этносе. В частности, сокращение межэтнического взаимодействия на профессиональной основе препятствует обогащению тувинцев навыками, необходимыми для эффективного ведения экономической деятельности в современных условиях. Региональные власти оценивают сложившуюся ситуацию как неблагоприятную и принимают нестандартные решения для ее исправления. К позитивным факторам отнесены чувство гордости тувинцев за сохранение традиционной культуры, возможности развития этноэкономики.

Ключевые слова: моноэтнизация, сокращение этнокультурного многообразия, миграция русских, межэтнические отношения, русский язык, традиционная культура

В настоящее время наблюдается тенденция к сокращению количества этнических групп, проживающих на территории Республики Тыва. Несмотря на то, что исторически на данной территории проживали тувинцы, в советский период, благодаря политике распределения, в республику направлялись русскоязычные специалисты, преимущество русские. В кризисные 1990-е годы увеличилась миграция русского населения в соседние регионы, что повлекло за собой качественное изменение этнической структуры данного сообщества в сторону моноэтничной среды. Этот процесс усугубляется и транспортной труднодоступностью: отсутствие железной дороги изолирует республику от остальной части России. По сути, Тува – единственный субъект в Сибири с доминирующим преобладанием титульной группы населения

¹ Работа выполнена в рамках раздела «Этнокультурные механизмы пространственного развития Сибири» междисциплинарного проекта «Экономико-географические, этнокультурные и историко-демографические механизмы пространственного развития Сибири» Комплексной программы фундаментальных научных исследований СО РАН II.1.

(86%). Для нас важно не только зафиксировать проблему существенного понижения степени полиэтничности, но и постараться дать ей объяснение, в особенности раскрыть факторы, способствующие «сжатию» русского населения в республике.

Моноэтнизация как тенденция

Любое локальное сообщество представляет собой совместное проживание людей с различными этнокультурными, религиозными, ценностными установками, и в этом смысле его можно назвать межэтническим. Однако численное соотношение этнических групп в каждом регионе разное, и этот факт в значительной степени влияет на этносоциальные процессы, протекающие в нем. Моноэтничность как этносоциальная характеристика региона как раз показывает пропорциональное распределение тех или иных национальностей на конкретной территории. Однако необходимо учитывать не только количественные показатели, но и исторические особенности формирования сообщества, динамику изменения этнической структуры населения, государственно-территориальный статус субъекта, а также то, является ли он внутренним или трансграничным регионом. Кроме того, важно, какие именно этнические группы являются доминирующими, а какие – в меньшинстве.

Исследовательский интерес вызывает скорее не факт моноэтничности региона, а моноэтнизация как развивающийся во времени и пространстве процесс, сопровождающийся качественными изменениями в этнической структуре населения и имеющий неблагоприятные последствия для данного локального сообщества. Такие субъекты нуждаются в социокультурном мониторинге с привлечением экспертов. Особое внимание следует уделять республикам, поскольку в них сконцентрированы основные народы, традиционно проживающие в России, и благоприятные межэтнические взаимоотношения в данных регионах влияют на общегосударственную национальную политику. Позитивное взаимодействие между русскими и другими народами, проживающими на территории Российской Федерации, составляет основу межнациональной стабильности. Пограничный статус республик и вытекающие отсюда интересы государственной безопасности накладывают еще большую ответственность за спокойную бесконфликтную обстановку внутри региона.

В России большинство регионов являются моноэтничными с преобладающей долей русского населения (72 субъекта из 85). В национальных республиках доля государствообразующих этносов в значительной степени различается (табл. 1). Только в Карелии (78,9%) и Хакасии (80,3%) они составляют абсолютное большинство. Минимальное количество русских зафиксировано в Туве (16,1%), Дагестане (3,6%), Чечне (1,9%), Ингушетии (0,8%). В данных республиках наблюдается процесс территориальной концентрации титульных групп и снижения полиэтничности за счет сокращения русского населения. Аналогичные процессы зафиксированы в Татарстане и Северной Осетии [Орлов, 2013].

Таблица 1. Удельный вес русского населения в республиках по переписи 2010 г., %²

Республика	Доля русских	Республика	Доля русских
Хакасия	80,3	Башкортостан	35,1
Карелия	78,9	Карачаево-Черкесия	31,4
Бурятия	64,9	Калмыкия	29,6
Коми	61,7	Чувашия	25,8
Адыгея	61,5	Кабардино-Балкария	22,5
Удмуртия	60,0	Северная Осетия	20,6
Алтай	55,7	Тува	16,1
Мордовия	53,2	Дагестан	3,6
Марий Эл	45,1	Чечня	1,9
Татарстан	39,0	Ингушетия	0,8
Якутия	36,9		

Сокращение этнокультурного многообразия

На территории современной Тувы с XVII в. проживали тувинские племена, которые не подвергались интенсивным ассимиляционным процессам. Несмотря на межкультурное взаимодействие, в данном локальном сообществе тувинцы всегда составляли большинство. Доля представителей других

² Всероссийская перепись населения. 2010. Т. 4. Национальный состав и владение русским языком, гражданство. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 15.03.2018); Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав и владение русским языком, гражданство. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 15.03.2018).

национальностей в разные годы менялась, но само сообщество было этнически однородным. По сути, Тува никогда не была полиэтническим регионом. Тем не менее современная этническая структура населения свидетельствует о значительном понижении существующего этнокультурного многообразия, образовавшегося в результате советской национальной политики. Выделим четыре основные характеристики, в наибольшей степени отражающие специфику моноэтнизации региона.

Во-первых, в Туве сократилось количество этнических групп. Если в 2002 г. в республике проживало 103 представителя различных национальностей, то в 2010 г. – 84³. Такое незначительное понижение само по себе не является поводом для тревоги, но весьма показательно в контексте общей динамики. В соседних республиках ситуация примерно такая же: в республиках Алтай, Хакасия в 2002 г. было зафиксировано 95 и 118 представителей других национальностей, в 2010 г. – 80 и 107.

Во-вторых, в значительной степени сократился удельный вес представителей различных национальностей. Численность некоторых народов (белорусы, казахи, азербайджанцы) с 2002 г. снизилась практически вдвое (табл. 2).

Наиболее высокая степень полиэтничности в республике зафиксирована всесоюзной переписью 1989 г. К многочисленным национальностям в тот период, помимо двух основных этнических групп – тувинцев и русских, относились хакасы, украинцы, татары. Эти народы, отличающиеся от титульного этноса по своим культурным особенностям и религии, привносили национальный колорит в жизнь республики, быт и досуг населения. Начало процессу обеднения этнокультурной палитры было положено в кризисные 1990-е годы, и до настоящего времени сохраняется тенденция к уменьшению удельного веса представителей данных национальностей. Так, в регионе не осталось этнической группы, кроме русских, численность которых превысила бы тысячу человек. Третьей по численности группой являются хакасы (877 чел.).

³ Всероссийская перепись населения. 2010. Т. 4. Национальный состав и владение русским языком, гражданство. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 15.03.2018);

Таблица 2. Национальный состав населения Республики Тыва по данным переписей 1959, 1989, 2002, 2010 гг.⁴

Народ	1959	1989	2002	2010
Украинцы	1105	2208	832	493
Мордва	234	334	106	56
Татары	481	1071	584	352
Буряты	263	570	436	313
Башкиры		217	101	59
Хакасы	1726	2258	1219	877
Узбеки		523	161	253
Киргизы		64	520	628
Армяне		299	500	512
Корейцы		117	188	162

Вместе с тем наблюдается увеличение числа представителей отдельных национальностей. Так, армян, киргизов по сравнению с 1989 г. стало вдвое больше (см. табл. 2). Однако острой проблемы, связанной с трудовыми миграционными потоками, в Туве нет. С точки зрения заработка республика непривлекательна для мигрантов, уступая соседним крупным развитым городам – Новосибирску, Красноярску.

В-третьих, в Туве за последние двадцать лет произошло значительное сокращение численности русского населения. По данным переписи, в 2010 г. доля русских составляла всего 16,3%⁵. Это, пожалуй, одна из самых серьезных проблем для местной элиты и населения в целом, которая оказывает существенное влияние на экономическую, социальную, межнациональную сферы. А учитывая трансграничный статус республики, влияет и на геополитические интересы российского государства.

⁴ Всероссийская перепись населения. 2010. Т. 4. Национальный состав и владение русским языком, гражданство. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 15.03.2018); Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России: Тувинская АО. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php (дата обращения: 15.03.2018); Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав и владение русским языком, гражданство. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 15.03.2018).

⁵ Всероссийская перепись населения. 2010. Т. 4. Национальный состав и владение русским языком, гражданство. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 15.03.2018).

Процесс «сжатия» русского населения наглядно демонстрируют данные переписи: 1959 г. – 68924 чел. (40,1%), 1970 г. – 88385 (38,3%), 1979 г. – 96793 (36,2%), 1989 г. – 98831 (32%), 2002 г. – 61442 (20,1%), 2010 г. – 49434 чел. (16,3%) [Кан, 2016]. Таким образом, фактически русские в Туве находятся в статусе этнического меньшинства. Их территориальное распределение отличается неравномерностью и компактностью проживания. Основная часть сосредоточена в Кызыле, который до конца 1980-х гг. был «русским» городом. В 1970 г. их удельный вес в столице составлял 80%, в 1979 г. – 74,6%, в 1989 – 63,9%, в 2002 г. – 36,5%⁶. По данным переписи 2010 г., численность данной группы населения в столице республики сократилась на 7648 чел.; их доля – 28,4% от общего числа жителей⁷.

Кроме того, немало русских проживают в центральных районах республики – Каа-Хемском, Кызылском, Пий-Хемском и Тандинском (рис. 1.). К сожалению, и там их присутствие заметно сокращается. По сравнению с переписью 2002 г. в Каа-Хемском кожууне русских стало меньше на 860 чел., в Кызылском – на 632 чел., в Пий-Хемском – на 980 чел., в Тандинском – на 711 чел. [Моллеров, 1989]. В Улуг-Хемском кожууне и г. Ак-Довурак русское население в этнической структуре также представлено: 1345 и 573 человека соответственно. В остальных же административных районах их численность незначительна. К примеру, на 2010 г. в Овюрском кожууне проживало 69 чел., в то время как тувинцев насчитывалось 6890 человек. В Мон-Тайгинском кожууне зафиксирована аналогичная ситуация: 12 русских и 5608 тувинцев. Таким образом, из семнадцати районов республики одиннадцать являются мононациональными (рисунок)⁸.

⁶ Балакина Г. Ф. Особенности и динамика структуры населения Республики Тыва. URL: [http://ipc-publisher.ru/admin/files/2013/1/sb\(191-196\)\(BalakinaGF.pdf](http://ipc-publisher.ru/admin/files/2013/1/sb(191-196)(BalakinaGF.pdf) (дата обращения: 15.03.2018).

⁷ Всероссийская перепись населения. 2010. Т. 4. Национальный состав и владение русским языком, гражданство. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 15.03.2018).

⁸ Национальный состав Республики Тыва. Управление федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. http://krasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krasstat/resources/e89b5d004233ca31a33cef2d59c15b71/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F.htm (дата обращения: 15.03.2018).

Численность русских в муниципальных районах
Республики Тыва (по данным переписи 2010 г.),
чел.

В-четвертых, существует тенденция к увеличению численности тувинцев за счет естественного прироста: только с 2002 г. по 2010 г. их стало на 20492 чел. больше. А за вторую половину XX века данная этническая группа увеличилась в 2,5 раза: с 97996 до 249299 чел. [Кан, 2016]. Среди тувинцев сохраняется традиционно высокий престиж материнства и многодетности. Поэтому республика показывает высокий коэффициент рождаемости, в основном за счет отдаленных и труднодоступных сельских районов – Тере-Хольского, Монгун-Тайгинского⁹. Среди российских регионов Тува на протяжении нескольких лет является одним из лидеров по демографическому приросту населения (наряду с Чечней и Ингушетией)¹⁰.

Таким образом, специфика этносоциальной ситуации такова: сжатие русского населения с одновременным увеличением численности тувинцев при незначительной доле других

⁹ Тува по итогам 2014 года стала лидером России по естественному приросту населения. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/society/14639/ (дата обращения: 15.03.2018).

¹⁰ Рейтинг рождаемости – 2017: 10 благополучных регионов. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/94424?page=1> (дата обращения: 15.03.2018).

национальностей в этнической структуре сообщества. Такая тенденция неизбежно приводит к моноэтнизации региона. Этносоциологи отмечают, что доля русского населения за последние три десятилетия устойчиво снижалась и в отдельных республиках Сибири: Алтай – с 63,2 до 56,6%, Бурятия – с 72,0 до 66,1%, Саха (Якутия) – с 50,4 до 37,8% [Попков, 2013].

Взаимодействие русских и тувинцев: исторический контекст

Проблему сокращения русского населения в данном локальном сообществе следует рассматривать в исторической перспективе. Взаимодействие между двумя этническими группами датируется началом XX века. В этот период происходит стихийное переселение недовольных властью русских крестьян из Енисейской губернии в Урянхайский край (прежнее название Тувы). Они проживали там довольно компактно, построив первые на данной территории поселки. Такое автономное проживание даже было официально оформлено в виде Русской самоуправляющейся трудовой колонии (1921–1932 гг.). По данным 1925 г., она объединяла до 12 тыс. русских жителей [Моллеров, 1989]. Но хотя совместное проживание двух народов протекало мирно, активного взаимопроникновения культур и плотного взаимодействия не происходило. Существовала значительная дистанция в менталитете, образе жизни, религиозных воззрениях. Русские исповедовали православие, тувинцы – шаманизм, буддизм. Крестьяне жили в поселках, тувинцы продолжали кочевать с зимних на летние пастбища; переход на оседлый образ жизни произошел только в 1950 г. [Самарина, 2011].

После добровольного присоединения в 1944 г. к Советскому Союзу в Туву направляются высококвалифицированные специалисты из различных регионов страны. Удельный вес русского населения в отдельных районах республики значительно увеличился. Так, в Каа-Хемском кожууне в 1970 г. он составлял 63%, 1979 г. – 39,1%, 1989 г. – 48,1%¹¹. В этот период приезжим предоставлялись социальные привилегии в виде бесплатного

¹¹ Балакина Г. Ф. Особенности и динамика структуры населения Республики Тыва. URL: [http://ipc-publisher.ru/admin/files/2013/1/sb\(191-196\)\(BalakinaGF.pdf](http://ipc-publisher.ru/admin/files/2013/1/sb(191-196)(BalakinaGF.pdf) (дата обращения: 15.03.2018).

жилья, престижных рабочих мест, в то время как основная часть тувинского населения не имела высшего образования, слабо владела русским языком. Кроме того, проводилась откровенная политика подавления и нивелирования любых проявлений тувинской культуры, традиций, обычаев [Кужугет, 2010]. Все традиционное воспринималось скорее как некое «докультурное» состояние, целина, которую нужно «поднимать». Коренное население такое отношение расценивало как высокомерие и стало стремиться к закрытости¹². Все это порождало отчуждение двух этнических групп.

В 1996 г. известный социолог Л. М. Дробижева писала: «Величина объективной психологической дистанции между тувинцами и русскими Тувы по крайней мере в два раза больше любого из аналогичных показателей, полученных нами». Она отмечала, что это – результат советского периода, когда резкий прирост русского населения, сопровождающийся более привилегированным его положением по сравнению с тувинцами, не способствовал этнокультурному сближению [1996. С. 323]. Промахи советской национальной политики стали почвой для обострения межнациональных отношений, что в конечном итоге привело к конфликту между русскими и тувинцами в начале 1990-х годов. Это был переломный момент во взаимоотношениях, который положил начало миграционному оттоку русского населения. Социологи делают неутешительные прогнозы: к переписи 2020 г. доля русских в этнической структуре населения будет в пределах 8–10% [Кан, 2016].

Почему русские уезжают из Тувы

Почему же русские покидают республику? Местная элита пытается объяснить этот процесс исключительно неблагоприятной социально-экономической ситуацией. В одном из интервью глава субъекта Шолбан Кара-оол выразил эту позицию следующим образом: *«Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше. Что значит лучше? В понимании современного россиянина, лучше там, где доходы населения посolidнее, где дешевле жилье, электроэнергия, бензин, продовольственные товары, а качество*

¹² Мышляевцев Б. А. Нормативная культура тувинцев (конец XX – начало XXI в.) [Эл. ресурс] // Samlib.ru. URL: http://samlib.ru/m/myshljawcew_boris_aleksandrowich/tuva-1.shtml (дата обращения: 15.03.2018).

образования, медицинского обслуживания – выше. И по этим параметрам мы пока проигрываем даже соседям... О мотивации оттока русскоязычного населения можно говорить еще долго, но главная причина... – качество жизни»¹³. Действительно, республика относится к проблемным регионам, отстающим в экономическом развитии. Чрезмерно низкие душевые доходы населения, недостаточный производительный и финансовый потенциал, высокая дотационность делают ее «аутсайдером», периферийным субъектом с точки зрения привлекательности проживания. Однако существуют и иные факторы, влияющие на сокращение удельного веса русского населения. Поскольку в экономическом плане именно русские в Туве, благодаря владению профессиональными навыками в индустриальной сфере, высокому уровню образования, оказались в более выгодных условиях, чем титульное население, они не испытывают трудностей с удовлетворением основных жизненных потребностей. Но их социальное самочувствие вызывает серьезные опасения: они испытывают большой психологический дискомфорт, меньше уверены в достижении успеха.

Региональные исследователи неоднократно поднимали эту проблему; в большинстве своем ученые, эксперты дают похожие оценки. Так, З.В. Анайбан, Г.Ф. Балакина пишут, что положение русскоязычного населения Тувы изменилось: теперь за ними закрепились роль не «старшего брата», а представителей национального меньшинства, имеющих более низкий уровень возможностей и более выраженные миграционные устремления [Балакина, Кылылдай, 2016]. По словам А.К. Кужугет, в регионе уже давно проявляется понижение социального, политического статуса русских. У русских возрастает чувство национальной неполноценности. Они оттеснены на периферию жизни и вынуждены покидать республику, даже если полюбили ее, прожив здесь много лет [2010].

Важно отметить, что серьезных конфликтов на межнациональной почве не наблюдается. Однако полноценное выражение русской этнической идентичности зачастую сталкивается с неприятием ее доминирующим большинством, в особенности

¹³ Глава Тувы Шолбан Кара-оол дал откровенное интервью на тему межнациональных отношений. Официальный портал Республики Тыва. 2015. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/society/21757/ (дата обращения: 15.03.2018).

в районах республики, где русское население практически отсутствует. Инаковость в таком моноэтническом пространстве воспринимается как чужеродная, вызывая не столько агрессивное отталкивание, сколько нежелание контактировать на тех же основаниях, что и с представителями своей этнической группы. Стремление к бесконфликтному проживанию в этих районах вынуждает людей пойти на некоторый внутренний отказ от русской ментальности в пользу тувинской. Все это приводит к быстрому сжатию русского населения.

Наиболее типичный сценарий отъезда русскоязычного населения таков: дети поступают в высшие учебные заведения в другом регионе, трудоустраиваются, затем родители, продав недвижимость, переезжают к ним. Русская молодежь легко адаптируется в крупных городах, во время студенчества практически не посещает мероприятия землячества. В большинстве своем она стремится закрепиться на новом месте и не возвращаться в республику. Хотя все это не исключает теплые чувства к малой Родине и личную дружбу с тувинской молодежью. До окончания процесса обучения родители, как правило, продолжают работать, чтобы иметь возможность поддерживать студентов материально. Кроме того, представители старшего поколения предпочитают дорабатывать на прежнем месте до наступления пенсионного возраста, прежде чем решиться на переезд в другой регион. В целом русские более конкурентоспособны на рынке труда; это позволяет им выбирать альтернативные жизненные стратегии.

Тувинцы же из-за слабого владения русским языком, национального менталитета больше приспособлены к проживанию в пределах региона. Тем не менее их миграционная активность также возрастает (табл. 3). Так, с 2002 по 2010 гг. в Красноярском крае, Новосибирской области, республиках Хакасия и Бурятия численность тувинцев увеличилась в два раза. В основном это молодые люди, обучающиеся в высших или средних заведениях; реже – выехавшие на заработки. Тенденция к получению высшего образования усиливается, поэтому мобильность тувинской молодежи, а следовательно, и ее удельный вес в российских регионах будут возрастать.

Таблица 3. Численность тувинцев в регионах Российской Федерации в 2002–2010 гг.¹⁴

Регион	2002	2010
Красноярский край	1 492	2 939
Иркутская область	513	1 674
Новосибирская область	526	1 252
Томская область	197	983
Хакасия	494	936
Бурятия	405	909
Москва	415	682
Санкт-Петербург	272	461
Свердловская область	145	155
Хабаровский край	334	398
Республика Алтай	22	158

Важно отметить: если русские уезжают на постоянное место проживания, то тувинцы ориентированы на временное. В мировоззрении последних Тува является «родной землей», «домом», тем местом, где тувинец чувствует себя психологически комфортно. Несмотря на неудовлетворительные показатели качества жизни в сравнении с другими регионами, они не стремятся покинуть родную республику, а предпочитают жить и работать среди представителей своей этнической группы.

Последствия моноэтнизации Тувы

Сокращение русского населения в регионе неблагоприятно отразилось на социальной, экономической, культурной сферах общественной жизни. Прежде всего, серьезные проблемы возникли с функционированием русского языка: сузилась его коммуникативная среда, уменьшились разговорные практики у титульного населения республики. Сельские жители отдаленных районов достаточно слабо владеют русским языком, в особенности молодое поколение. Отсюда вытекают трудности

¹⁴ Всероссийская перепись населения. 2010. Т. 4. Национальный состав и владение русским языком, гражданство. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 15.03.2018); Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав и владение русским языком, гражданство. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 15.03.2018).

с доступом к качественному образованию, интеграцией в российское социокультурное пространство. Так, глава региона Шолбан Кара-оол заявил: *«Не секрет, что сегодня именно из-за неважного, прямо скажем, владения русским наши ребяташки очень часто проваливаются при поступлении в вузы или отсеиваются на начальных курсах, и эта проблема давно переросла масштаб их личной трагедии. Она уже давно и очень больно бьет по всей республике»*¹⁵. По его инициативе было сформировано два специализированных института. Первый – это лаборатория проблем преподавания русского языка при Министерстве образования и науки Республики Тыва в рамках Института развития национальной школы. Второй – введена должность государственного инспектора по русскому языку. Тува – единственный регион в России, где официально существует такая должность. Внимание со стороны региональных властей к государственному языку повышает престиж той категории населения, для которого он является родным, а также способствует выравниванию положения русского населения в сфере распределения социальных благ.

Еще одна проблема, связанная с оттоком русского населения из республики, заключается в том, что регион потерял достаточное количество высококвалифицированных кадров, которые трудились на высокотехнологичных предприятиях. В частности, в 2000-х годах серьезно пострадал горнодобывающий комплекс, из-за чего руководство предприняло меры по сворачиванию мощностей производства [Ойдуп, 2006]. Индустриализация тувинского хозяйства в советские годы с направлением русских специалистов, несмотря на идеологические перегибы, позволила местному населению обогатить свои социальные практики. Благодаря повседневному межэтническому взаимодействию на профессиональной основе тувинцы обретали навыки, необходимые для адаптации к социокультурным переменам. В настоящее время в республике отсутствует основа для широких контактов тувинцев с представителями других национальностей. Практически коренное население остается «наедине с собой», что существенно тормозит развитие креативного мышления, необходимого для

¹⁵ В Туве в Год русского языка родились инициативы, достойные продолжения – Шолбан Кара-оол. [Эл. ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/education/11607/ (дата обращения: 15.03.2018).

новых стандартов экономической деятельности. Если не предпринять меры по кардинальному изменению ситуации, то в будущем титульному населению практически не у кого будет перенимать иные подходы к ведению экономики.

Вместе с тем моноэтнизации нельзя давать исключительно отрицательную оценку. Компактное проживание этноса позволяет в большей степени сохранить его культурную самобытность. В таком коллективном образовании аккумулируются наиболее значимые традиционные установки, социальные практики, которые в дальнейшем воспроизводятся на индивидуальном уровне. Действительно, тувинцы довольно успешно поддерживают национальные традиции; это придает им чувство уверенности, гордости за свою республику. Родной язык, кочевой образ жизни, шаманизм, буддизм, священные обряды, горловое пение, национальная борьба хуреш, – все это не только визитные карточки региона, но и повседневные социальные практики народа. Гости республики часто отмечают, что Тува отличается от других регионов своим национальным колоритом, ритмом и укладом жизни. Учитывая это, местные власти пытаются развивать туристическую привлекательность, формировать соответствующую инфраструктуру, профессиональные кадры.

В моноэтничных регионах также могут весьма успешно реализовываться проекты, связанные с традиционным хозяйствованием народа. В последние годы отмечается развитие животноводческого комплекса, растет спрос на экологически чистую тувинскую продукцию. Местные производители успешно поставляют на внутренний рынок мясные, молочные продукты; существует даже конкуренция среди фирм. В Кызыле работают несколько сельскохозяйственных рынков, созданных специально для поддержки данной категории предпринимателей. Следует отметить, что жители республики с удовольствием покупают тувинскую продукцию, отдавая предпочтение именно ей.

* * *

Серьезных изменений в этнической структуре Тувы в ближайшие годы не предвидится. Динамика миграционного оттока русских за пределы региона останется положительной. Вероятно также снижение удельного веса других национальностей в общей численности населения. Факторов, способствующих

моноэтнизации, достаточно много: транспортная труднодоступность республики, низкое качество жизни, высокий уровень бытовой преступности, неудовлетворительное социальное самочувствие людей, находящихся в статусе этнического меньшинства. Сложившаяся ситуация неблагоприятным образом отражается и на титульном этносе.

Литература

Балакина Г. Ф., Кылыгдай А. Ч. Особенности адаптации этнических групп Тувы к рыночной экономике // Новые исследования Тувы. 2016. № 2 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-adaptatsii-etnicheskikh-grupp-tuvy-k-rynnochnoy-ekonomike> (дата обращения: 15.03.2018).

Демократизация и образы национализма в РФ 90-х годов. / Л. М. Дробизева, А. Р. Аклаев, В. В. Коротева, Г. У. Солдатова. РАН. Ин-т этнологии и антропологии. М., 1996. 282 с.

Кан В. С. Этносоциальный профиль тувинцев [Эл. ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/94> (дата обращения: 10.08.2016).

Кужугет А. К. Тувинцы и русские в контексте изучения чувства национального достоинства (постановка проблемы) // Новые исследования Тувы. 2010. № 3 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tuvintsy-i-russkie-v-kontekste-izucheniya-chuvstva-natsionalnogo-dostoinstva-postanovka-problemy> (дата обращения: 15.03.2018).

Моллеров Н. М. Истоки братства. Русская самоуправляющаяся трудовая колония в Тувинской Народной Республике. Кызыл, 1989.

Ойдуп Т. М. Горнодобывающий комплекс Тывы и будущее республики // ЭКО. 2006. № 10. С. 111–116.

Орлов А. Ю. Историко-географические аспекты трансформации этнической структуры населения Российской Федерации // Региональные исследования. 2013. № 2. С. 120–124.

Попков Ю. В. Этносоциальные процессы и этнонациональная политика // Новые исследования Тувы. 2013. № 1 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnosotsialnye-protsessy-i-etnonatsionalnaya-politika-1> (дата обращения: 15.03.2018).

Самарина Н. Г. Кочевое скотоводство и оседлость тувинцев в советский период // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2011. № 4 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kochevoe-skotovodstvo-i-osedlost-tuvintsev-v-sovetskiy-period> (дата обращения: 15.03.2018).

Статья поступила 06.04.2018.

Summary

Tarbastaeva I. S., Institute of Philosophy and Law, SB RAS, Novosibirsk
Tuva Turns to the Monothern Region: Risks and Prospects

The article raises the problem of reducing ethno-cultural diversity in the Republic of Tuva. Data are given that attest to the migration outflow of the Russian population

outside the region. It is shown that the factors contributing to the monoetnization of the republic include the economic backwardness of the subject, the unsatisfactory social state of the Russians who are in the status of an ethnic minority. It is concluded that monoetnization has an unfavorable effect on the titular ethnos. In particular, the reduction of interethnic cooperation on a professional basis hinders the enrichment of Tuva residents with the skills necessary for the effective conduct of economic activity in modern conditions. Regional authorities recognize the current situation as unfavorable, and take non-standard solutions for its correction. Positive factors include the feeling of pride of Tuvinians for preserving traditional culture, the possibility of developing ethnoeconomics.

Monoetnization; reduction of ethnocultural diversity; migration of Russians; interethnic relations; Russian language; traditional culture

References

Balagina G.F., Kылгыдай А. Сh. (2016) Osobennosti adaptatsii ehtnicheskikh grupp Tuvy k rynochnoi ehkonomike. *Novye issledovaniya Tuvy*. No. 2. (In Russ) Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/95> (accessed: 25. 05.2017).

Demokratizatsiya i obrazy natsionalizma v Russian Federation 90-h godov (1996). L. M. Drobizheva, A. R. Aklaev, V. V. Koroteeva, G. U. Soldatova. Institute of Ethnology and Anthropology. Moscow, 282 p. (In Russ.)

Kan V.S. (2016) Ethnosocial profile of Tuvinians. *Novye issledovaniya Tuvy*. No. 2. (In Russ). Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/94> (accessed: 25. 05.2017).

Kuzhuget A.K. (2010) Tuvintsy i russkie v kontekste izucheniya chuvstva natsional'nogo dostoinstva (postanovka problemy). *Novye issledovaniya Tuvy*. No. 3. (In Russ). Available at: http://www.tuva.asia/journal/issue_7/2121-kujuget.html (accessed: 25. 05.2017).

Mollerov N.M. (1989) Istoki bratstva. Russkaya samoupravlyayushchayasya trudovaya koloniya v Tuvinskoj Narodnoj Respublike. Kyzyl. (In Russ.)

Oidup T.M. (2006) Gornodobyvayushchij kompleks Tyvy i budushchee respubliky. *EKO [ECO]*. No. 10. Pp. 111–116. (In Russ.)

Orlov A. Yu. (2013) Historical and geographical aspects of the transformation of the ethnic structure of the population of the Russian Federation. *Regional'nye issledovaniya. [Regional research]*. No. 2. Pp. 120–124. (In Russ.)

Popkov Yu. V. (2013) Ehtnosocial'nye processy i ehtnonatsional'naya politika. *Novye issledovaniya Tuvy*. No. 1 (17). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnosotsialnye-protsessy-i-etnonatsionalnaya-politika-1> (accessed: 15.03.2018).

Samarina N.G. (2011) Kochevoe skotovodstvo i osedlost' tuvintsev v sovetskii period Vestnik of Tomsk State University. Series: History. [*Bulletin of Tomsk State University. History*]. No. 4 (16), Pp. 123–126. (In Russ)

Коренные малочисленные народы и добывающие компании на Обском Севере: сотрудничество или конфликт?¹

Е.А. ЕРОХИНА, доктор философских наук, Институт философии и права СО РАН, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск. E-mail: leroh@mail.ru

В статье рассматриваются основные источники противоречий в отношениях между общинами коренных народов и хозяйствующими субъектами в Югре. На основе анализа отдельных кейсов делается вывод о вовлечении в процессы конфликтогенеза новых акторов в лице общественных объединений и неправительственных организаций. Делаются выводы о необходимости расширения практик социального партнерства для разрешения противоречий, о значимой роли этнологической экспертизы в урегулировании конфликтов.

Ключевые слова: промышленное освоение Севера, коренные малочисленные народы России, этнологическая экспертиза, конфликт, сотрудничество, Югра

Россия сегодня – один из крупнейших поставщиков энергоресурсов на мировой рынок. Характерная особенность деятельности отечественного добывающего комплекса заключается в расширении территории промышленного освоения ресурсов на Севере и в Арктике. В отечественном научном и управленческом дискурсе освоение Арктической зоны устойчиво отождествляется с промышленной добычей энергоресурсов и налаживанием инфраструктуры для их транспортировки. Такая парадигма пространственного освоения отражает видение Севера властью и бизнесом как ничьей земли, что служит источником заблуждений, в том числе и при принятии управленческих решений.

Ключевым элементом данной парадигмы является объективное отношение к пространству как к территории, положенной на карту. Характеристикой пространства в таком понимании оказывается способность ландшафта подвергаться двумерному исчислению, а сам процесс его освоения мыслится как

¹ Работа выполнена в рамках раздела «Этнокультурные механизмы пространственного развития Сибири» междисциплинарного проекта «Экономико-географические, этнокультурные и историко-демографические механизмы пространственного развития Сибири» Комплексной программы фундаментальных научных исследований СО РАН II.1.

инвестиционный проект, который в перспективе должен принести коммерческую выгоду. Пространство в таком понимании не обладает самооценностью для тех, кто приступает к его освоению. Между тем, как показывает исторический опыт, такой подход отнюдь не является единственно возможным. Отношение к пространству как к вмещающему ландшафту, источнику жизни и ценностному основанию собственной идентичности – это важная часть мировоззрения коренных народов Севера, связанных с ним своим образом жизни. Необходимо отметить, что вопрос о землях, территориях и ресурсах имеет приоритетное значение для коренных народов и их видения устойчивого развития. Он является одной из ежегодных тем сессий Постоянного форума по вопросам коренных народов Экономического и социального совета Организации Объединенных наций².

В докладе о работе совещания по теме «Устойчивое развитие на территориях коренных народов» международная группа экспертов, заседавшая в Нью-Йорке 23–25 января 2018 г., указала на то, что во всем мире традиционные источники средств существования коренных народов находятся под угрозой. Как отметил в ходе совещания Э. Ларсен, угрозы для оленеводства, рыболовства и землепользования в Арктике связаны с изменениями климата, которые происходят быстрее и выражены в большей степени, чем в других регионах мира. Он также добавил, что территории коренных народов подвергаются посягательствам в ходе добычи природных ресурсов, реализации крупномасштабных проектов в области сельского хозяйства и инфраструктуры, создания природных охраняемых территорий и осуществления деятельности в сфере туризма³.

Вышесказанное можно отнести ко всем государствам, экономика которых в той или иной мере зависит от ресурсной ренты. Альтернативные подходы к пониманию роли пространства как среды для жизни и поля для проявления активности человека отчасти дополняют, а в чем-то противоречат друг другу в практиках хозяйственного освоения Обского Севера, частью которого

² Доклад, подготовленный по итогам совещания международной группы экспертов по теме «Устойчивое развитие на территориях коренных народов» // Постоянный форум по вопросам коренных народов. Экономический и социальный совет ООН. 23–25 января 2018 г., Нью-Йорк. URL: <http://undocs.org/ru/E/C.19/2018/7> (дата обращения: 10.04.2018).

³ Там же.

является территория современного Ханты-Мансийского округа – Югры. Взаимосвязанные и взаимоисключающие практики хозяйствования на Севере создают предпосылки как для сотрудничества, так и конфликтов в отношениях между общинами коренных малочисленных народов и добывающими компаниями в этом регионе.

Между силой права и правом сильного

В России «наступление» нефтедобывающих компаний на хрупкую природу северных территорий существенно влияет на образ жизни и практики природопользования ее граждан из числа коренных малочисленных народов. Помимо реального ущерба окружающей среде, наносимого порывами газопроводов, нефтяными разливами, разрушением шлаковых амбаров, выбросами вредных веществ в атмосферу, загрязнением рыбных нерестилищ, подрывом кормовой базы оленеводства, стоит сказать и об иных, не менее серьезных трудностях, порожденных соседством с хозяйствующими субъектами. Это, во-первых, ограничение доступа к родовым территориям через систему контрольно-пропускных пунктов, ограничивающих въезд посторонних на лицензионные участки компаний, во-вторых, нарушение сложившейся структуры родового землепользования вследствие размещения концессионных участков на землях, которые являются общинной собственностью, или в непосредственной близости от них, в-третьих, разрывы традиционных маршрутов движения людей и животных магистральными газопроводами и нефтепроводами, автомобильными и железными дорогами.

РФ как субъект международного права имеет юридические обязательства в сфере защиты интересов и поддержки коренных народов. Хотя Россия не ратифицировала Конвенцию Международной организации труда № 169 «О коренных народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах», принятую в Женеве на 76-й сессии Генеральной конференции МОТ в 1989 г., тем не менее Конституция РФ содержит правовые нормы, отражающие наиболее существенные положения данной конвенции. В 1998 г. РФ ратифицировала Рамочную конвенцию Совета Европы о защите прав национальных меньшинств.

В соответствии с федеральным законом «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего

Востока РФ» (1999 г.) все организации, ведущие хозяйственную или иную деятельность на территориях общин, занимающихся традиционными промыслами, обязаны производить оценку рисков возможного ущерба, связанного с последствиями реализации проектов, и корректировать негативное воздействие на окружающую среду и благополучие населения. Процедура оценки предполагает осуществление этнологической экспертизы – научного исследования, цель которого – выявление изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации их развития⁴.

Хотя понятие этнологической экспертизы в правовом поле существует уже достаточно долго, до настоящего времени не выработано единой, утвержденной на уровне закона надежной методики оценки ущерба, наносимого хозяйствующими субъектами общинам коренных малочисленных народов. Попытки создать такой закон неоднократно повторялись на протяжении последних двадцати лет. Но на уровне субъектов РФ законодательные акты об этнологической экспертизе стали реальным правовым инструментом лишь в Якутии – единственном регионе РФ, где такая экспертиза обязательна, ведется реестр недропользователей, работающих в местах проживания коренных народов, осуществляется контроль за их деятельностью. Что касается других субъектов РФ, то там этнологическая экспертиза не стала реальным регулятором отношений между сообществами коренных малочисленных народов и хозяйствующими субъектами.

Одна из причин такого положения – наличие на федеральном уровне довольно сильного промышленного лобби ресурсодобывающих компаний, которые препятствуют правовым новациям, принимающим во внимание реальный, а не формальный учет ущерба. Так, в 2015 г. на обсуждение Государственной думы был внесен проект федерального закона РФ «О государственной поддержке лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации,

⁴ Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». URL: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-30041999-n-82-fz-o/> (дата обращения: 10.04.2018).

ведущих кочевой и (или) полукочевой образ жизни»⁵. Однако в 2016 г. было принято решение о нецелесообразности данного закона. В заключении на проект от 21 марта 2016 г. отмечалось, что предложенные в законопроекте определения понятий «лица, ведущие кочевой образ жизни малочисленных народов», «места кочевий» требуют уточнения и конкретизации, поскольку не обеспечивают однозначной их идентификации. Критики законопроекта указали также на наличие в нем норм, дублирующих федеральные законы и иные нормативные правовые акты. Из-за данных замечаний законопроект не был поддержан⁶.

22 февраля 2018 г. на обсуждение был вынесен проект федерального закона об этнологической экспертизе, в котором последняя была определена как «оценка социально-культурных последствий внедряемой хозяйственной деятельности и иных управленческих решений на объекты этнокультурного наследия граждан РФ». Однако с такой концепцией выразила несогласие Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (КМНС). По мнению экспертов ассоциации, авторы инициативы, предлагая оценивать влияние хозяйственной деятельности на этнокультурное и нематериальное культурное наследие, игнорируют ее воздействие на исконную среду обитания, традиционный образ жизни и традиционное природопользование коренных народов⁷. Слушания по проекту федерального закона об этнологической экспертизе состоялись в Общественной палате РФ 21 марта 2018 г. Документ не прошел даже так называемого «нулевого» чтения – было принято решение о необходимости значительно доработать его текст, прежде чем выносить на новое обсуждение. В качестве компромиссного шага

⁵ Законопроект № 1026256–6 «О государственной поддержке лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, ведущих кочевой образ жизни». URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/1026256-6> (дата обращения: 10.04.2018).

⁶ Заключение Правительства РФ от 21 марта 2016 г. № 1777п-П44 на проект Федерального закона «О государственной поддержке лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, ведущих кочевой образ жизни». URL: <http://base.garant.ru/57727070/> (дата обращения: 10.04.2018).

⁷ Ассоциация коренных народов Севера выступила против проекта закона об этнологической экспертизе // Национальный акцент. 2018. 22 марта. URL: <http://nazaccent.ru/content/26840-associaciya-korennyh-narodov-severa-vystupila-protiv.html> (дата обращения: 10.04.2018).

Комитетом Государственной думы по делам национальностей было принято решение поддержать инициативу разработки законопроекта о сохранении и развитии нематериального культурного наследия народов России⁸.

В отношении же оценки современного состояния исконной среды обитания коренных народов и возможности сохранять ее как источник воспроизводства традиционного образа жизни было принято решение внести необходимые поправки в закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ». По сообщению издания «Национальный акцент», 27 марта 2018 г. Госдума рассмотрела законопроект о компенсациях коренным малочисленным народам за ущерб, нанесенный их среде обитания хозяйственной деятельностью. Согласно законопроекту российское Правительство должно будет установить порядок и методику возмещения убытков, причиненных малочисленным народам. Документ представил заместитель руководителя Федерального агентства по делам национальностей П. Семенов, содокладчиком выступил председатель Комитета ГД по делам национальностей И. Гильмутдинов. По мнению последнего, «самое пристальное внимание» нужно уделить методике исчисления убытков, которую представят разработчики законопроекта. Он отметил, что без широкого ее обсуждения законопроект во втором чтении принят не будет⁹.

Таким образом, интрига сохраняется. Ее суть заключается в максимально возможном сближении нормативной базы, учитывающей интересы коренных народов, и практики правоприменения законов в отношении их реальной защиты. Если этот процесс будет тормозиться, окажется нереальным социальное партнерство в отношениях между коренными народами и добывающими компаниями. Сами практики такого партнерства ограничиваются выделением средств на строительство объектов социальной инфраструктуры, оплату путевок в санатории или детские лагеря и т.п. Эти меры, безусловно, необходимы, но не достаточны для

⁸ В России может появиться закон о сохранении нематериального наследия коренных народов // Парламентская газета. 2018. 23 марта. URL: <https://www.pnp.ru/culture/v-rossii-mozhet-poyavitsya-zakon-o-sokhranении-nematerialnogo-naslediya-korennykh-narodov.html>. (дата обращения: 10.04.2018).

⁹ Госдума рассмотрела законопроект о компенсации ущерба коренным малочисленным народам // Национальный акцент. 2018. 28 марта. URL: <http://nazaccent.ru/content/26884-gosduma-rassmotrela-zakonoproekt-o-kompensacii-usherba.html> (дата обращения: 10.04.2018).

выстраивания долгосрочной стратегии освоения Севера, создания комфортных условий жизни северян, устойчивого развития местных и региональных сообществ.

Настоящее vs будущее: конфликт интересов и ценностей

Неурегулированность правовых отношений является одной из причин конфликтогенеза вокруг территорий традиционного природопользования в Югре. Специфика данного региона – его сырьевая специализация, через которую Россия включается в международные экономические процессы. Другой характерной особенностью округа является сравнительно высокий уровень жизни, наличие рабочих мест, что служит причиной миграции этнически разнородного населения, в том числе из регионов Кавказа и Средней Азии. Это обстоятельство нередко становится источником межэтнического напряжения, чаще всего между различными этническими кланами приезжих. Однако время от времени в межэтнические конфликты втягивается и местное население: представители коренных малочисленных народов Севера и русские старожилы Югры.

По данным Всероссийской переписи 2010 г., доля хантов в структуре населения округа составляла 1,2% (около 20 тыс. чел.), манси – 0,7% (11 тыс. чел), ненцев – 0,1% (1,5 тыс. чел.), коми и коми-пермяков – 0,4% (по 2,5 тыс. чел.). Но, несмотря на, казалось бы, незначительную долю коренных малочисленных народов в этнической структуре населения региона, не превышающую 2,5% от общей численности¹⁰, реально в традиционные промыслы включена значительно большая часть сельского населения округа, проживающего преимущественно в национально-смешанных поселениях ХМАО. Высокая доля межэтнических браков, значительный процент лиц с двойной идентичностью позволяют говорить о сложившихся в округе локальных межэтнических сообществах. Важно отметить, что ядро межэтнических сообществ составляет старожильческое население: русские и представители северных этносов. Субъектность местных сообществ наиболее высока на муниципальном уровне

¹⁰ Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. Национальный состав населения по субъектам РФ. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/per-itog/tab7 (дата обращения: 10.04.2018).

и снижается по мере приближения к региональному уровню принятия решений. Однако и на этом уровне есть влиятельные общественные субъекты, в том числе организации, представляющие интересы коренных народов Севера, например, Ассоциация «Спасение Югры».

В основе конфликтов общин коренных малочисленных народов Севера и хозяйствующих на территории муниципальных образований национально-смешанных поселений Югры субъектов лежит два комплекса причин: конфликт интересов и конфликт ценностей, фундированных в представлениях о месте коренных народов в современной цивилизации. Хотя общепризнанным является взгляд на образ жизни коренных народов как элемент культурного разнообразия современного мира, не ушли в прошлое представления о них как о «дикарях» и «отсталых народах», которые препятствуют развитию в целом, в частности, национальному¹¹. Проиллюстрируем данный тезис на примере двух кейсов, в каждом из которых находит отражение один из двух упомянутых аспектов конфликтогенеза.

Первый из них имеет начальным эпизодом конфликт между представителем местного сообщества сельского поселения Русскинская Сургутского района ХМАО и сотрудниками ОАО «Сургутнефтегаз» осенью 2014 г. Конфликт широко известен благодаря социальным сетям, которые подробно освещали обстоятельства столкновения оленевода С. Кечимова, хранителя священного озера Имлор, с представителями «Сургутнефтегаза». Поводом стало заявление в правоохранительные органы со стороны сотрудников «Сургутнефтегаза» о покушении оленевода на убийство и расстреле двух собак, принадлежавших заявителям. На территории концессионного участка, часть которого находится в непосредственной близости от достопримечательного места, запрещены провоз домашних питомцев, а также охота и рыбалка для всех, кроме членов общины ТТП (территории традиционного природопользования), где произошли описываемые события. Нефтяники не только охотились там, где это запрещено, но и провезли собак, которые напали на оленей. Кечимов действительно угрожал им, предупреждая, что если закон против их самоуправства бессилён, то он готов защищать свое стадо и территорию самочинно. Он подписал признательные показания, хотя его адвокаты впоследствии установили, что они были получены нелегитимным способом.

Конфликт и последовавший за ним судебный процесс над Кечимовым стали предметом пристального внимания в местных сообществах, на региональном и даже международном уровне благодаря деятельности общественных организаций. В результате его освещения в СМИ и на сайтах Центрального совета коренных малочисленных народов Севера, Гринпис России, творческих организаций и организаций финно-угорского мира власть, в том числе региональная, было вынуждена прислушаться к мнению представителей местных сообществ.

¹¹ Доклад, подготовленный по итогам совещания международной группы экспертов по теме «Устойчивое развитие на территориях коренных народов» // Постоянный форум по вопросам коренных народов. Экономический и социальный совет ООН. 23–25 января 2018 г., Нью-Йорк. URL: <http://undocs.org/ru/E/C.19/2018/7> (дата обращения: 10.04.2018).

В числе результатов, достигнутых совместными усилиями, – не только «мягкий» приговор Кечимову, но и присвоение оз. Имлор статуса достопримечательного места федерального значения¹².

Судебный процесс, продолжавшийся два года, завершился 2 февраля 2017 г. признанием Кечимова виновным по обоим эпизодам. Но амнистия, объявленная в апреле 2015 г. в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне, освободила его и от судимости, и от наказания в виде 300 часов обязательных работ.

Другой кейс иллюстрирует, скорее, конфликт ценностных представлений, природа которых не исключает, однако, и правовых последствий. Так, по сообщениям Ассоциации коренных малочисленных народов Севера России от 20 февраля 2018 г., в Югре участились случаи необоснованного возбуждения уголовных дел в отношении коренных народов по факту применения ими огнестрельного оружия и современных технических средств. В конце марта 2017 г. в целях самообороны четверо оленеводов из Сургутского района ХМАО вынужденно уничтожили медведицу, которая напала на ребенка одного из них. По факту охоты было возбуждено уголовное дело, изъято оружие участников охоты. Основанием для вышеуказанных мероприятий со стороны правоохранителей Югры стала такая интерпретация закона, согласно которой обеспечение традиционного образа жизни не предусматривает использования коренными малочисленными народами механических транспортных средств (снегоходов) для охоты. Следуя ей, коренные жители Севера не имеют права использовать средства современной цивилизации для ведения традиционных промыслов, в том числе охотиться на медведя. Однако, как утверждает эксперт в области прав коренных народов Ю. Якель, такого запрета в законодательстве Российской Федерации нет¹³.

В обращении к Генеральному прокурору РФ с просьбой восстановить справедливость и снять незаконные обвинения эксперт обратила внимание на противоречие между законодательными нормами и правоприменительной практикой. Однако данный случай показателен еще и тем, что иллюстрирует существующие в обыденном сознании мифы о традиционном образе жизни как жизни в чуме, без доступа к современным технологиям, средствам охоты и связи.

Сегодня глобальная коммуникация дает локальным сообществам Обского Севера больше возможностей для донесения своей позиции не только власти, но и широкой общественности. Так,

¹² Оставить священное озеро без хранителя? В Югре разгорается скандал вокруг культового места аборигенов // URAnews. 2015. 17 июня. URL: <https://ura.news/news/1052211947>; Один на озере нефти // Радио Свобода. 2015. 21 августа. URL: <https://www.svoboda.org/a/27199956.html>; *Степыгин А.* ООН вмешалась в спор аборигенов Югры с «Сургутнефтегазом» // URAnews. 2015. 6 октября. URL: <https://ura.news/articles/1036272527>; Дело Кечимова близится к развязке // Surgutfilm.. 2016.9 декабря URL: http://surgutfilm.ru/delo_kechimova; Югорскому шаману Кечимову вынесли приговор // Национальный акцент. 2017. 3 февраля. URL: <http://nazaccent.ru/content/23073-yugorskomu-shamanu-kechimovu-vynesli-prigovor.html>. (дата обращения: 10.04.2018).

¹³ *Якель Ю.* Без вины виноватые. Традиции и закон – две грани жизни коренных малочисленных народов. 20.02.2018. URL: <http://raipon.info/info/news/3018/> (дата обращения: 10.04.2018.)

благодаря социальным сетям инциденты, связанные с ущемлением прав коренных народов Севера, быстро попадают на новостные ленты и становятся предметом общественного обсуждения.

Определенный прогресс в отношении прав аборигенов на землю наметился еще в 1990-е гг. [Попков, 1998. С.141; Мархинин, Удалова, 2002]. Тем не менее идея корпоративной социальной ответственности еще не стала определяющей в деятельности естественных монополистов – крупных хозяйствующих субъектов [Новикова, 2016. С. 133]. Государство предпринимает определенные меры для того, чтобы побудить компании выстраивать систему долгосрочных партнерских отношений со старожильческим населением, в том числе и через разработку законодательных инициатив. Однако отсутствие реальных правовых механизмов, позволяющих учитывать наносимый территориям традиционного природопользования ущерб и заставляющих компенсировать его размер общинам коренных малочисленных народов, по факту не позволяет ограничивать произвол компаний.

Проблема социального благополучия жителей региона, в том числе и обладающих особыми, коллективными правами, изучалась сотрудниками Института философии и права СО РАН в ходе экспедиции в Ханты-Мансийский автономный округ в 2014 г. Одна из задач исследования заключалась в выявлении показателей социального самочувствия членов межэтнических сообществ Обского Севера: степени удовлетворенности различными сторонами жизни; ожиданий от будущего; восприятия своей идентичности. Всего было опрошено 442 жителя региона, в том числе 71 представитель коренных малочисленных народов. На вопрос анкеты массового опроса *«Каким Вы видите будущее коренных малочисленных народов Севера России?»* были получены ответы 149 респондентов (таблица).

Обращает на себя внимание тот факт, что представления о будущем коренных малочисленных народов ХМАО различаются у их представителей (хантов и манси) и у других этносов (русских, украинцев, выходцев из регионов Кавказа и Средней Азии и др.). Так, почти половина опрошенных из числа представителей некоренных этносов уверены, что будущему развитию коренных малочисленных народов ничего не угрожает, в то время как большинство хантов и манси солидарны с

диаметрально противоположной оценкой: 61,2% из них считают, что их будущее находится под угрозой. В данном контексте тревожит пессимистическое видение современного состояния и перспектив своего развития представителями коренных малочисленных народов на фоне спокойного его восприятия другими опрошенными.

Каким вы видите будущее коренных малочисленных народов Севера России, %

Ответ		Другие народы	КМНС	Всего
Я считаю, что их будущему ничто не угрожает	По числу ответивших	40	12	52
	В % по столбцу	48,8	17,9	34,9
Я считаю, что их будущее находится под угрозой	По числу ответивших	27,0	41,0	68,0
	В % по столбцу	32,9	61,2	45,6
Другое	По числу ответивших	3,0	2,0	5,0
	В % по столбцу	3,7	3,0	3,4
Трудно сказать	По числу ответивших	12,0	12,0	24,0
	В % по столбцу	14,6	17,9	16,1

При этом, отвечая на вопрос: «Довольны ли вы сейчас в целом своей жизнью», более половины респондентов из числа представителей коренных малочисленных народов дали положительный ответ (51,5%). Сопоставление двух показателей социального самочувствия – удовлетворенности своей жизнью в настоящем и неуверенности в будущем – позволяет предположить, что на уровне повседневного горизонта бытия представители коренных малочисленных народов сохраняют устойчивую ориентацию «жить сегодняшним днем». Следовательно, и право на культурное самоопределение в определенных обстоятельствах может быть принесено в жертву сиюминутным выгодам.

Между тем сокращение численности северных этносов под воздействием хозяйственных практик доминирующего большинства может привести и к исчезновению уникальных способов взаимодействия человеческого коллектива с пространством вмещающего ландшафта, и к деградации самого ландшафта. Хотя реализация такого пессимистичного сценария вряд ли возможна, тем не менее вовсе исключать его было бы неправильно. Сама вероятность такого исхода должна маркировать предел стратегии, нацеленной на ресурсную эксплуатацию и практики экстрактивизма. Необходимо переосмысление парадигмы освоения Севера

в новых категориях, предполагающих возможность не только экономической, но и этической его оценки.

Литература

Мархинин В.В., Удалова И.В. Традиционное хозяйство народов Севера и нефтегазовый комплекс (социологические исследования в Ханты-Мансийском автономном округе). Новосибирск: Наука, 2002. 254 с.

Новикова Н.И. Нефть, газ, коренные народы: кто напишет правила? // Вестник урovedения. 2016. № 3 (26). С. 124–137.

Попков Ю.В. Народы Севера и нефть // ЭКО. 1998. № 7. С. 137–142.

Статья поступила 10.04.2018.

Summary

Erokhina E.A., Institute of Philosophy and Law, SB RAS, Novosibirsk State University of economics and Management, Novosibirsk

Indigenous Peoples and Mining Companies in the Ob North: Cooperation or Conflict?

The article considers the main sources of contradictions in relations between indigenous communities and business entities in Ugra. Based on the individual case-studies, it is concluded that new actors such as public associations and non-government organizations are involved in the conflict genesis processes. It is concluded that it is necessary to expand a practice of social partnership to resolve contradictions, and that ethnological examination has the significant role in disputes settlement.

Industrial development of the North; indigenous small peoples of Russia; ethnological expertise; conflict; cooperation; Ugra

References

Marhinin V.V., Udalova I.V. (2002) Tradicionnoe hozjajstvo narodov Severa i neftegazovyy kompleks (sociologicheskie issledovanija v Hanty-Mansijskom avtonomnom okruge). Novosibirsk. Nauka Publ. 254 p. (In Russ.)

Novikova N.I. (2016) Neft', gaz, korennyye narody: kto napishet pravila? *Vestnik ugrovedenija*. No. 3 (26). Pp. 124–137. (In Russ.)

Popkov Ju.V. (1998) Narody Severa i neft'. *ECO. [ECO]*. No. 7. Pp. 137–142. (In Russ.)

Динамика национального состава Азиатской России по материалам переписей (1926–1989 гг.)

М.А. СЕМЁНОВ, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН,
Новосибирск. E-mail: pihterek@yandex.ru

В статье на основе данных всесоюзных переписей населения анализируется изменение национального состава Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока в период 1926–1989 гг. Раскрываются факторы, обусловившие эти изменения. Выявлено влияние основных исторических событий на этническую картину Азиатской России. Прослежены различия национального состава крупных экономико-географических регионов. Описаны особенности расселения основных этносов Сибири, включенности их в модернизационные процессы. Сделан вывод о ключевой роли процессов миграции и ассимиляции в формировании национальной структуры населения региона в этот период. Особое внимание уделено развитию автохтонных народов.

Ключевые слова: национальный состав, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальний Восток, миграции, ассимиляция, урбанизация

Этноэкономика в современных условиях приобретает все большую актуальность. Несмотря на оживленную дискуссию о содержании этого понятия, ее роли и месте в структуре экономической науки [Бредникова, Паченков, 2002; Овчинников, 2006; Киселева, 2007; Сурнина, 2009; Печура, 2010], значимой является тенденция введения в пространство экономики самого аспекта этнической принадлежности населения.

Этническая картина общества не остается неизменной и в ходе исторического развития претерпевает серьезные трансформации под влиянием процессов естественного воспроизводства населения, миграций, ассимиляции и т.д. Таким образом, изучение этнического состава общества, механизмов и степени влияния на него различных социальных, экономических, культурных процессов неизбежно должно основываться на прочном историческом фундаменте.

Важность изучения исторической динамики национального состава населения понимается исследователями, работающими в проблемном поле исторической демографии. Эта тема нашла свое освещение в ряде работ различного территориального

и хронологического масштаба [Андреев и др., 1993; Население..., 1997; Бурматов, 1997; Этнодемографические..., 2003; Кузнецова, 2010; Миграции..., 2011; Дашинамжилов, Лыгденова, 2012; Жиромская, 2013; Сивцева, 2013; Дашинамжилов, Лыгденова, 2016а; Дашинамжилов, Лыгденова, 2016б]. Тем не менее потребность в анализе динамики национального состава крупных историко-географических регионов на протяжении длительных исторических периодов по-прежнему высока.

В рамках данной статьи проанализируем эволюцию национального состава такого крупного региона, как Сибирь¹, в советский период ее истории. Выбор этих рамок не случаен. Во-первых, в XX в. произошел взрывной рост экономической роли Сибири в жизни страны. Во-вторых, в этот период она служит местом пересечения активных миграционных потоков, где встречались друг с другом и были вынуждены налаживать взаимодействие самые разные этносы.

Основным и наиболее точным источником сведений о национальном составе населения служат данные переписей.

Первая всеобщая перепись населения произошла в самом конце XIX века – в 1897 г. Вопрос о национальности в ней прямо не ставился. Его эквивалентом служил вопрос о родном языке опрашиваемого, что объясняется как недостаточно разработанными критериями национальной принадлежности, так и стремлением обойти острый для Российской империи национальный вопрос.

Следующей была советская перепись 1920 г., осуществлявшаяся в условиях продолжающейся Гражданской войны и становления новых органов государственной статистики. Все это определило крайне приблизительный характер ее сведений. По оценкам, она охватила всего 72% населения [Этнодемографические..., 2003. С. 4]. В 1923 г. была сделана еще одна попытка переписи населения, охватившая только городских жителей. Первой действительно всеобщей в советский период стала перепись 1926 г. Несмотря на все недостатки, ее проведение способствовало постановке дела переписей населения на прочную научную основу. Стало проводиться четкое различие между

¹ Здесь и в дальнейшем Сибирь понимается в ее историко-географическом смысле: все земли к востоку от Урала, вплоть до Тихого океана, ограниченные с юга Средней Азией и Китаем и включающие в себя три крупных экономико-географических района: Западную, Восточную Сибирь и Дальний Восток [Ядринцев, 2003. С. 6].

национальной принадлежностью опрашиваемого и его «религией, подданством, гражданством или признаком проживания в какой-либо республике» [Гозулов, 1936. С. 121].

После некоторых колебаний² в основу определения понятия народности легла социально-психологическая точка зрения, согласно которой определение национальности базировалось на самосознании опрашиваемого, что позволяло эффективно учитывать влияние процессов ассимиляции и роста национального самосознания, потери и возвращения к своей народности [Гозулов, 1936. С. 122]. Данный подход сохранился неизменным при проведении переписей вплоть до нашего времени.

В 1930-е годы были проведены две переписи: в 1937 г. и 1939 г. Итоги переписи 1937 г. не удовлетворили высшее партийно-государственное руководство страны. Ее материалы остались закрыты от широкой общественности и вошли в научный оборот только в 1990-е годы³. К сожалению, материалы переписи о национальном составе населения национальных областей и округов не сохранились [Этнодемографические..., 2003. С. 8], что затрудняет использование ее данных.

Перепись 1939 г., проводившуюся под пристальным контролем государства, зачастую обвиняют в преднамеренном завышении численности населения СССР. Однако, по мнению исследователей, углубленно изучавших эту проблему, размер приписок был незначителен, и ее данные вполне могут использоваться в качестве источника по демографической истории [Жирумская, 2001. С. 49; Этнодемографические..., 2003. С. 9].

После этого проведение переписей прекращается на достаточно долгий промежуток времени. Огромные демографические потери страны в годы Великой Отечественной войны, исчерпанность ее военно-мобилизационного потенциала в условиях холодной войны не могли стать достоянием широкой общественности.

² Так, в переписи 1926 г. по сути смешивался социально-психологический и генетический (по родству) подходы к определению народности. Согласно инструкции предписывалось отмечать, «к какой народности причисляет себя опрашиваемый. В случаях, если отвечающий затрудняется ответить на вопрос, предпочтение отдается народности матери» [Гозулов, 1936. С. 121].

³ Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М.: Институт истории СССР АН СССР. 1991. 239 с.; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М.: Наука. 1992. 256 с.

Поэтому следующая перепись будет проведена лишь в 1959 г., когда потери военных лет компенсируются ростом населения.

После 1959 г. переписи в СССР становятся регулярными: они проводились в 1970, 1979, 1989 гг. При этом к 1950-м годам стабилизируется и административно-территориальное деление страны, претерпевавшее до этого постоянные изменения. Все это позволяет проводить сопоставление результатов переписей второй половины XX века и на уровне отдельных краев и областей.

Структура национального состава Сибири по данным переписи 1926 г.

Общая численность населения Сибири с 1897 г. по 1926 г., несмотря на неблагоприятное воздействие Первой мировой и Гражданской войн, выросла почти на две трети – с 5759 тыс. чел. до 9576 тыс. чел. Этому благоприятствовали воздействие активных миграционных процессов, в том числе в ходе Столыпинской аграрной реформы, а также высокая рождаемость. Всего за 1897–1914 гг. в Сибирь переселилось 2349 тыс. чел. [Миграции..., 2011. С. 23].

Национальный состав населения Сибири к 1926 г. имел следующий вид (табл. 1).

Ядро сибирского населения составляли русские (в целом по Сибири – 73,6%). Значительными были украинская и белорусская диаспоры, резко увеличившиеся в результате миграционных процессов начала XX века. Если по переписи 1897 г. родным языком украинский назвали 233 тыс. сибиряков, а белорусский – 12 тыс., то, согласно переписи 1926 г., украинцев насчитывалось 1145 тыс. чел., а белорусов – 362 тыс. чел. Даже с учетом занижающего воздействия формулировки вопроса в переписи 1897 г. (не все украинцы и белорусы владели родным языком) рост численности этих народов выглядит впечатляюще. Их расселение по территории Сибири шло неравномерно. Если на территории Западной и Восточной Сибири украинцы в 1926 г. составляли 9,5% населения, то на Дальнем Востоке – 18,2%, т.е. там проживал каждый четвертый украинец. Характерно, что подобная диспропорция существовала и до массовых переселений начала XX века. По переписи 1897 г. доля считающих украинский язык родным составляла по Западной и Восточной Сибири в среднем 3,2%, а на Дальнем Востоке – 8,9%. Таким образом, несмотря на значительный абсолютный рост числа переселенцев, неравномерность расселения

сохранялась. По всей видимости, наличие представителей своего этноса служило значимым фактором при выборе места поселения.

Таблица 1. Национальный состав Сибири по данным переписи 1926 г.

Национальность	Городское население		Сельское население		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Русские	1375483	85,52	6856276	71,60	8231759	73,60
Украинцы	64931	4,04	1079928	11,28	1144859	10,24
Белорусы	14075	0,88	347591	3,63	361666	3,23
Якуты	5157	0,32	235405	2,46	240562	2,15
Буряты	2306	0,14	235001	2,45	237307	2,12
Мордва	6084	0,38	104537	1,09	110621	0,99
Татары	33396	2,08	73575	0,77	106971	0,96
Корейцы	8215	0,51	77662	0,81	85877	0,77
Немцы	7993	0,50	73438	0,77	81431	0,73
Поляки	18617	1,16	36801	0,38	55418	0,50
Чуваши	1949	0,12	46567	0,49	48516	0,43
Казахи	1059	0,07	47348	0,49	48407	0,43
Евреи	39272	2,44	6354	0,07	45626	0,41
Хакасы	476	0,03	45116	0,47	45592	0,41
Алтайцы	93	0,01	38944	0,41	39037	0,35
Латыши с латгальцами	5862	0,36	31975	0,33	37837	0,34
Тунгусы	98	0,01	37418	0,39	37516	0,34
Эстонцы	2828	0,18	29280	0,31	32108	0,29
Шорцы	70	0,00	12517	0,13	12587	0,11
Зыряне	820	0,05	11732	0,12	12552	0,11
Чукчи	8	0,00	12320	0,13	12328	0,11
Бухарцы	545	0,03	11130	0,12	11675	0,10
Прочие национальности	18952	1,18	124627	1,30	143579	1,28
Итого	1608289	100,00	9575542	100,00	11183831	100,00

Источники: URL: <http://www.demoscope.ru> со ссылкой на: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928–1929. Т. 9. С. 34–51; Т. 10. С. 9–13; Т. 11. С. 8–17; Т. 14. С. 6–16; Т. 15. С. 8–13; Т. 16. С. 8–12; Т. 17. С. 8–25. Табл. VI. Население по полу, народности.

Примечание к табл. 1–4: По территории Западной Сибири, Восточной Сибири, Дальнего Востока.

Другой крупной группой сибирского населения были автохтонные народы Сибири. К наиболее многочисленной группе относились якуты и буряты, составлявшие в 1926 г. 2,15 и 2,12% от общей численности населения соответственно. Для

автохтонных народов было характерно проживание в пределах территории своего компактного расселения. Так, из 240562 якутов в пределах Якутской АССР проживали 235 926 чел., а из 237367 бурятов в Бурят-Монгольской АССР – 214957. При этом в рамках данных административно-территориальных образований они занимали значительную долю в национальной структуре населения (якуты – 82,6% жителей Якутской АССР, буряты – 43,9% жителей Бурят-Монгольской АССР). Таким образом, компактность проживания позволяла этим народам достичь локального доминирования в национальном составе населения.

Определенную роль в формировании этнической картины Сибири играли народы Урала и Поволжья (мордва, чувашы, частично татары). Если в 1897 г. численность считающих татарский язык родным составляла 210 тыс. чел., то по переписи 1926 г. татар насчитывалось всего 107 тыс. чел. В то же время за этот период количество мордвы и чувашей резко возросло. Данный факт можно объяснить сочетанием двух различных по своей направленности процессов. С одной стороны, усилившейся миграцией из Поволжья в Сибирь в связи с голодом начала 1920-х годов. С другой – активной ассимиляцией сибирских татар, издавна проживавших в этом регионе. В целом совокупная доля народов Урала и Поволжья не превышала в 1920-е годы 3% от общей численности населения Сибири.

Таким образом, несмотря на полиэтничность Сибири, доля неславянского этнического компонента не превышала 13%. При этом в значительной мере его составляло автохтонное население, продолжавшее вести традиционный образ жизни и достаточно резко локализованное географически: на его долю в совокупности приходилось 5,6% населения Сибири.

На долю пришлых неславянских этносов, не связанных границами традиционного расселения, приходилось около 7% проживающих в Сибири. Самыми крупными из них были мордва (111 тыс. чел.), татары (107 тыс. чел.), корейцы (86 тыс. чел.), немцы (81 тыс. чел.).

Процесс урбанизации в 1920-е годы затрагивал в основном русское население, составлявшее около 86% горожан. При этом урбанизация в значительной мере была свойственна и национальным меньшинствам, затронутым ассимиляционными процессами: доля лиц, не знающих родного языка, среди

представителей национальных меньшинств, проживающих в городе, была существенно выше. Значительной была среди них и гендерная диспропорция: в основном горожанами становились мужчины, прибывавшие туда в поисках работы. Исключение составляла еврейская диаспора, почти полностью сосредоточенная в городах.

Этническая картина Сибири в 1930-е годы

Гигантские стройки пятилеток, создание новой промышленной базы на востоке страны обусловили значительные масштабы миграции. Только в Западную и Восточную Сибирь в 1933–1937 гг. прибыло 880,7 тыс. чел. из других районов страны (за вычетом прибывших с Дальнего Востока) (Рассчитано по: [Московский, 1968. С. 70]). Вкупе с высоким естественным приростом это обусловило дальнейший рост удельного веса русского населения в Сибири с 73,6% в 1926 г. до 82,3% в 1939 г. При этом удельный вес русского населения в городах был еще выше – 86,75%. Как и ранее, доля русского населения снижалась при движении с запада на восток. Максимальной она была в Западной Сибири (85,4%), чуть меньше – в Восточной (84,2%), на Дальнем Востоке – 69,1%.

Серьезные изменения произошли в межпереписной период с населявшими Сибирь украинцами и белорусами. Численность украинцев снизилась на 13% – с 1145 тыс. чел. в 1926 г. до 995 тыс. чел. в 1939 г., а белорусов – на 60%, с 362 тыс. чел. до 146 тыс. чел. Причинами столь серьезного сокращения стали, наряду с возвращением в родную республику, миграцией в другие регионы, ассимиляционные процессы, которые облегчали культурная близость, схожесть хозяйственной деятельности с доминирующим русским населением. Косвенное подтверждение этот факт находит в различных темпах снижения численности украинцев в разных регионах. Так, на Дальнем Востоке, где существовала большая украинская диаспора, абсолютная численность украинцев осталась фактически на прежнем уровне. Падение их удельного веса в национальном составе объясняется общим ростом численности населения Дальнего Востока. То есть показатели ассимиляции не превышали уровень естественного прироста украинского населения. В то же время на остальной территории Сибири, где относительное количество украинцев было меньше и не позволяло создавать крупные этнические

анклавы, происходит значительное как абсолютное, так и относительное уменьшение их численности.

В этот период значительно выросла миграция тюркских и угро-финских народов с Урала и Поволжья – численность татар к концу 1930-х годов возрастает по сравнению с 1926 г. более чем в 2,5 раза, чувашей – почти в два раза, мордвы – в 1,5 раза.

При этом их численность, так же как и у русских, падает по мере удаления от мест исторического проживания: максимальное их количество проживало в Западной Сибири, минимальное – на Дальнем Востоке.

Резко возрастает в этот период в Сибири численность казахов. Если в 1926 г. их насчитывалось чуть больше 48 тыс. чел., то спустя 13 лет казахская диаспора составляла 110 тыс. чел. Основным местом их проживания были пограничные с Казахской ССР Омская область и Алтайский край, в которых насчитывалось более 79 тыс. казахов.

Другим этносом, чья численность резко выросла за этот период, были евреи. С 1928 г. начинается активная деятельность КомЗЕТА⁴ по переселению евреев в Приамурье, а в 1934 г. образована Еврейская автономная область. Создание первого в мире национального административно-территориального образования евреев привело к тому, что их количество в Сибири выросло с 46 тыс. чел. в 1926 г. до почти 83 тыс. чел. в 1939 г. При этом на территории Хабаровского края, в состав которого входила Еврейская автономная область, проживали 31 тыс. евреев.

Автохтонные сибирские народы демонстрируют в это время достаточно медленное увеличение своей численности, отстающее от средних темпов роста населения Сибири, либо даже некоторое его сокращение (буряты, алтайцы). Это приводит к снижению относительной доли этих народов: самый многочисленный из них – якуты – составляют всего 1,45% сибирского населения, буряты – 1,31%, хакасы – 0,31%, алтайцы – 0,27%, шорцы – 0,09%. При этом сохраняется компактность их расселения. Так, из почти 250 тыс. якутов за пределами собственно Якутской АССР проживали всего 8144 чел. Из 13814 чукчей на территории Западной Сибири проживал всего один, а в Восточной Сибири – четверо. Из

⁴ Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР.

18396 хантов в Восточной Сибири жили всего семеро, а на Дальнем Востоке – 12.

В то же время повышается вовлеченность ряда народов в процессы урбанизации – резко возрастает доля городского населения среди украинцев, белорусов, татар, мордвы. Хотя абсолютное количество горожан среди автохтонных народов по-прежнему было невелико, происходит значительный относительный рост числа проживающих в городе бурятов, якутов, алтайцев, хакасов, различных народностей Севера.

В целом национальный состав Сибири в конце 1930-х годов характеризуют данные таблицы 2.

Таблица 2. Национальный состав Сибири по данным переписи 1939 г.

Националь- ность	Городское население		Сельское население		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Русские	4943268	86,75	8780666	79,99	13723934	82,30
Украинцы	294517	5,17	700960	6,39	995477	5,97
Татары	99330	1,74	178312	1,62	277642	1,66
Якуты	16444	0,29	224973	2,05	241417	1,45
Буряты	19161	0,34	198742	1,81	217903	1,31
Мордва	63041	1,11	108224	0,99	171265	1,03
Белорусы	42462	0,75	103305	0,94	145767	0,87
Немцы	15169	0,27	101844	0,93	117013	0,70
Казахи	19561	0,34	90709	0,83	110270	0,66
Чуваши	20351	0,36	67749	0,62	88100	0,53
Евреи	64444	1,13	18420	0,17	82864	0,50
Хакасы	6319	0,11	44875	0,41	51194	0,31
Ойроты	3759	0,07	41704	0,38	45463	0,27
Поляки	20325	0,36	25063	0,23	45388	0,27
Латыши с латгальцами	9542	0,17	27116	0,25	36658	0,22
Эстонцы	6432	0,11	27145	0,25	33577	0,20
Эвенки	1512	0,03	27945	0,25	29457	0,18
Коми	5062	0,09	23253	0,21	28315	0,17
Удмурты	3795	0,07	14828	0,14	18623	0,11
Ханты	525	0,01	17871	0,16	18396	0,11
Ненцы	372	0,01	16773	0,15	17145	0,10
Китайцы	7147	0,13	9961	0,09	17108	0,10
Шорцы	1726	0,03	14070	0,13	15796	0,09
Чукчи	145	0,00	13669	0,12	13814	0,08

Окончание табл. 2

Националь- ность	Городское население		Сельское население		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Прочие национальности	33819	0,59	99455	0,91	133274	0,80
Всего	5698228	100,00	10977632	100,00	16675860	100,00

Источник: URL: <http://www.demoscope.ru> со ссылкой на: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ед.хр. 966–1001.

После тяжелых испытаний: национальный состав Сибири в 1959 г.

Национальный состав населения Сибири по данным переписи 1959 г. выглядел следующим образом (табл. 3).

Таблица 3. Национальный состав населения Сибири по данным переписи 1959 г.

Националь- ность	Западная Сибирь		Восточная Сибирь		Дальний Восток		Всего по Сибири	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Русские	9556899	84,94	5378912	83,10	3745957	77,49	18681768	82,81
Украинцы	449609	4,00	216957	3,35	441531	9,13	1108097	4,91
Немцы	437938	3,89	77571	1,20	11253	0,23	526762	2,34
Буряты	312	0,00	246546	3,81	1220	0,03	248078	1,10
Якуты	140	0,00	6076	0,09	228145	4,72	234361	1,04
Татары, в т.ч. крымские	223627	1,99	99697	1,54	58933	1,22	382257	1,69
Белорусы	75036	0,67	53473	0,83	59189	1,22	187698	0,83
Мордва	58654	0,52	29701	0,46	49336	1,02	137691	0,61
Народности Севера	43040	0,38	13331	0,21	60139	1,24	116510	0,52
В том числе:								
ненцы	14828	0,13	1925	0,03	0	0,00	16753	0,07
ханты	18703	0,17	0	0,00	0	0,00	18703	0,08
чукчи	0	0,00	0	0,00	11499	0,24	11499	0,05
эвенки	307	0,00	8956	0,14	14996	0,31	24259	0,11
Чуваши	66152	0,59	34340	0,53	14644	0,30	115136	0,51
Тувинцы	0	0,00	99040	1,53	0	0,00	99040	0,44
Евреи	38352	0,34	22268	0,34	36337	0,75	96957	0,43
Казахи	88015	0,78	3732	0,06	4005	0,08	95752	0,42
Корейцы	1748	0,02	2257	0,03	68140	1,41	72145	0,32
Хакасы	927	0,01	53542	0,83	0	0,00	54469	0,24
Литовцы	9226	0,08	34834	0,54	3684	0,08	47744	0,21
Алтайцы	43685	0,39	25	0,00	0	0,00	43710	0,19

Окончание табл. 3

Националь- ность	Западная Сибирь		Восточная Сибирь		Дальний Восток		Всего по Сибири	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Латыши	16913	0,15	14396	0,22	3819	0,08	35128	0,16
Поляки	16101	0,14	11570	0,18	7220	0,15	34891	0,15
Эстонцы	16564	0,15	12469	0,19	2518	0,05	31551	0,14
Удмурты	8613	0,08	6800	0,11	4051	0,08	19464	0,09
Коми и коми- пермяки	16793	0,15	1618	0,02	442	0,01	18853	0,08
Молдаване	9874	0,09	3397	0,05	4714	0,10	17985	0,08
Башкиры	6441	0,06	4289	0,07	3644	0,08	14374	0,06
Шорцы	13946	0,12	0	0,00	0	0,00	13946	0,06
Калмыки	7685	0,07	4160	0,06	0	0,00	11845	0,05
Армяне	4949	0,04	3131	0,05	3089	0,06	11169	0,05
Цыгане	6178	0,05	3757	0,06	780	0,02	10715	0,05
Прочие националь- ности	34146	0,30	35303	0,55	21356	0,44	90805	0,40
Всего	11251563	100,00	6473192	100,00	4834146	100,00	22558901	100,00

Источник: URL: <http://www.demoscope.ru> со ссылкой на: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ед.хр. 1566а –1566д.

Основу сибирского населения составляли русские. По сравнению с данными переписи 1939 г. их удельный вес в составе населения Сибири остался фактически неизменным. При этом в Западной и Восточной Сибири удельный вес русских снизился, что было вызвано большими потерями в ходе Великой Отечественной войны, миграциями, а также резким ростом числа таких национальностей, как немцы и тувинцы. В то же время на Дальнем Востоке доля русского населения выросла на 8%, в первую очередь за счет миграционного прироста.

В 1944 г. в состав СССР вошла Тувинская Народная Республика, ставшая Тувинской автономной областью в составе РСФСР. Тувинцы по сибирским меркам были достаточно крупным народом (к 1959 г. – около 100 тыс. чел).

Следует отметить, что после ликвидации АССР немцев Поволжья и их депортации в восточные районы страны немецкое население стало одной из наиболее многочисленных групп сибирского населения (527 тыс. чел., около 3% от общей численности), уступая лишь русским и украинцам.

Удельный вес коренных народов Сибири не превышал в Западной Сибири 0,9% населения (наиболее многочисленными из них

были алтайцы – 43 тыс. чел., ханты – 19 тыс. чел., ненцы – 15 тыс. чел., шорцы – 14 тыс. чел.), в Восточной – 6,4% (буряты – 247 тыс. чел., тувинцы – 99 тыс. чел., хакасы – 53,5 тыс. чел.), на Дальнем Востоке – 6% (якуты – 228 тыс. чел., эвенки – 15 тыс. чел., чукчи – 11,5 тыс. чел.). Для коренных народов по-прежнему было характерно компактное проживание, преимущественно в сельской местности. Стоит отметить, что в этот период буряты, тувинцы, хакасы демонстрируют устойчивое увеличение численности. Так, число бурятов за прошедшие с переписи 1939 г. двадцать лет увеличилось на 30 тыс., хакасов – на 5 тыс. чел. В то время как численность алтайцев, шорцев, ряда народностей Севера продолжала сокращаться.

Изменения национального состава Сибири в 1970–1989 гг.

В 1970–1980-е гг. основу сибирского населения по-прежнему составляли русские. По данным переписи 1979 г. их абсолютная численность и удельный вес в национальном составе региона достигают максимума. Но перепись 1989 г. зафиксировала тенденцию к сокращению удельного веса русского населения, что было вызвано целым рядом факторов: активной миграцией в регион представителей других национальностей, относительно низким показателем естественного прироста у русского населения, негативным влиянием развернувшихся в стране общественно-политических процессов. В этот период впервые за долгое время происходит существенный прирост числа украинцев и белорусов (табл. 4).

Начинается бурный рост численности коренных народов Восточной Сибири: в частности, бурятов, якутов и тувинцев – на треть. Больше становится и представителей малочисленных народностей Севера. Численность и удельный вес ряда народов Урала и Поволжья – мордвы и чувашей – остаются стабильными или снижаются.

Значимую часть сибирского населения составляли жители пограничной Казахской ССР, где к 1989 г. проживало более 151 тыс. чел.

Новым явлением в динамике национального состава Сибири стало формирование достаточно крупных диаспор выходцев из республик Закавказья и Средней Азии.

Таблица 4. Изменение национального состава населения Сибири по данным переписей 1970, 1979, 1989 гг., чел.

Националь- ность	1970		1979		1989	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Русские	21470653	84,69	23704065	84,74	26747740	83,29
Украинцы	943454	3,72	1107192	3,96	1483846	4,62
Татары	447852	1,77	495737	1,77	605139	1,88
Немцы	471774	1,86	475570	1,70	502283	1,56
Буряты	309859	1,22	345842	1,24	411090	1,28
Якуты	292971	1,16	323362	1,16	375977	1,17
Белорусы	193830	0,76	217507	0,78	287322	0,89
Тувинцы	138042	0,54	164588	0,59	204108	0,64
Казахи	107051	0,42	117685	0,42	151188	0,47
Чуваши	133629	0,53	130297	0,47	143639	0,45
Мордва	112552	0,44	99919	0,36	99707	0,31
Башкиры	19718	0,08	34639	0,12	80313	0,25
Хакасы	64076	0,25	68137	0,24	75888	0,24
Азербайджанцы	6882	0,03	18165	0,06	72033	0,22
Алтайцы	54081	0,21	58238	0,21	68405	0,21
Корейцы	72745	0,29	61984	0,22	64305	0,20
Молдаване	15140	0,06	24508	0,09	57124	0,18
Евреи	78358	0,31	66054	0,24	54792	0,17
Узбеки	11728	0,05	19533	0,07	39279	0,12
Армяне	10999	0,04	18875	0,07	37893	0,12
Удмурты	28756	0,11	30412	0,11	34227	0,11
Марийцы	22201	0,09	24895	0,09	34002	0,11
Эвенки	24832	0,10	25879	0,09	29394	0,09
Поляки	28579	0,11	28481	0,10	28752	0,09
Ненцы	21310	0,08	21744	0,08	25592	0,08
Ханты	20710	0,08	20134	0,07	21540	0,07
Грузины	7467	0,03	12738	0,05	19911	0,06
Эстонцы	24840	0,10	21869	0,08	19421	0,06
Латыши	24005	0,09	24896	0,09	19115	0,06
Цыгане	11900	0,05	14113	0,05	17608	0,05
Литовцы	18532	0,07	15552	0,06	17219	0,05
Эвены	11738	0,05	12296	0,04	16772	0,05
Коми	16600	0,07	15892	0,06	15999	0,05
Шорцы	15759	0,06	14888	0,05	15314	0,05
Чукчи	13364	0,05	13822	0,05	14929	0,05
Осетины	5555	0,02	8731	0,03	13876	0,04

Окончание табл. 4

Националь- ность	1970		1979		1989	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Киргизы	2960	0,01	3415	0,01	13679	0,04
Чеченцы	1775	0,01	3948	0,01	13040	0,04
Нанайцы	9778	0,04	10126	0,04	11583	0,04
Таджики	2095	0,01	4166	0,01	10030	0,03
Прочие национальности	85294	0,34	94199	0,34	161623	0,50
Всего	25353444	100,00	27974093	100,00	32115697	100,00

Источник: URL: <http://www.demoscope.ru> со ссылкой на: РГАЭ/ Ф. 1562. Оп. 69. Д.204–232; Оп. 336. Д. 3998–4185, 6181–6208.

Как и раньше, среди городского населения удельный вес русских был выше, чем в среднем по Сибири, достигая 88,8% в 1970 г. и 85,9% – в 1989 г. Преимущественно городской образ жизни вели также украинцы, татары, белорусы. Заметным явлением становится все большая вовлеченность в процесс урбанизации коренных народов. Число тувинцев-горожан выросло за указанный период втрое, бурятов – более чем в два раза.

На селе русское население продолжало убывать, как в абсолютном, так и в относительном отношении: к 1989 г. они составляли 76% сельского населения. Численность большинства других национальностей на селе оставалась стабильной или снижалась. Существенный рост сельского населения был характерен лишь для якутов, тувинцев и алтайцев.

Заключение

Народы, населяющие Сибирь, можно условно разделить на две большие группы: автохтонные и пришлые, что в значительной степени определяет особенности их развития.

Для автохтонных народов характерны увеличение численности исключительно за счет естественного прироста, компактное расселение, локальное доминирование в национальной структуре, крайне слабое участие в урбанизационных и миграционных процессах.

Численность пришлых народов в значительной мере зависит от миграционных процессов. Для них характерны дисперсное расселение, сокращение численности по мере удаления от территории исторического расселения, активное участие в процессе урбанизации.

При этом соотношение различных этносов было крайне неравномерным: пришлых народов было в разы больше, чем автохтонных. Доминирующее положение среди пришлых народов занимали русские, что в целом определяло этническую картину Сибири.

При этом русские наиболее активно среди сибирских этносов участвовали в модернизационных процессах. Городское население Сибири изначально складывалось как прежде всего русское. Новый тип городского жителя, новые формы экономической занятости начинают ассоциироваться с русской идентичностью. Таким образом, компактность проживания, сравнительная однородность хозяйственной деятельности горожан вкупе с заметным культурным доминированием русских становятся факторами, резко усиливающими ассимиляционные процессы.

Ассимиляция с доминирующим этносом становится обратной стороной урбанизации. Остальные этносы оказываются перед нелегким историческим выбором: либо свести к минимуму свое участие в модернизационных процессах ради сохранения этнической идентичности, замкнуться в границах своего исторического расселения, либо встроиться в процессы модернизации и подвергнуться мощному ассимиляционному воздействию.

Литература

Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза: 1922–1991. М.: Наука, 1993. 143 с.

Бредникова О. Е., Паченков О. В. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. 2002. № 2. С. 74–81.

Бурматов А. А. Демографическая история Каинска-Куйбышева и его округа. Новосибирск: Изд-во НГПУ. 1997. 162 с.

Гозулов А. И. Переписи населения СССР и капиталистических стран (опыт историко-методологической характеристики производства переписей населения). М.: Ред.-изд. Упр-е ЦУНХУ Госплана СССР и В/О «Союзоргучет», 1936. 588 с.

Дашинамжилов О. Б., Лыгденова В. В. Динамика изменения этнического состава населения Сибири в 1989–2010 гг. // Социс. 2012. № 10. С. 50–54.

Дашинамжилов О. Б., Лыгденова В. В. Национальный состав населения Западной Сибири в 1959–1989 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016а. № 3. Т. 23. С. 113–116.

Дашинамжилов О. Б., Лыгденова В. В. Этнодемографические процессы в Западной Сибири в постсоветский период (1989–2010 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2016б. № 6 (44). С. 143–150.

Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е годы: взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. 280 с.

Жиромская В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле, 2013. 320 с.

Киселева Н.Н. Этноэкономическая составляющая системной организации Юга России // Успехи современного естествознания. 2007. № 11. С. 91–93.

Кузнецова Я.А. Проблемы демографического развития Республики Бурятия в 1970–1980 гг. // Проблемы исторической демографии Сибири. Вып. 1. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2010. С. 223–241.

Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI вв. / Отв. ред. В. А. Исупов. Новосибирск: Параллель, 2011. 392 с.

Московский А.С. Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск: Наука, 1968. 308 с.

Население Западной Сибири в XX веке / Отв. ред. Н. Я. Гушин, В. А. Исупов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 172 с.

Овчинников В.Н. Этноэкономика как фактор развития // Проблемы прогнозирования. 2006. № 1. С. 118–123.

Печура О.В. Этноэкономика региона: теоретико-методологический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 3. С. 56–60.

Сивцева С.И. Население Якутии в XX веке: некоторые аспекты формирования // Проблемы исторической демографии Сибири. Вып. 3. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2013. С. 55–67.

Сурнина Н.М. Этноэкономическая парадигма в контексте теории диалога цивилизаций // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 4. С. 5–12.

Этнодемографические взаимодействия народов Сибири. Историко-статистические документы. Отв. ред. В. А. Исупов. Новосибирск: НГУ, 2003. 138 с.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении/ Под ред. Н.Н. Покровского. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2003. 556 с.

Статья поступила 09.04.2018.

Summary

Semenov M. A., Institute of History, SB RAS, Novosibirsk

Dynamics of Ethnic Composition of the Asian Part of Russia According to the Census (1926–1989)

The article analyzes the changes in the national composition of Western and Eastern Siberia and the Far East in the period 1926–1989 on the basis of the data of all-Union population censuses. The influence of the main historical events on the ethnic picture of Asian Russia is revealed. Differences in the national composition of large economic and geographical regions are traced. Features of settling of the main ethnic groups of Siberia, their inclusion in modernization processes are described. The conclusion about the key role of migration and assimilation processes in the formation of the national structure of the population of the region in this period is made. Special attention is paid to the development of autochthonous peoples.

National composition; Western Siberia; Eastern Siberia; Far East; migrations; assimilation; urbanization

References

Andreev E. M., Darskij L. E., Har'kova T. L. (1993) Naselenie Sovetskogo Soyuz: 1922–1991. Moscow, Nauka Publ. 143 p. (In Russ.)

Brednikova O. E., Pachekov O. V. (2002) Etnichnost' «ehnicheskoj ehkonomiki» i social'nye seti migrantov. *Ekonomicheskaya sociologiya [Economic Sociology]*. No. 2. Pp. 74–81. (In Russ.)

Burmatov A.A. (1997) Demograficheskaya istoriya Kainska-Kujbysheva i ego okrug. Novosibirsk, NGPU Publ. 162 p. (In Russ.)

Gozulov A.I. (1936) Perepisi naseleniya SSSR i kapitalisticheskikh stran (opyt istoriko-metodologicheskoy karakteristiki proizvodstva perepisej naseleniya). Moscow, Upravlenie CUNHU Gosplana SSSR i V/O «Soyuzorguchet» Publ. 588 p. (In Russ.)

Dashinamzhilov O.B., Lygdenova V.V. (2012) Dinamika izmeneniya etnicheskogo sostava naseleniya Sibiri v 1989–2010 gg. *Sotsiologicheskie Issledovaniia [Sociological Studies]*. No. 10. Pp. 50–54. (In Russ.)

Dashinamzhilov O.B., Lygdenova V.V. (2016a) Nacional'nyj sostav naseleniya Zapadnoj Sibiri v 1959–1989 gg. *Gumanitarnye nauki v Sibiri. [Humanitarian sciences in Siberia]*. No. 3. T. 23. Pp. 113–116. (In Russ.)

Dashinamzhilov O.B., Lygdenova V.V. (2016b) Etnodemograficheskie processy v Zapadnoj Sibiri v postsovetskij period (1989–2010 gg.). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]*. No. 6 (44). Pp. 143–150. (In Russ.)

Zhiromskaya V.B. (2001) Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-e gody: vzglyad v neizvestnoe. Moscow, ROSSPEHN Publ. 280 p. (In Russ.)

Zhiromskaya V.B. (2013) Osnovnye tendencii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke. Moscow, Kuchkovo pole Publ. 320 p. (In Russ.)

Kiseleva N.N. (2007) Etnoehkonomicheskaya sostavlyayushchaya sistemnoj organizacii Yuga Rossii. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya [Advances in current natural sciences]*. No. 11. Pp. 91–93. (In Russ.)

Kuznecova Ya.A. (2010) Problemy demograficheskogo razvitiya Respubliki Buryatii v 1970–1980 gg. In: *Problemy istoricheskoy demografii Sibiri. Vyp. 1. [Problems of historical demography of Siberia. Vol. 1.]*. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN Publ. Pp.223–241. (In Russ.)

Migracii naseleniya Aziatskoj Rossii: konec XIX – nachalo XXI vv. (2011) Novosibirsk, Parallel' Publ. 392 p. (In Russ.)

Moskovskij A.S. (1968) Formirovanie i razvitie rabochego klassa Sibiri v period stroitel'stva socializma. Novosibirsk, Nauka Publ. 308 p. (In Russ.)

Naselenie Zapadnoj Sibiri v XX veke. (1997) Novosibirsk, SO RAN Publ. 172 p. (In Russ.)

Ovchinnikov V.N. (2006) Etnoehkonomika kak faktor razvitiya. *Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development]*. No. 1. Pp. 118–123. (In Russ.)

Pechura O.V. (2010) Etnoehkonomika regiona: teoretiko-metodologicheskij aspect. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Chelyabinsk State University Bulletin]*. No. 3. Pp. 56–60. (In Russ.)

Sivceva S.I. (2013) Naselenie Yakutii v XX veke: nekotorye aspekty formirovaniya. In: *Problemy istoricheskoy demografii Sibiri. Vyp. 3. [Problems of historical demography of Siberia. Vol. 3.]*. Novosibirsk, In-t istorii SO RAN Publ. Pp.55–67. (In Russ.)

Surnina N.M. (2009) Etnoehkonomicheskaya paradigma v kontekste teorii dialoga civilizacij. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*. No. 4. Pp. 5–12. (In Russ.)

Etnodemograficheskie vzaimodejstviya narodov Sibiri. Istoriko-statisticheskie dokumenty. (2003) Novosibirsk, NGU Publ. 138 p. (In Russ.)

Yadrincev N.M. (2003) Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN Publ. 556 p. (In Russ.)

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-5-110-138

Будущее российской экономики глазами «отцов» и «детей».

Взгляд четвертый¹

Д.С. МИХАЙЛОВСКАЯ, НИУ Новосибирский государственный университет.
E-mail: daria.mikhaylovskaja@yandex.ru

В.В. ШМАТ, кандидат экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирский государственный университет. E-mail: petroleum-zugzwang@yandex.ru

Вот четвертый, но также еще не последний вид.
Узнав все это, вы спрашиваете: что же вам делать?
Вам отвечают: учитесь, слушайтесь и слушайте...

Н. И. Пирогов [Пирогов, 1985]

В статье представлены результаты четвертого этапа сценарного прогнозирования развития российской экономики с применением экспертно-статистического байесовского метода, предназначенного для построения прогнозов в условиях сильной неопределенности. Исследование позволяет построить мониторинг-прогноз для отслеживания изменений в мнениях экспертов о будущем экономики страны в связи с изменениями в современной экономической ситуации. Принятый авторами подход к моделированию прогноза позволяет оценивать шансы реализации прогнозных сценариев с учетом разнообразия проблем в экономике. На данном этапе сформирована содержательная модельная конструкция, отражающая комплекс проблем регионального развития. В результате численного моделирования на базе полученных экспертных оценок выявлено некоторое смещение вектора прогнозируемого развития российской экономики в направлении сценариев, сочетающих такие свойства, как прагматизм и администрирование.

Ключевые слова: сценарное прогнозирование, моделирование экономики, экспертно-статистический байесовский метод, факторный анализ, фазовое пространство, фазовый портрет, мониторинг-прогноз, неопределенность, экономика России, ресурсозависимость, ресурсная держава, регион, межрегиональная дифференциация, региональная политика

Мы продолжаем серию публикаций с краткими отчетами о реализации инициативного исследовательского проекта по сценарному прогнозированию развития российской экономики, который начался в 2014 г. [Карева, Шмат, 2014; Карева и др., 2015; Михайловская и др., 2017]. В своем исследовании с

¹ Авторы выражают глубокую признательность ведущим ученым ИЭОПП СО РАН, Института природных ресурсов, экологии и криологии, Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Новосибирского государственного университета и Сибирского федерального университета, которые согласились выступить в роли экспертов и тем самым оказали неоценимую помощь в выполнении данного исследования.

помощью глубокоуважаемых экспертов мы прошли уже четыре этапа, различающихся по степени охвата проблем, имеющих место в экономике нашей страны, и надеемся, что постепенно приближаемся к пониманию того, каковы наиболее вероятные пути будущего развития.

В методико-инструментарном отношении построение сценарного прогноза характеризуется применением экспертно-статистического байесовского метода и неформализованного источника информации в виде экспертных оценок. Выбор инструментария обусловлен необходимостью учитывать действие фактора **неопределенности**, с которой мы сталкиваемся в попытках прогнозировать будущее. При этом главным образом речь идет о неопределенности, понимаемой по Найту [Найт, 1994], или так называемой «фундаментальной неопределенности», исключаяющей возможность корректного преобразования в ситуацию риска, т.е. в ситуацию с количественно оцениваемой вероятностью различных исходов и известной погрешностью результатов моделирования [Столбов, 2011]. В таких условиях экспертно-статистический байесовский метод позволяет строить прогнозы в соответствии с принципом, выраженным в следующих словах: **«Если мы не можем точно прогнозировать будущее, мы, по крайней мере, вправе попытаться связать возможные варианты будущего с настоящим»** [Благовещенский, 2012. С. 75].

В основе моделирования прогноза лежат задаваемые (базовые) потенциально возможные сценарии будущего и наборы проблемных ситуаций в социально-экономической сфере с присущими каждой из них группами разрешающих событий. Процесс моделирования прежде всего направлен на получение оценок вероятностей (шансов) реализации базовых сценариев развития российской экономики в долгосрочной перспективе (до 2030 г.), но более общей задачей является определение примерного комплекса условий, требующихся для реализации благоприятных сценариев и предотвращения неблагоприятных. Точных рецептов не может быть, мы лишь пытаемся определить наиболее вероятные направления движения и выявить действия, целесообразные в случае реализации того или иного сценария.

После второго этапа [Карева, Шмат, 2015] мы приняли решение проводить оценку сценариев будущего развития экономики России «сквозь призму» отдельно взятой крупной

проблемы, или «макропроблемы». Поскольку дело происходило в 2015 г., предметом нашего исследования стала проблема преодоления кризиса в экономике, формирования и реализации антикризисной политики. Теперь мы обращаемся к проблеме регионального развития, к построению прогноза в рамках *макропроблемы «Регион»*, что, на наш взгляд, представляется не менее актуальным.

Почему мы обратились к региональной проблематике?

Наш интерес к построению сценарного прогноза российской экономики с акцентом на региональной проблематике вызван многими причинами.

Россия – огромная страна, в составе которой 85 регионов – субъектов Федерации, каждый со своими особенностями. Существенные различия характерны и для крупных пространственных ареалов – Сибири и Дальнего Востока, Урала, Центра, Северо-Запада, Юга России. Северные территории (включая Арктическую зону) можно выделить в качестве особого географического ареала, который, простираясь в широтном направлении, частично захватывает и европейскую часть России, и Урал, и Сибирь, и Дальний Восток.

Регионы страны стратифицируются по многим объективным признакам: географическим (местоположению и площади территории), природно-климатическим (условиям жизни людей, обилию и разнообразию природных ресурсов), демографическим (численности, составу и динамике населения), уровню и характеру социально-экономического развития (выделяются относительно высокоразвитые и депрессивные, регионы с преимущественно индустриальной или аграрной экономикой, научно-образовательные и административно-финансовые центры, транзитно-транспортные хабы и проч.). Нельзя сбрасывать со счетов и признаки, связанные с этническим составом населения, обычаями, ментальностью и т.п.

Большое разнообразие условий и сильная дифференциация по показателям (и потенциальным возможностям) социально-экономического развития порождают широкий спектр и разнообразие проблем, с которыми сталкиваются регионы страны. В результате у регионов нет и, вероятно, не может быть какого-то

общего, унифицированного видения будущего. У каждого из них свои перспективы дальнейшего развития, которые сопряжены с наступлением специфических, характерных событий. Это важно для нашего исследования, поскольку применяемый метод моделирования прогнозов хорошо подходит для оценки реализуемости общих сценариев при наличии разнообразных проблемных ситуаций. В рамках построения прогноза по макропроблеме «Регион» в качестве таковых рассматриваются проблемы, свойственные тем или иным группам (типам) регионов России.

С точки зрения метода видится важным участие в нашем проекте экспертов, представляющих сибирскую экономическую школу, которая традиционно сильна своей региональной направленностью и нацелена на решение проблем Сибири (для чего в конце 1950-х годов и было создано Сибирское отделение Академии наук СССР).

Кроме того, весьма интересной видится возможность оценивания прогнозных сценариев в контексте тех или иных крупных социально-экономических проблем, а многостадийность исследования превращает процесс построения прогнозов в своего рода мониторинг, который ведется не только во времени, но и в «пространстве проблем». Мониторинг-прогноз отслеживает, как динамически трансформируются экспертные представления о будущем российской экономики с учетом реально изменяющейся ситуации и в преломлении существующих социально-экономических проблем. На наш взгляд, это чрезвычайно интересно, хотя и создает некоторые трудности при сопоставлении экспертных оценок реализуемости прогнозных сценариев, впрочем, преодолеваемые путем надлежащей интерпретации получаемых результатов.

Разнообразие регионов и региональных проблем

Многочисленность регионов и их разнообразие порождают, с одной стороны, множественность, а с другой – довольно сильную дифференциацию проблем регионального развития. Отмеченная стратификация по тем или иным признакам позволяет группировать регионы и по проблемным критериям.

Прежде всего следует выделить проблему так называемых *отсталых и депрессивных регионов*, находящихся в сложном

или даже крайне сложном социально-экономическом положении – таких примерно треть от общего числа субъектов Федерации. За последние 20–25 лет их количество увеличивается (они преимущественно концентрируются в Южном, Центральном, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах), а степень их отставания нарастает (у 70% неблагоприятных регионов отмечается ухудшение уровня экономического развития в динамике) [Прокопенко, 2016; Сидоренко и др., 2014].

В более же широком смысле речь идет о проблеме неравномерности в социально-экономическом развитии российских регионов. Для ее решения, с одной стороны, необходимо найти и широко распространить действенные инструменты, позволяющие ускорить развитие отстающих регионов. С другой стороны, дальнейший рост сравнительно богатых и благополучных регионов не должен сопровождаться «вытягиванием соков» из периферии, но при этом и для лидеров нельзя создавать какие-то искусственные препятствия и барьеры. Иными словами, пространственная политика должна нацеливаться на то, чтобы в России не было бедных регионов, а не на то, чтобы не стало богатых.

В этой связи нельзя не остановиться на предложенной А. Кудриным идее о создании 10–15 городов-агломераций, которым, по замыслам Центра стратегических разработок, отводится одна из главных ролей в модели устойчивого экономического роста и в новой региональной политике². На наш взгляд, это с большой вероятностью может привести к усилению межрегионального неравенства, а внутри отдельных регионов – к усилению неравенства между крупнейшими городскими образованиями и остальными территориями. Особенно велики подобные риски для Сибири и Дальнего Востока с их огромными просторами и малым числом агломерационных центров. В результате вырисовывается картина своеобразной «пустыни» на просторах России, особенно восточной ее части, где практически все население и вся экономическая жизнь будут сосредоточены в небольшом числе «оазисов».

² Алексей Кудрин рассказал о главных экономических вызовах для России // Гайдаровский форум. URL: http://gaidarforum.ru/news/aleksey-kudrin-rasskazal-o-glavnykh-ekonomicheskikh-vyzovakh-dlya-rossii/?sphrase_id=11182 (дата обращения: 8.02.2018); Великое переселение по методу Кудрина // Свободная пресса. 2017. 14 янв. URL: <https://svpressa.ru/society/article/164230/> (дата обращения: 08.02.2018).

Особого внимания в российских условиях заслуживает и проблема *регионов с преимущественно ресурсным типом экономики*. В их числе можно выделить так называемые нефтегазовые территории, лидерами среди которых являются Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО. Ресурсные регионы (прежде всего нефтегазовые) играют роль национальных финансовых доноров, а развитие добычи полезных ископаемых поддерживает экономический рост в стране (особенно в условиях благоприятной ценовой конъюнктуры мировых сырьевых рынков). В сегодняшней России сравнительное благополучие ресурсных регионов дает бесспорный образец для подражания – подавляющее большинство российских регионов проявляет повышенный интерес к освоению имеющихся природных ресурсов, видя в этом шанс для выхода из кризиса, возможность для поддержания (ускорения) темпов экономического развития и решения социальных задач. Однако высокая ресурсная обеспеченность обычно сочетается с ресурсозависимостью экономики, порождающей свои специфические проблемы. Они характерны для всей российской экономики, но наиболее ярко проявляются непосредственно в ресурсных регионах и выражаются в формировании моноотраслевой структуры хозяйства, финансовой зависимости от добывающих производств и неустойчивости перспектив социально-экономического развития.

При всем разнообразии и специфичности проблем отдельных регионов общими для всех являются порой очень непростые *взаимоотношения с федеральным центром*, а также *межрегиональные взаимодействия*. Для российских регионов типична ситуация, когда они считают, что их интересы ущемляются центром. Сравнительно благополучные регионы (особенно те, которые специализируются на добыче высоколиквидных экспортных видов сырья) обычно полагают, что центр их эксплуатирует, выкачивая ресурсы, доходы и т.п. И такого рода оценка в значительной степени справедлива. Бедные же регионы чаще всего «обижаются» на центр, полагая, что не получают достаточной помощи для решения своих проблем. В целом можно сказать, что в регионах имеет место более или менее существенный дисбаланс между формальными полномочиями и ответственностью, с одной стороны, и их ресурсно-финансовым обеспечением, – с другой.

Что же касается межрегиональных взаимодействий, нетрудно предположить, что установление равновыгодных отношений между регионами, сильно различающимися по уровню развития, весьма проблематично. Складывается впечатление, что расширение и углубление межрегиональных взаимодействий сегодня не относится к числу главных приоритетов ни федерального центра, ни региональных властей. Центр, скорее, придерживается известного принципа «разделяй и властвуй», а создание федеральных округов нацелено не столько на развитие сотрудничества между входящими в их состав регионами, сколько на выполнение надзорных функций³. Регионы же, как это явствует из стратегий социально-экономического развития, больше озабочены решением задач, связанных с усилением собственных конкурентных позиций, нежели построением «платформы» взаимного сотрудничества, создающей возможности для получения общих синергетических эффектов.

Можно сказать, что современной системе федеративных отношений в России присуща значительная асимметричность, вызванная дифференциацией в социально-экономическом развитии регионов, а также различиями в компетенциях и неодинаковым отношением со стороны центра.

Разнообразие регионов и проблем регионального развития порождает выбор проблемных ситуаций и способов их разрешения (с надлежащей формулировкой в терминах модели сценарного прогнозирования), т.е. определяет характер вопросов для экспертов, оценивающих шансы реализации обозначенных в модели событий.

Наши эксперты

Как и на предыдущих этапах исследования работа велась с двумя аудиториями экспертов – «отцами» и «детьми».

Основная экспертная аудитория («отцы») включает авторитетных ученых-экономистов и социологов, работающих в научных и научно-образовательных организациях Новосибирска, Красноярска, Читы, Кызыла, Кемерово. Расширение географии вызвано

³ Задачи межрегионального взаимодействия находят слабое отражение в федеральных целевых программах – во всяком случае, такой вывод напрашивается при изучении материалов, содержащихся на официальном Портале госпрограмм РФ (URL: <https://programs.gov.ru/Portal/site/index>) и специальном разделе сайта Минэкономики развития РФ, посвященном ФЦП (URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/Title/>).

региональной направленностью построения прогноза и нашим стремлением учесть мнение высококвалифицированных экспертов из разных регионов Сибири. Кроме того, мы провели стратификацию основной экспертной аудитории по признаку научных интересов (табл. 1) с тем, чтобы получить групповые оценки экспертов, специализирующихся на региональной проблематике и в других областях экономической науки⁴, а в итоге построить групповые прогнозы (используя тем самым возможности применяемого метода прогнозирования, описанные в предыдущих публикациях).

Почти половина (8 из 17) экспертов основной аудитории указали «Региональную экономику» в качестве одной из сфер своих научных интересов, что делает данную группу весьма представительной, а следовательно, с ней и весь прогноз, построенный на основе оценок экспертов-регионалистов. Сказанное мы в равной степени относим и ко всей основной экспертной аудитории, поскольку исходим из принципа, что качество экспертных оценок (выборки данных, используемой для построения модели) обеспечивается не массовостью, а высоким уровнем квалификации специалистов [Stangl, 2007].

Таблица 1. Характеристика основной экспертной аудитории

Общее число экспертов	17
- из Новосибирска	13
- из других городов Сибири	4
Число экспертов, указавших «Региональную экономику» в качестве одной из сфер научных интересов	8
Число экспертов, указавших другие сферы научных интересов	16
- Экономика отраслей и предприятий	5
- Институциональная экономика	4
- Экономическая теория	2
- другие сферы (Общэкономические вопросы, Макроэкономика, Менеджмент, Социология, Экономико-математическое моделирование)	5
Число экспертов, указавших в качестве основной сферы научных интересов только одну	13
Число экспертов, указавших в качестве основных сфер научных интересов более двух	2

Индикативная экспертная аудитория «детей» на четвертом этапе исследования включала 26 экспертов и состояла, как обычно, из студентов старших курсов, магистрантов, аспирантов

⁴ Экспертам было предложено указать главные сферы научных интересов из составленного нами списка, который охватывает основные области экономической науки. При этом не выдвигалось требование указать только одну из сфер.

экономического факультета НГУ. Построение прогнозов на основе оценок начинающих и будущих профессиональных экономистов представляет интерес для выявления различий во взглядах разных поколений экономистов на будущее страны.

О модельной конструкции, формировании информационной базы и процедуре численного моделирования прогноза

Конструкция прогнозной модели включает три части:

1) набор задаваемых базовых сценариев развития экономики, шансы реализации которых определяются в процессе численного моделирования прогноза;

2) набор проблемных ситуаций (проблем), которые характеризуют современное положение в экономике и должны каким-то образом разрешиться в будущем;

3) способы разрешения проблемных ситуаций (в виде наборов для каждой из проблем), альтернативный выбор которых предопределяет, по какому сценарию будет происходить развитие экономики.

Набор из пяти *базовых сценариев* остается неизменным, начиная со второго этапа нашего исследования.

A1. «На пути в ОЭСР».

A2. «Ресурсная держава».

A3. «Лицом к Востоку».

A4. «Свой путь».

A5. «На периферии мира».

Подробное описание сценариев дано в наших предыдущих публикациях [Карева, Шмат, 2015; Михайловская и др., 2017]. Отметим лишь, что свойства каждого из сценариев отражают одно из возможных будущих состояний российской экономики. Сформированные сценарии не являются полностью взаимоисключающими, но достижение их возможно за счет комбинации различных факторов и исходов в разрешении проблемных ситуаций. При этом нельзя утверждать, что какой-либо из задаваемых базовых сценариев является исключительно позитивным.

Учитывая специальную проблемную направленность прогнозирования, вторая и третья компоненты модели – набор проблем и способов их разрешения – строятся заново на каждом этапе исследования с участием экспертов. Так, весной 2017 г. исполнители

проекта и представители основной экспертной аудитории в формате «круглого стола» совместно обсудили результаты построения прогнозов на предыдущих этапах исследования и основы модельной конструкции для четвертого этапа⁵.

В модель сценарного прогнозирования, построенную на основе региональной проблематики, мы включили *девять проблем (проблемных ситуаций)*.

1. Региональная политика: цели, задачи, реальное содержание.
2. Центр и регионы: распределение компетенций, полномочий и ответственности (федерализм по-русски).
3. Институты регионального развития, создание и поддержание «точек» и «драйверов» роста.
4. Межрегиональная дифференциация в социально-экономическом развитии.
5. Межрегиональное взаимодействие, экономический обмен, интеграция.
6. Корпоративный фактор в региональном развитии.
7. Развитие регионов Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока.
8. Развитие северных регионов.
9. Развитие «центровых» регионов и крупнейших агломераций.

Каждой из приведенных проблем вменялось по пять вариантов разрешения – *45 разрешающих событий* (Приложение).

Информационную базу численного моделирования образуют два «комплекта» экспертных оценок:

1) *оценки безусловных шансов событий*, т.е. мнения экспертов о реализуемости заданных событий, которые дают картину прогнозируемого развития экономики;

2) *оценки условных шансов событий* при предположении о реализации каждого из базовых сценариев⁶. Таким образом формируются представления о сценариях, выраженные через оценки событий, что позволяет соотносить их с параметрами прогноза и выявлять степень релевантности.

На основе полученных результатов экспертирования методом ранжирования [Павлов, Соколов, 2015; Саати, 1993] был выполнен поиск *обобщенных (агрегированных) оценок*, т.е. вычислены результирующие значения безусловных и условных шансов событий

⁵ «Круглый стол» журнала «ЭКО» «Сценарное прогнозирование российской экономики». Обсуждение результатов исследований, проведенных в 2016 г., и планов на ближайшее и отдаленное будущее. 17.03.2017. URL: <http://www.kz.ieie.nsc.ru/video/video1703-2017.html> (дата обращения: 13.2.2018).

⁶ Принцип оценивания условных шансов событий описан в работе [Благовещенский и др., 2012. С. 79].

по проблемам, включенным в модельную конструкцию прогноза (см. Приложение). Для экспертной аудитории «отцов», помимо сводных агрегированных оценок, выведены два групповых агрегата: (1) обобщенные оценки экспертов-регионалистов и (2) обобщенные оценки группы экспертов, не указавших «Региональную экономику» среди основных сфер своих научных интересов.

Численное моделирование прогноза на основе данных об агрегированных оценках безусловных и условных шансов событий проводится по рекуррентным байесовским формулам при большом числе итераций (10 тыс.), что обеспечивает сходимость вычислительной процедуры. В итоге мы рассчитываем шансы (вероятности) реализации базовых сценариев, вытекающие из полученной экспертной информации.

Интерпретация результатов моделирования прогноза

Характеризуя *результаты четвертого этапа*, отметим, что эксперты-«отцы» оказались весьма близки в видении будущего независимо от своего отношения к региональной проблематике. Наиболее существенные межгрупповые различия в оценках шансов реализации характерны для сценариев «Ресурсная держава» и на «Пути в ОЭСР»: эксперты-регионалисты оценивают шансы первого из названных сценариев ниже, а второго – выше, чем их коллеги, не специализирующиеся в сфере региональной экономики (рис. 1). При этом обе группы экспертов практически единодушны в оценке шансов на реализацию «периферийного сценария».

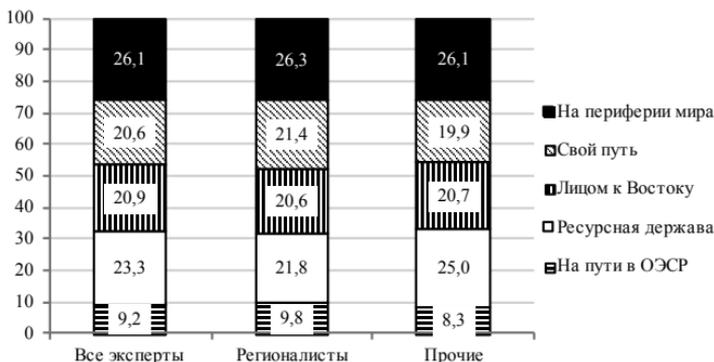

Рис. 1. Шансы реализации сценариев, вычисленные на основе оценок экспертов-«отцов», %

Отмеченное различие в оценках представляется довольно любопытным. В сущности, все эксперты основной аудитории не чужды региональной проблематики, однако специализация в данной области ассоциируется с более глубокими и широкими знаниями. Рискнем предположить, что сравнительно высокая оценка шансов сценария «На пути в ОЭСР» у экспертов-регионалистов обусловлена не столько оптимизмом прогноза для России, сколько определенным скепсисом в отношении способностей стран Запада проводить гармоничную пространственную политику и решать региональные проблемы (чему есть немало подтверждений)⁷.

В динамике прогнозных оценок, полученных в ходе четырех этапов исследования (соответственно, в 2014, 2015, 2016 и 2017 гг.), по обеим экспертным аудиториям – «отцов» и «детей» – просматривается тенденция волнообразного изменения, наиболее выраженная для «прозападного» и «периферийного» сценариев, шансы которых то убывают, то нарастают, в основном зеркально противоположно по отношению друг к другу (рис. 2).

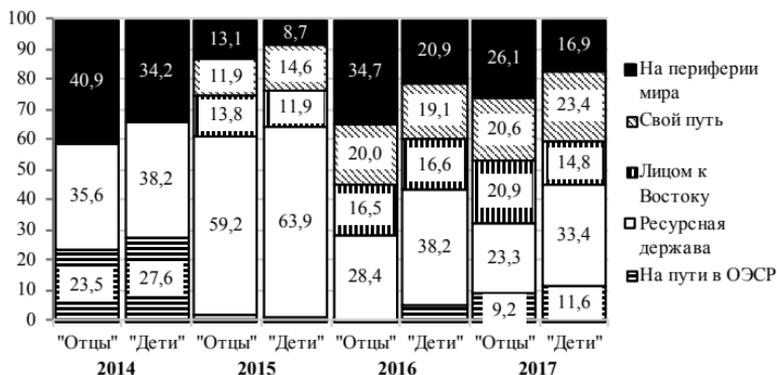

Рис. 2. Шансы реализации сценариев согласно результатам модельных расчетов в 2014–2017 гг.,%

Мы склонны объяснить это сравнительным улучшением ситуации в отечественной экономике, начавшейся в 2017 г., а также особенностями построения прогнозов, ассоциированных с отдельными макропроблемами («Антикризис» в 2016 г. и «Регион» в 2017 г.).

⁷ Выдвигая такую гипотезу, мы ориентируемся в том числе на мнение, высказанное одним из экспертов-регионалистов в частной беседе, в которой обсуждались особенности построения сценарной части модельной конструкции в нашем исследовании.

Ранее мы выдвинули гипотезу, что изменение прогноза в 2016 г. связано не только с неблагоприятными процессами в российской экономике, но и с тем, что наши способности противостоять кризисам и проводить действенную антикризисную политику не вызвали оптимизма у экспертов. С этой точки зрения перспективы дальнейшего социально-экономического развития страны выглядят хуже, чем при «панорамном обзоре», когда в укрупненном виде рассматривается весь комплекс проблемных ситуаций, имеющих место в экономике [Михайловская, 2017]. Обратное изменение, выявленное в прогнозной оценке 2017 г., мы склонны объяснить тем, что в региональной проблематике Россия не столь уж далека от стран Запада, для которых в той или иной степени характерны провалы в пространственной политике, противоречия, конфликты и неравенство территорий (если не федеративных, то хотя бы низовых административно-территориальных образований).

По оценкам последних двух лет, с очевидностью у России растут шансы повернуться «Лицом к Востоку». Видимо, в силу известных исторических обстоятельств нам ближе менталитет восточных соседей, более склонных к планово-централизованным решениям в экономике, нежели либерального Запада. Но, пожалуй, наиболее любопытной чертой прогноза на четвертом этапе исследования является увеличение суммарных шансов на реализацию сценариев «Лицом к Востоку» и «Свой путь» (до 40%), не входящих в привычную триаду вероятных сценариев развития России (ресурсного, прозападного, периферийного). При этом оценки реализуемости сценария «особого пути для России», введенного в модель на втором этапе исследования, нарастают год от года. Что это может означать? Неужели и «отцы», и «дети» все больше склоняются к мысли, что нужно искать новые собственные пути развития страны и ее экономики, не полагаясь ни на ресурсы, ни на либеральные модели прозападного типа? Надеемся, что дальнейшие исследования добавят ясности.

Сравнивая оценки *двух наших экспертных аудиторий*, мы видим, что на последнем этапе исследования в принципе сохраняются различия, проявившиеся годом ранее. *Эксперты-«отцы»* в целом более пессимистичны в своих представлениях о будущем российской экономики и в меньшей степени склонны доверять ресурсному сценарию развития. Периферийный сценарий они полагают наиболее вероятным, хотя и не со столь

большим отрывом от остальных. *Эксперты-«дети»* выше оценивают шансы на реализацию прозападного сценария и движения по «своему пути», а периферийный сценарий в их оценках занимает предпоследнее место.

Для *контроля результатов моделирования* реализуемости сценариев в прогнозе мы провели корреляционный анализ агрегированных безусловных и условных шансов событий, рассматривая шесть векторов, каждый из которых включает 45 элементов (по пять оценок для всех девяти проблем). Вектор безусловных оценок дает числовые характеристики прогноза, векторы условных оценок количественно описывают соответствующие базовые сценарии. Таким образом, коэффициенты попарной корреляции безусловных оценок с условными позволяют установить «силу притяжения» прогноза к тому или иному сценарию.

По оценкам обеих экспертных аудиторий (табл. 2), просматривается наиболее сильная корреляция прогнозируемого развития событий со сценариями «Ресурсная держава» ($\approx 0,8-0,9$) и «Свой путь» ($\approx 0,8-0,7$) в противоположность прозападному. При этом прогноз экспертов-«отцов» существенно коррелирует со сценариями «Лицом к Востоку» и «На периферии мира», что отличает его от прогноза «детей», который характеризуется сравнительно слабыми корреляциями с названными сценариями. Хорошо видно, что результаты корреляционного анализа агрегированных экспертных оценок перекликаются с результатами численного моделирования прогноза и подтверждают неслучайность последних.

Таблица 2. **Результаты попарного корреляционного анализа агрегированных безусловных и условных оценок, соответствующих базовым сценариям**

Оценка экспертов	«На пути в ОЭСР»	«Ресурсная держава»	«Лицом к Востоку»	«Свой путь»	«На периферии мира»
«Отцы»	-0,274	0,829	0,719	0,766	0,616
«Дети»	0,158	0,908	0,332	0,715	0,194

Фазовый портрет прогноза: куда мы движемся?

Применяемый метод моделирования позволяет строить мониторинг-прогноз, отражающий трансформацию экспертных представлений о будущем под влиянием текущих изменений в экономике. Происходящие изменения, фиксируемые экспертными оценками,

изображаются в виде траекторий в «фазовом экономическом пространстве»⁸.

Для этого необходимо редуцировать число параметров (безусловных и условных оценок шансов событий), характеризующих прогноз и базовые сценарии путем факторного анализа по методу главных компонент с получением двухфакторного представления. В результате образуется ортогональное фазовое пространство, или множество точек на координатной плоскости, которые могут отражать состояние экономической системы, т.е. прогноз, полученный на каждом этапе исследования. В фазовом пространстве фиксируемое состояние представляет собой точку-прогноз, задаваемую набором «фазовых координат» (факторных весов⁹, соответствующих каждому из шести векторов оценок). Динамика состояния прогнозируемой системы представляет собой траекторию движения точки-прогноза по фазовому пространству, образующую так называемый «фазовый портрет» [Полунин, 2009].

Содержательная интерпретация двух результирующих факторов проводится на основе анализа значений факторных нагрузок, который позволяет прийти к выводу, что смысловое значение осей фазового пространства в нашем случае может быть следующим: «Прагматизм» и «Администрирование» («Ручное управление»)¹⁰.

Под *прагматизмом* (в определенной степени – государственным) мы понимаем способность к рациональному целеполаганию и умение планировать и осуществлять действия, позволяющие рациональным образом приближаться к достижению поставленных целей, продиктованных национальными интересами и выгодами. Для исходных переменных (событий

⁸ Идеи и примеры такого динамического представления ситуации изложены в работе [Благовошенский и др., 2012] в рамках построения политических прогнозов.

⁹ Факторные веса рассчитываются по методу главных компонент. При проведении факторного анализа факторы определяются как стандартизованные показатели с нулевым средним и единичной дисперсией. Поэтому положительные факторные веса соответствуют тем наблюдениям, которые обладают степенью проявления свойств больше средней, а отрицательные – меньше средней [Зверев, 2003].

¹⁰ Интерпретацию полученных факторов проводят по значениям факторных нагрузок, т.е. значений коэффициентов корреляции каждой из исходных переменных (в нашем случае – оценок шести видов) с каждым из выявленных факторов. Чем теснее связь данной переменной с рассматриваемым фактором, тем выше значение факторной нагрузки. Для каждого фактора определяют набор исходных переменных, значения факторных нагрузок которых больше среднего. Рассматривая полученные наборы переменных, делают выводы относительно того, какое понятие обозначает конкретный фактор [Зверев, 2003].

из модельной конструкции), имеющих наибольшую смысловую близость с прагматизмом и фактически обосновывающих содержательную интерпретацию данного агрегатного фактора, характерны высокие значения коэффициентов корреляции, или факторных нагрузок (табл. 3). Решая задачу смысловой интерпретации агрегатных факторов, мы ориентировались на состав событий из модели, построенной на втором этапе исследования, из-за ее наибольшей представительности и широкого охвата проблем развития российской экономики (18 проблем с общим числом разрешающих событий, равным 90) [Карева, Шмат, 2015].

Таблица 3. Выборка из 10 событий в модели второго этапа, имеющих наиболее сильную корреляцию с агрегатным фактором «Прагматизм»

Событие	Факторная нагрузка
1. Селективная страновая политика, направленная на создание системы сдержек и противовесов для реализации собственных интересов (без серьезных уступок внешнеэкономическим партнерам) / Проблема «Внешнеэкономическая политика»	0,899
2. Быстрый рост отдельных сегментов обрабатывающего сектора по «сигналам» сырьевого сектора экономики (сильный ресурсный мультипликатор) / Проблема «Межотраслевая неравномерность в развитии экономики»	0,898
3. Основной акцент в решении проблемы делается на региональных программах социально-экономического развития / Проблема «Преодоление межрегионального неравенства в социально-экономическом развитии»	0,841
4. Интенсивное развитие на базе прямого государственного вмешательства и поддержки НИОКР с приоритетом крупных госкомпаний / Проблема «Научно-технологическое развитие»	0,820
5. Прагматичная политика централизации, основанная на жестком целеполагании и действенном контроле за использованием бюджетно-финансовых ресурсов. Приоритет задач развития по отношению к фискальным / Проблема «Бюджетно-финансовая и налоговая политика»	0,815
6. В целом позитивная динамика на рынке труда. Устойчивый рост занятости в приоритетных отраслях экономики и госструктурах. Подготовка (в т.ч. переквалификация) кадров на основе выверенных государственных программ и планов / Проблема «Занятость населения»	0,809
7. Умеренно жесткие бюджетные ограничения для науки и профессиональной подготовки экономистов. Прагматичные государственные планы научной деятельности и стандарты специального образования. Объективное неприятие фаворитизма / Проблема «Экономическая наука как основа экономической политики»	0,771
8. Формирование социальных систем, обеспечивающее нормальный уровень развития человеческого капитала в интересах бизнеса и государства / Проблема «Развитие человеческого капитала»	0,748
9. Институциональный прогресс на основе сильного государства, способного принимать и выполнять эффективные решения. На первом месте – подавление коррупции и усиление государственной дисциплины / Проблема «Институты социально-экономического развития»	0,723
10. Сравнительно устойчивое положение и существенные выгоды, достигаемые путем проведения агрессивной «маркетинговой» политики и географической диверсификации экспорта / Проблема «Россия на мировом энергетическом рынке»	0,616

Примечание: всего для 32 событий значения факторных нагрузок превышают 0,5.

Администрирование в качестве второго агрегатного фактора ассоциируется с приверженностью бюрократическим методам решения проблем, командным методам управления экономикой (что в какой-то степени неизбежно в любой сложной ситуации). В худшем случае администрирование выражается в поверхностной, инертной, реактивной политике при высоком уровне государственного вмешательства в экономику. В институциональной структуре преобладающую роль играют институты государственной власти, а институты общества и рынка занимают в большей или меньшей степени подчиненное положение. Означенная содержательная интерпретация данного фактора основывается на смысле релевантных ему событий из модельной конструкции второго этапа исследования (табл. 4).

«Рисуя» фазовый портрет, мы однозначно определяем координаты точек прогноза (по векторам безусловных оценок шансов событий), но сталкиваемся с определенными трудностями при попытках задать координаты для точек фазового пространства, соответствующих базовым сценариям, поскольку значения факторных весов изменяются на каждом этапе исследования. Как следствие, каждому базовому сценарию соответствует множество точек (по числу этапов), что требует их агрегации. Мы находим координаты центров тяжести для скоплений точек, относящихся к разным сценариям, что позволяет ориентировочно представить на графике направления движения в сторону того или иного из них.

Таблица 4. Выборка из 10 событий в модели второго этапа, имеющих наиболее сильную корреляцию с агрегатным фактором «Администрирование»

Событие	Факторная нагрузка
1. Формирование социальных систем, обеспечивающее минимально необходимый уровень развития человеческого капитала в интересах государства / Проблема «Развитие человеческого капитала»	0,949
2. Антикризисный план принес частичные результаты: спас от некоторых провалов, дал импульсы для некоторых направлений развития. Но нерешенные задачи еще долго «закуются» нашей экономике / Проблема «Антикризисный план и его влияние на перспективы развития экономики»	0,932
3. Прямое государственное вмешательство в экономику для проведения «решительной» политики, призванной укрепить и нарастить «мощь» страны / Проблема «Внутриэкономическая политика»	0,898
4. Преобладает программно-целевой подход к развитию регионов на федеральном уровне. Регионы – в роли объектов управления / Проблема «Преодоление межрегионального неравенства в социально-экономическом развитии»	0,888

Продолжение табл. 4

Событие	Факторная нагрузка
5. Санкции вынудили диверсифицировать импорт. При этом прежние источники заменяются более дорогими, что ведет к росту цен и снижению жизненного уровня населения. Как результат, вероятно значительное сокращение физического объема импорта / Проблема «Война санкций и ее последствия»	0,882
6. Дальнейший рост социально-экономического благополучия отдельных групп населения, причастных к распределению ренты / Проблема «Социально-экономическое благополучие населения»	0,841
7. Консервация сложившейся институциональной среды или ее вялый прогресс без выраженных приоритетов / Проблема «Институты социально-экономического развития»	0,806
8. Консервативная, осторожная политика. Задачи развития экономики находятся на втором плане; на первом – фискальные и задачи формирования финансовых резервов «на черный день» / Проблема «Бюджетно-финансовая и налоговая политика»	0,772
9. «Вялое» развитие финансового сектора. Его модернизация носит вынужденный характер и обусловлена: (1) стремлением к самосохранению; (2) государственными планами инвестирования в приоритетные отрасли экономики / Проблема «Рынок капитала»	0,758
10. Жесткие бюджетные ограничения для науки и профподготовки. Очевидное преобладание формально-бюрократических подходов к планированию научной деятельности и стандартизации образования. Усиление фаворитизма и схоластицизма / Проблема «Экономическая наука как основа экономической политики»	0,734

Примечание: всего для 26 событий значения факторных нагрузок превышают 0,5.

Фазовый портрет прогноза, с одной стороны, хорошо иллюстрирует отмеченную выше волнообразную динамику прогнозных экспертных представлений, а с другой – иллюстрирует вероятное направление движения в будущее. В частности, по оценке 2017 г. это направление лежит между сценариями «Ресурсная держава» и «Свой путь» и удаляется от периферийного и прозападного сценариев, но при этом общая траектория, рисующая фазовый портрет прогноза, выглядит неустойчивой (рис. 3).

Рис. 3. Фазовый портрет прогноза российской экономики по оценкам экспертов-«отцов»

Центры тяжести для сценариев «Ресурсная держава», «Свой путь» и «Лицом к Востоку» находятся в квадранте координатной плоскости с положительными значениями обоих агрегатных факторов. Поэтому с формальной точки зрения конкретная направленность вектора движения в будущее, если он находится в данном квадранте, зависит от соотношения между степенями прагматизма и администрирования.

Весьма любопытным представляется взаимное расположение центров тяжести для прозападного и периферийного сценариев – в области отрицательных значений по оси «Администрирование», но почти в зеркальном отражении друг к другу по оси «Прагматизм». На наш взгляд, это характеризует риск, связанный с возможным движением по вектору «На пути в ОЭСР» – в случае неудачи скатиться к мировой периферии. Причем этот риск не является чисто гипотетическим. Не такая уж давняя история России 1990-х, отмеченная попыткой совершить «прыжок» из плановой экономики в либерально-рыночную с помощью «шоковой терапии», свидетельствует, что мы попросту лишились значительной части производственного аппарата (вместо его модернизации). Спасти от падения в пропасть мировой периферии удалось лишь благодаря некоторому усилению прагматичного государственного администрирования.

Кратко подводя итоги

В итоге проведения четырех этапов исследования начал выстраиваться мониторинг-прогноз, о котором в 2014 г., начиная работу, мы могли лишь мечтать. Сегодня, на наш субъективный взгляд, вырисовываются достаточно содержательные и любопытные результаты. Впрочем, вынесение окончательного вердикта остается за читателем и многоуважаемыми экспертами, чьи мнения и оценки послужили основой для построения прогнозов в данной работе.

Результаты прогнозного оценивания показывают, что ресурсный сценарий утрачивает доверие экспертов. Они все больше склоняются к мнению, что Россия станет двигаться в будущее своим путем. Мы полагаем, что это не только предвидение экспертов, но и отражение сегодняшних реалий, говорящих о том, что Россия, пусть еще робко, через многочисленные ошибки,

но пытается встать на собственный путь развития. Так ли это на самом деле, покажет время.

Возможно, в нынешнем результате проецируется специфика проблемы регионального развития – масштабной и значимой для нашей страны, но не столь уж острой и запущенной по сравнению с рассмотренной ранее проблемой преодоления кризисных тенденций в экономике. Межрегиональное неравенство, наличие депрессивных и отсталых территорий, сложные взаимоотношения с центром – эти и многие иные проблемы – свойственны не только России, но и развитым западным странам, что делает прогнозную оценку сравнительно благоприятной.

В попытке «нарисовать» объективную картину будущего на следующем этапе выстраивания мониторинг-прогноза мы планируем обратиться к социальной проблематике (макропроблеме «Социальное развитие») и надеемся – с помощью наших многоуважаемых экспертов – получить новые интересные результаты.

Приложение

*Проблема 1. Региональная политика: цели, задачи, реальное содержание*¹¹

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
1.1. Твердая и ясная сбалансированная политика, которая способствует созданию условий, необходимых для успешного саморазвития каждого российского региона. Объективно учитывает региональные различия, способствует достижению разумных компромиссов между федеральными и региональными приоритетами. Реальное содержание политики соответствует заявленным целям по рациональному размещению производительных сил и равномерному росту уровня жизни населения	8,5	29,5	12,8	15,0	15,1	7,8
1.2. Преимущественно стимулирующая политика, нацеленная на создание условий для регионального роста. Вопросам непосредственного выравнивания уровня жизни отводится второстепенное значение. Реализация политики во многом опосредуется деятельностью крупных федеральных корпораций и финансовых институтов, которым отводится роль ведущих инвесторов	21,5	22,4	23,4	24,9	18,0	10,0

¹¹ В таблицах с характеристиками проблемных ситуаций в столбце P приводятся обобщенные значения безусловных шансов событий (%), а в столбцах A1, A2, A3, A4, A5 – обобщенные оценки условных шансов событий по сценариям (%) аудитории экспертов-«отцов».

Продолжение табл. 1

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
1.3. Преимущественно компенсирующая политика, направленная на выравнивание текущих социально-экономических показателей разных регионов страны, но не создающая достаточных стимулов для развития в перспективе. Реализация данной политики связана с решением сложных задач по объективному выявлению нуждающихся и справедливому распределению помощи в условиях активного лоббирования регионами своих интересов	23,6	20,7	23,1	24,6	26,7	19,2
1.4. Фактическое содержание региональной политики сводится к обеспечению территориальной целостности страны. Доминирующую роль в такой политике играет федеральный центр, рассматривающий регионы скорее как «непослушных детей», которые норовят разбежаться, нежели как равноправных партнеров. Инструментарная база реализации политики строится по принципу «кнута и «пряника»	26,9	15,4	26,2	23,8	22,7	32,3
1.5. Слабая, фактически декларативная политика, скрывающая отсутствие устойчивого понимания роли регионов в экономическом развитии страны и того, как должны формироваться взаимоотношения между центром и регионами. На практике наблюдается «метание» между целями, теми или иными политическими установками. Фактически можно говорить об отсутствии какой-либо политики	19,4	12,1	14,5	11,7	17,6	30,8

Проблема 2. Центр и регионы: распределение компетенций, полномочий и ответственности (федерализм по-русски)

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
2.1. Устойчивое сбалансированное распределение политико-регуляторных функций между уровнями государственного управления. Последовательно соблюдается принцип, согласно которому не должно быть нефинансируемых мандатов (полномочий, не подкрепленных деньгами для их реализации). В основе чего – справедливое (объективно обоснованное) распределение налоговых платежей между федеральным и региональными бюджетами	10,5	30,5	15,8	15,7	17,0	8,1
2.2. Поиск сбалансированного распределения политико-регуляторных функций между уровнями государственного управления, который происходит в рамках правового (конституционного) поля. Это сложный, трудный процесс, порой сопровождающийся ошибками, но у сторон хватает терпения и политической воли, чтобы не форсировать его в ущерб достижению разумных компромиссов	15,5	25,4	20,0	20,6	20,7	9,9
2.3. Распределение компетенций происходит согласно известной поговорке: «Прав тот, у кого больше прав». Имеет место сильная институциональная конкуренция между уровнями государственной власти за полномочия и подкрепляющую их финансовую базу. В этой борьбе порой достигается неустойчивое регуляторное равновесие, которое то и дело сменяется фазами обострения с перевесом то одной, то другой из сторон	32,6	22,7	28,5	26,8	28,1	25,3

Продолжение табл. 2

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
2.4. Имеет место не вполне легитимное регуляторное засилье центра. Федеративное по названию государство фактически является унитарным. Регионы обычно выступают в роли просителей и получают не столько полномочия (финансируемые мандаты), сколько разного рода поблажки и подачки (дотации). Лишь небольшое число привилегированных территорий могут рассчитывать на самостоятельность, которая ассоциируется с федерализмом	30,5	13,5	23,9	24,0	21,8	28,7
2.5. Нелегитимное самоуправство регионов при слабом влиянии центра на экономико-политические процессы, происходящие в стране. За центром сохраняются только реальные компетенции по обеспечению обороноспособности. Федерация фактически трансформируется в конфедерацию, а наиболее сильные и богатые регионы по сути превращаются в почти независимые государства	10,8	7,9	11,8	12,9	12,5	28,1

Проблема 3. Институты регионального развития, создание и поддержание «точек» и «драйверов» роста

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
3.1. Совместными усилиями центра и регионов (при активной общественной поддержке) формируется комплексная система институтов, функционирование которой нацелено на реализацию целостной стратегии пространственного развития. Значимую роль в данном процессе играют невластные структуры: бизнес, наука, образование	10,5	28,1	14,6	15,9	16,8	8,4
3.2. Доминанта проектного подхода и задач экономического роста. Регионы прежде всего стремятся к созданию и использованию конкурентных преимуществ для привлечения инвестиций, видя в этом залог успешного социально-экономического развития	19,2	23,3	20,0	22,4	19,3	12,1
3.3. Центр играет директивно-руководящую роль в формировании и функционировании институтов регионального развития. Новые «точки роста» создаются в рамках программно-целевых мероприятий, реализуемых для достижения общенациональных целей. Выигрывают регионы, оказавшиеся в сфере стратегических интересов центра; остальные развиваются по инерции	25,8	23,4	27,4	28,0	29,0	27,0
3.4. В формировании институциональной среды регионального развития акцент делается на выравнивании социально-экономического положения регионов. Главная задача – поддержание отстающих и их опережающий рост. Приоритет получают направления развития, которые обеспечивают хорошую статистику экономического роста	23,8	17,6	22,5	17,6	17,5	20,8
3.5. Фактическое отсутствие обоснованной стратегии пространственного развития страны. Решение задач по формированию институтов регионального развития отдано на откуп самим регионам, а центр остается в роли наблюдателя и (в лучшем случае) арбитра. При этом региональный выбор, как правило, оказывается под сильным влиянием корпораций-инвесторов	20,7	7,6	15,5	16,1	17,4	31,6

**Проблема 4. Межрегиональная дифференциация
в социально-экономическом развитии**

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
4.1. Межрегиональные разрывы довольно быстро и уверенно сокращаются (благодаря собственным усилиям регионов и продуманной политике центра, стимулирующей рост и формирующей возможности для дальнейшего самостоятельного развития). Наблюдается радикальное улучшение качественных и количественных параметров социально-экономического развития отстающих регионов	6,7	26,4	12,9	12,1	16,5	7,9
4.2. Дифференциация медленно сокращается. Поддержка центром отстающих регионов носит в основном компенсирующий характер и оказывается явно недостаточной для ускорения социально-экономического развития. Качественные различия сохраняются. Отстающие регионы ориентируются на традиционно индустриальный путь развития и освоение имеющегося природно-ресурсного потенциала. Возможности для развития по инновационному типу ограничены	18,6	27,5	23,6	25,0	20,2	10,6
4.3. Уровень межрегиональной дифференциации практически не меняется. Основная причина в том, что усилия центра недостаточны для решения проблемы, а регионы занимают слишком пассивную позицию, главным образом полагаясь на поддержку со стороны центра. Число депрессивных регионов не увеличивается, хотя и новые лидеры не появляются	30,8	21,5	27,4	26,0	28,7	24,4
4.4. Межрегиональная дифференциация усиливается в качественном отношении. Опережающее развитие депрессивных (отсталых) регионов происходит в рамках традиционной экономики, тогда как более преуспевающие регионы в основном ориентируются на постиндустриальную модель развития	24,0	16,1	22,2	20,3	17,6	26,6
4.5. Межрегиональная дифференциация усиливается в качественном и количественном отношении. Богатые регионы становятся еще богаче, а бедные на их фоне – еще беднее. Число богатых преуспевающих регионов сокращается, при этом появляются новые бедные из числа бывших середняков. Бедным регионам трудно рассчитывать на внешнюю помощь, а собственные возможности развития крайне ограничены или даже сужаются с течением времени	19,9	8,5	13,9	16,5	17,1	30,5

**Проблема 5. Межрегиональное взаимодействие,
экономический обмен, интеграция**

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
5.1. Широкая и глубокая интеграция. Подлинное единое социально-экономическое пространство страны, в котором все регионы взаимосвязаны друг с другом. Отношения между регионами носят «семейный» характер, когда каждый чувствует ответственность за другого	5,1	26,6	13,1	14,9	14,7	5,4

Продолжение табл. 5

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
5.2. Межрегиональные взаимодействия развиваются преимущественно по соседскому принципу в границах макрорегионов. Основные предпосылки такого сотрудничества: территориальная близость, сходные природно-климатические и экономико-географические условия, общность социально-экономических проблем	22,3	25,1	24,1	20,8	19,5	14,7
5.3. В основе регионального сотрудничества лежат сугубо прагматические мотивы, соображения собственной хозяйственной выгоды. Таким образом складываются устойчивые коалиции сильных игроков и группы аутсайдеров. Перед регионами постоянно стоит непростой выбор между сотрудничеством и конкуренцией	31,3	22,3	27,1	27,5	27,6	23,7
5.4. Межрегиональное сотрудничество развивается главным образом в культурной, научно-образовательной, социальной сферах. Экономические взаимосвязи между регионами в основном обусловлены внешними факторами – федеральными программами, планами и деятельностью крупных корпораций. Конкурентные отношения преобладают над стремлением к сотрудничеству	23,7	15,8	22,7	20,9	21,7	25,4
5.5. Довольно слабые хозяйственные взаимосвязи между регионами (особенно удаленными друг от друга), сильная межрегиональная конкуренция за привлечение инвесторов, приоритет внешнеэкономических связей со стремлением наращивать экспорт в противовес внутреннему рынку	17,5	10,2	13,0	16,0	16,5	30,8

Проблема 6. Корпоративный фактор в региональном развитии

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
6.1. Деятельность крупных экстерриториальных (федеральных) компаний оказывает мощное стимулирующее воздействие на социально-экономическое развитие регионов. С высокой интенсивностью реализуются бюджетно-финансовые и локализационные эффекты (т.е. через инвестиции и формирование активного спроса на местные товары и услуги). Корпорации достойно играют роль рыночных координаторов и «локомотивов роста» в региональной экономике	8,9	27,4	15,5	16,5	14,9	7,9
6.2. Регионы представляют интерес для корпораций главным образом как рынки сбыта. Но при этом корпорации играют роль эффективных финансовых доноров, обеспечивая значительные налоговые поступления в бюджеты территорий. Локализационные эффекты реализуются слабо. В диалоге с регионами компании занимают жестко прагматичную позицию, настаивая главным образом на своих интересах	17,9	25,7	23,2	22,9	21,7	15,2
6.3. Главный акцент во взаимодействии регионов и корпораций делается на локализации корпоративного спроса, поскольку при сложившейся системе налоговых и бюджетно-финансовых отношений и централизованной структуре компаний основная масса налоговых платежей уходит в федеральный бюджет. Компании демонстрируют понимание к интересам регионов и в основном стараются наладить конструктивное сотрудничество	23,2	21,3	24,5	25,4	25,8	18,5

Продолжение табл. 6

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
6.4. Корпорации оказывают вынужденное стимулирующее воздействие на социально-экономическое развитие регионов под нажимом властей или под влиянием обстоятельств. Идет бесконечный торг корпораций с регионами по поводу льгот и преференций в обмен на лояльность по отношению к региональным интересам. Корпорации всячески стараются увильнуть от исполнения своих обязательств	30,1	17,7	22,3	21,3	22,8	26,9
6.5. Корпорации в регионах ведут себя фактически как колонизаторы на завоеванных территориях. Выполняются лишь минимальные обязательства по уплате налогов и т.п., обусловленные федеральным законодательством. При этом компании проводят активную налоговую оптимизацию, которая обычно ведет к сжатию базы обложения по платежам в бюджеты территорий	19,9	7,9	14,4	13,9	14,8	31,4

Проблема 7. Развитие регионов Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
7.1. Опережающее социально-экономическое развитие, благодаря созданию на востоке страны (от Урала и далее) наиболее благоприятных условий для жизни населения и конкурентных преимуществ для бизнеса, что обеспечивается широкими полномочиями региональных властей и взаимным доверием между центром и регионами	6,1	24,5	16,4	17,0	17,0	7,7
7.2. Опережающее развитие (интеграционного характера) в рамках программно-целевого подхода, опирающегося прежде всего на сильную политическую волю центра и понимание угроз территориальной целостности страны в случае чрезмерной межрегиональной дифференциации и хозяйственного обособления восточных территорий	16,5	25,1	21,8	24,4	20,7	11,3
7.3. Вынужденное донорство, которое в целом неплохо оплачивается центром (правительством, корпорациями), что дает возможность поддерживать сравнительно неплохой темп роста и не отставать от других регионов страны. Темпы и характер развития таковы, что не позволяют повысить привлекательность восточных регионов для жизни людей	30,6	22,7	26,6	24,1	24,7	21,4
7.4. Очаговое развитие территорий, богатых высоколиквидными природными ресурсами, которые осваиваются в интересах центра. Сравнительно слабые импульсы, издаваемые точками роста, распространяются на другие территории, не позволяя им скатываться ниже критической черты в уровне социально-экономического благополучия	32,0	18,4	24,2	21,8	21,8	29,5
7.5. Общая деградация экономики и социальной сферы, изолированные очаги благополучия сохраняются только на территориях, способных давать высоколиквидное сырье и генерировать доходы, большей частью централизуемые на федеральном уровне. Усиливающийся отток населения, прежде всего – молодежи	14,9	9,2	11,0	12,6	15,8	30,0

Проблема 8. Развитие северных регионов

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
8.1. Экономико-экологический путь развития с интенсивным освоением ресурсного потенциала и пристальным вниманием к вопросам экологии и социального развития регионов. В планах по освоению территорий на первом месте – люди, живущие на Севере, с их многообразными интересами и проблемами	5,4	23,8	13,9	13,7	17,6	10,8
8.2. Экологический путь, акцент на сохранение природного равновесия, ограниченное освоение ресурсов. В условиях слабой активности в ресурсном секторе – акцент на развитии «зеленой» экономики при социальной поддержке центром отстающих регионов. Повышенное внимание к проблеме коренных малочисленных народов Севера	13,6	24,2	17,3	19,1	16,8	12,8
8.3. Север признается стратегически важной областью, которой уделяется особое внимание со стороны центра. Приоритет федеральных планов по освоению северных территорий в интересах национальной экономики и безопасности. В решении задач развития преобладает экстерриториальный, а не региональный подход	32,2	25,9	28,2	29,9	29,3	20,4
8.4. Инерционный путь развития с обилием декларируемых приоритетов и планов, которые в большинстве своем так и остаются на бумаге. Существующие проблемы консервируются, их действительное решение постоянно откладывается. Север остается периферией, мало приспособленной для жизни людей	37,6	16,0	26,2	23,5	23,0	28,0
8.5. Центр поворачивается спиной к проблеме освоения северных территорий, считая это дело бесперспективным. Социально-экономическая деградация северных территорий, спасение от которой может прийти в виде иностранной хозяйственной экспансии	11,3	10,2	14,4	13,9	13,3	27,9

Проблема 9. Развитие «центровых» регионов и крупнейших агломераций

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
9.1. Позитивная роль центров (столичных регионов, крупных агломераций) согласно теории. Центры интенсивно распространяют импульсы экономического роста и социального развития, делясь с периферией инновациями, аккумулированными инвестиционными ресурсами, высокоразвитым человеческим капиталом	9,5	27,6	14,8	17,0	15,6	10,7
9.2. Более-менее сбалансированный обмен между центрами и периферией. В обмен на первичные доходы, извлекаемые из периферийных территорий, ресурсы и рабочую силу, центры дают импульсы, позволяющие периферии хотя бы не увеличивать отставание в своем развитии	16,0	29,3	19,9	21,2	18,3	9,6
9.3. Центры мало что дают для развития периферийных регионов, но последним удается поддерживать рост путем концентрации собственных усилий и возможностей. Таким образом, сложившийся дисбаланс во взаимодействии между центрами и периферией, по крайней мере, не нарастает	24,8	21,9	23,5	25,0	25,1	21,9

Продолжение табл. 9

Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
9.4. Центры вроде бы генерируют импульсы для развития периферийных территорий, но либо эти импульсы слишком слабы, либо периферийные регионы оказываются не в состоянии их воспринять. Сложившийся дисбаланс во взаимодействии между центрами и периферией сохраняется или даже усиливается	27,2	12,4	21,1	18,5	21,1	27,0
9.5. Центры развиваются опережающими темпами, усиленно «вытягивая соки» из периферии. Как следствие, усиливается дифференциация в развитии и дисбаланс во взаимодействии между центрами и периферией	22,6	8,8	20,6	18,4	20,0	30,8

Литература

Благовещенский Ю. Н., Кречетова М. Ю., Сатаров Г. А. Экспертно-статистический байесовский подход к сценарному политическому прогнозированию // Полис. 2012. № 4. С. 74–96.

Благовещенский Ю. Н., Кречетова М. Ю., Сатаров Г. А. Сценарное прогнозирование политической ситуации в России – 2012. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2012. 52 с.

Зверев Д. М. Сегментация покупателей. Практика использования факторного анализа данных // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2003. № 2. С. 30–40.

Карева Д. Е., Шмат В. В. Будущее российской экономики глазами «отцов» и «детей» // ЭКО. 2014. № 9. С. 86–106.

Карева Д. Е., Шмат В. В. Будущее российской экономики глазами «отцов» и «детей». Взгляд второй // ЭКО. 2015. № 12. С. 45–65.

Михайловская Д. С., Трочинская Д. А., Шмат В. В. Будущее российской экономики глазами «отцов» и «детей». Взгляд третий // ЭКО. 2017. № 2. С. 36–62.

Найт Ф. Понятия риска и неопределенности // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 12–28.

Павлов А. Н., Соколов Б. В. Методы обработки экспертной информации. СПб.: Санкт-Петербургская государственная академия аэрокосмического приборостроения, 2015. 42 с.

Пирогов Н. И. Вопросы жизни // Избр. педагогические соч. М.: Педагогика, 1985. С. 43.

Полунин Ю. А., Тимофеев И. Н. Нелинейные политические процессы. М.: МГИМО, 2009. 204 с. URL: http://mgimo.ru/library/publications/126379/?sphrase_id=1712768 (дата обращения: 18.02.2018).

Прокопенко Л. К. Сравнительный анализ неравенства проблемных регионов // Новая наука: теоретический и практический взгляд. Стерлитамак: АМИ, 2016. № 9. С. 207–214.

Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий / Пер. с англ. М.: Радио и связь, 1993. 278 с.

Сидоренко О. В., Пицук И. Л. Типология проблемных регионов в Российской Федерации // Управление экономическими системами: электронный

научный журнал. 2014. № 5. URL: <http://uecs.ru/regionalnaya-ekonomika/item/2903-2014-05-13-06-18-24> (дата обращения: 01.02.2018).

Столбов М. Фундаментальная неопределенность. М.: МГИМО, 2011. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/216219/> (дата обращения: 18.02.2018).

Stangl A. European Data Watch: Ifo World Economic Survey Micro Data // Journal of Applied Social Science Studies. 2007. Vol. 127 (Is. 3). Pp. 487–496.

Статья поступила 26.02.2018.

Summary

Mikhailovskaya D.S., Novosibirsk State University, Novosibirsk

Shmat V.V., Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; Novosibirsk State University

The Future of the Russian Economy in the Eyes of “Fathers” and “Sons”. The Fourth Sight

This article presents the results of the fourth step of the scenario forecast of Russian economy development with the use of expert-statistical Bayesian method, which was designed for conditions of fundamental uncertainty. Several steps of research give us an opportunity to monitor modifications in expert's opinions about a future of the economy according to current changes. Bayesian method also enable us to estimate scenarios' chances from the different points of view, to make an accent on different problems. At this stage, the model was based on a regional problematic in Russia. Numerical modeling shows us a tendency to a more pragmatic and administrative way of the economy development.

Scenario forecast; economy modeling; expert-statistical Bayesian method; factor analysis; phase space; phase portrait; monitoring-forecast; uncertainty; Russian economy; resource dependency; region, interregional differentiation; regional policy

References

Blagoveshchensky Yu.N., Krechetova M. Yu., Satarov G.A. (2012) Expert-statistical, bayesian approach to political prognostication scenarios. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]*. No. 4. Pp. 74–96. (In Russ.)

Blagoveshchensky Yu.N., Krechetova M. Yu., Satarov G.A. (2012) Stsenarnoye prognozirovaniye politicheskoy situatsii v Rossii. Moscow, Fond «Liberal'naya missiya». 52 p. (In Russ.)

Zverev D.M. (2003) Segmentatsiya pokupateley. Praktika ispol'zovaniya faktornogo analiza dannykh. *Marketingovyye i marketingovyye issledovaniya*. No. 2. Pp. 30–40. (In Russ.)

Kareva D.E., Shmat V.V. (2014) Budushcheye rossiyskoy ekonomiki glazami «ottsov» i «detey». *ECO. [ECO]*. No. 9. Pp. 86–106. (In Russ.)

Kareva D.E., Shmat V.V. (2015) Budushcheye rossiyskoy ekonomiki glazami «ottsov» i «detey». *Vzglyad vtoroy. ECO. [ECO]*. No. 12. Pp. 45–65. (In Russ.)

Mikhaylovskaya D.S., Trochinskaya D.A., Shmat V.V. (2017) Budushcheye rossiyskoy ekonomiki glazami «ottsov» i «detey». *Vzglyad tretyy. ECO. [ECO]*. No. 2. Pp. 36–62. (In Russ.)

Knight F. (1994) The meaning of risk and uncertainty. *THESIS*. No. 5. Pp. 12–28.

Pavlov A. N., Sokolov B. V. (2015) *Metody obrabotki ekspertnoy informatsii*. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation. 42 p. (In Russ.)

Pirogov N. I. (1985) *Voprosy zhizni. Izbrannyye pedagogicheskiye sochineniya* Moscow, Pedagogika Rubl. 43 p. (In Russ.)

Polunin Yu. A., Timofeyev I. N. (2009) *Nelineynyye politicheskiye protsessy*. Moscow, MGIMO, 204 p. (In Russ.) Available at: http://mgimo.ru/library/publications/126379/?sphrase_id=1712768 (accessed: 18.02.2018).

Prokopenko L. K. (2016) *Sravnitel'nyy analiz neravenstva problemnykh regionov. Novaya nauka: teoreticheskiy i prakticheskiy vzglyad. Sterlitamak: AMI*. No. 9. Pp. 207–214. (In Russ.)

Saaty T. (1980) *The Analytic Hierarchy Process: Planning, Priority Setting, Resource Allocation*. New York, McGraw-Hill, xii + 287 p.

Sidorenko O. V., Pitsyuk I. L. (2014) Typology of problem regions in the Russian Federation. *Upravleniye ekonomicheskimi sistemami: elektronnyy nauchnyy zhurnal [Management of economic systems: scientific electronic journal]*. No. 5. (In Russ.) Available at: <http://uecs.ru/regionalnaya-ekonomika/item/2903-2014-05-13-06-18-24> (accessed: 01.02.2018).

Stolbov M. (2011) *Fundamental'naya neopredelennost'*. Moscow, MGIMO. (In Russ.) Available at: <https://mgimo.ru/about/news/experts/216219/> (accessed: 18.02.2018).

Stangl A. (2007) European Data Watch: Ifo World Economic Survey Micro Data. *Journal of Applied Social Science Studies*. Vol. 127 (Is. 3). Pp. 487–496.

Возможно ли в России неоиндустриальное импортозамещение?

С.А. ЖИРОНКИН, доктор экономических наук. E-mail: zhironkin@inbox.ru

М.А. ГАСАНОВ, доктор экономических наук. E-mail: maq@tpu.ru

К.А. КОЛОТОВ, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск. E-mail: 594950@bk.ru

В статье обоснована необходимость выхода российской экономики на путь неоиндустриального развития, драйвером которого должно стать импортозамещение. Рассмотрена его типология и показана роль государства в обеспечении выхода из институциональных ловушек неоиндустриального импортозамещения. На примере анализа проблемы импортозависимости базовых отраслей промышленного региона (Кемеровская область) даны рекомендации по развитию машиностроения как отрасли, импортозамещение в которой способно ускорить воссоздание конкурентоспособного обрабатывающего сектора экономики на новой технологической основе, с опорой на потенциал добывающего комплекса. *Ключевые слова:* неоиндустриализация, деиндустриализация, импортозависимость, импортозамещение, машиностроение, Кузбасс

Сегодня в экономике развитых стран идут структурные трансформации, связанные с развертыванием ультрасовременной технологической базы промышленности. «Новая индустриализация» в США, Великобритании, Германии, Франции, Японии приняла форму подготовки самых высокотехнологичных звеньев глобальных производственных цепочек к грядущей цифровизации, экспансии нейронных сетей, NBIC-конвергенции. В результате технологии 3D-печати, «Интернета вещей», облачных вычислений, биохимии и биомеханики активно проникают в базовые отрасли – машиностроение и приборостроение, энергетику, строительство, химию полимеров и топлива. Все это говорит о переходе лидирующих стран к тренду импортозамещения – возрождению базовых отраслей национальной промышленности на новой технологической основе, предпосылки которого заметны, например, в США, ранее экспортировавших продукцию обрабатывающих производств («программа Д. Трампа») [Грозовский, 2017], а также странах, планирующих создание их на базе сырьевого сектора¹.

¹ Видение Саудовской Аравии. Официальный сайт «Сауди Пресс Эйдженси». URL: <http://www.spa.gov.sa/galupload/ads/vision-2030-ru.pdf> (дата обращения: 01.03.2017).

На этом фоне экономика России обнаружила неспособность восстановить ту технологическую идентичность, которая досталась ей в наследство от СССР. Результатом рыночных реформ стала деиндустриализация – «сжатие» промышленности и сокращение удельного веса обрабатывающего сектора. Критический уровень (более 50%) импорта продукции четвертого и пятого технологических укладов (радиоэлектроника, химия полимеров, приборо-, автомобиле-, самолетостроение, фармацевтика, программирование и пр.) создает барьер для выхода на траекторию стабильного экономического роста. Поэтому любые попытки инициировать импортозамещение в отраслях промышленности, где технологические цепочки длиннее, чем в сельском хозяйстве, в котором в 2014–2016 гг. наблюдался «бум» отечественного производства, обречены на неудачу.

Импортозамещение: автаркия или неиндустриализация?

Какое влияние деиндустриализация российской экономики оказывает на рост ее импортозависимости? Сопоставим динамику этих процессов за два последних десятилетия.

Технологическая примитивизация российской промышленности лишила значительную ее часть не только международную, но и внутренней конкурентоспособности. В частности, за 1994–2014 гг. доля отраслей пятого технологического уклада в России сократилась с 20% до 10% ВВП (в США – выросла с 50% до 60%), четвертого (машиностроение, приборостроение, органическая химия и пр.) – с 60 до 50%, шестого – не превысила 0,5% (в США достигла 6%). При этом доля третьего технологического уклада (добывающие отрасли, металлургия, строительство мегаполисов, доминировавшие в передовых странах во второй половине XIX в.) в России выросла с 20 до 30% от ВВП, в США – составила менее 10% (расчет авторов по данным Федеральной службы государственной статистики)².

Негативные структурные сдвиги в инновационно-технологической сфере отбросили Россию на позиции СССР 1950-х гг. К началу 2010 г. на долю России приходилось лишь 2,2% новых

² Федеральная служба государственной статистики. Раздел «Программа международных сопоставлений». URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/icstatistics/program_of_comparisons/ (дата обращения: 01.03.2017).

мировых исследований, а в инновационную деятельность были вовлечены только 6% научных организаций (в США – 75%). Менее 1% крупных российских компаний занимаются НИОКР (в США – 65%). В результате конкурентоспособность российской экономики на мировом рынке с 1998 г. снизилась к 2010 г. в четыре раза, а выпуск отраслей шестого технологического уклада в 2012 г. составил 1,5 млрд долл. (в Южной Корее, например, – 350 млрд долл.) [Глазьев, 2012. С. 5].

При этом за 1998–2015 гг. импортозависимость российской экономики выросла с 7,1% до 14,9%. Доля импорта в станкостроении достигла 60%, в тяжелом машиностроении – 45%, в легкой промышленности – 40%, в радиоэлектронике – 58%, в фармацевтической и медицинской отраслях – 65%. Зависимость от ввоза транспортных средств выросла с 11,8 до 42,9% (расчеты авторов по данным Федеральной службы государственной статистики³). А в целом на нужды промышленности приходится 84% материального импорта. Рост импортозависимости наблюдается не только в обрабатывающих, но и в добывающих отраслях (за 2000–2014 гг. – с 4,0 до 6,9%).

Из-за неинновационного развития российской экономики «цепь импортозависимости» берет начало в выпуске средств производства в базовых отраслях (четвертый технологический уклад), которые зависят от импорта в среднем на 60%, отрасли пятого уклада – на 70%, шестого – на все 100%.

Импортозависимость фиксируется не только в реальном секторе – с 2014 г. невозможность импорта капитала с международного финансового рынка лишает Россию 40 млрд долл. ежегодно (до 16% от совокупных инвестиций в основной капитал), альтернативы которым национальный рынок капитала предоставить не может.

Зарубежные исследования показали, что протекционизм без стимулирования инновационного развития промышленности ведет к долгосрочному снижению национальной конкурентоспособности и росту импортозависимости, тогда как повышение производительности в базовых экспортоориентированных отраслях за счёт импортозамещения позволяет сформировать тренд

³ Федеральная служба государственной статистики. Раздел «Национальные счета». URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/ (дата обращения: 01.03.2017).

самоподдерживающегося роста [Пребиш, 1992. С. 88]. А переход к экспорту продукции обрабатывающих отраслей невозможен без инновационного развития производств для внутреннего рынка. Эти теории нашли подтверждение в процессе промышленного развития Аргентины в 1970–1980-х гг., Южной Кореи 1990-х и Китая 2000-х гг., где рост государственно-частных инвестиций в образование и инновации способствовал смене технологических укладов и спилловер-эффекту – переходу от роста внутренней конкурентоспособности к международной [Линдерт, 1992. С. 62].

Таким образом, импортозамещение следует трактовать как ключ к восстановлению на новой технологической основе обрабатывающих отраслей, ориентированных на внутренний рынок. Однако цепная форма импортозависимости российской экономики, недостаточно развитые институты и неблагоприятный макроэкономический фон делают конечный результат этого процесса инвариантным – от автаркического до неоиндустриального.

Автаркическое импортозамещение, реализованное в СССР, означает отказ от интеграции в глобальные технологические цепочки и попытку частично воссоздать их внутри страны, отстранение от участия в международном движении капитала и трансфере инноваций.

Низкая эффективность такой модели подтверждается невыполнением пятилетних планов в послевоенный период. С начала десятой пятилетки (1976–1980 гг.) наметились старение материальной базы промышленности и технологическое отставание в электронике и наукоёмком производстве от ведущих стран мира, рост военных расходов и теневой сферы народного хозяйства. Все это привело к росту импортозависимости российской экономики к началу реформ. Следовательно, автаркическое импортозамещение не может выступать целью структурных преобразований.

Догоняющее импортозамещение – результат строительства в России с конца 1990-х гг. сборочных предприятий крупнейших мировых автомобилестроительных, радиоэлектронных, химических, пищевых корпораций. Несмотря на то, что к концу 2000-х гг. эти отрасли обеспечивали до 40% внутреннего спроса на промышленную продукцию, технологическое отставание всего обрабатывающего комплекса, равно как и зависимость государственных финансов от добычи и экспорта сырья, только

усилились. В результате российская промышленность стала полностью зависимой от импорта современного оборудования.

Неоиндустриальное импортозамещение – разворачивание в экономике России элементов глобальных цепочек производства в процессе технологической модернизации обрабатывающих отраслей, ориентированных на внутренний рынок. Приоритетной сферой должен стать выпуск средств производства, востребованных базовыми отраслями российской промышленности.

Для восстановления обрабатывающей промышленности на новой технологической основе и насыщения внутреннего рынка требуются, с одной стороны, импорт технологий, с другой – значительные инвестиции. Однако замедление роста прямых инвестиций в 2013 г. (88% от уровня 2010 г.), международные санкции и экономическая рецессия 2015 г. (с сокращением ВВП на 3,7%) привели к 30-кратному спаду прямых иностранных инвестиций (3,6 млрд долл. в 2014 г. против 116,2 млрд долл. в 2010 г., по данным ФСГС). Для неоиндустриального импортозамещения необходимо технологическое сотрудничество российских и зарубежных компаний. Сохранение накопленного в России потенциала прикладной науки и его применение требуют вертикальной интеграции производителей ресурсов, промежуточных и готового продуктов, организаций НИОКР, финансовых компаний и банков.

С этой целью неоиндустриальное импортозамещение должно быть опосредовано развитием новых видов экономических связей:

- *b2b (business-to-business)*: создание технологической платформы и сетевого кластера импортозамещения, объединяющих разные формы взаимодействий университетов, НИИ и КБ, предприятий-заказчиков НИОКР и инновационные кластеры на кроссплатформенной и межкластерной основе;
- *b2g (business-to-government)*: формирование государственно-частного партнерства неоиндустриального импортозамещения, которое в перспективе может быть трансформировано в импортозамещающие холдинги с государственным участием;
- *b2s (business-to-society)*: инновационное развитие обрабатывающего сектора в рамках «четвертичной спирали», в которой реализуется запрос на инновации и конкурентоспособные отечественные блага со стороны гражданского общества.

Неоиндустриальное импортозамещение: как выйти из институциональных ловушек

Импортозамещение, даже неоиндустриальное, несет в себе определенные *риски* (коррупция и отток иностранных инвестиций, дефицит на потребительских рынках и ухудшение социального благополучия, рост бюджетных расходов). Для их

минимизации необходимо развитие институциональной базы. Однако процесс импортозамещения в российской промышленности изначально попал в институциональные ловушки, поэтому попытки инициировать его административными методами (господдержка, прямые субсидии, запретительные пошлины, эмбарго) не принесли ожидаемого эффекта.

Институциональные ловушки представляют собой устойчивые деструктивные нормы и правила, которые со временем не только не ослабевают, но и укрепляются и взаимоиндуцируются [Полтерович, 1998. С. 12], поскольку являются результатом устранения государства из процесса экономического стимулирования модернизации и инновационного развития промышленности в условиях незрелого рынка средств производства и инвестиций. Эти ловушки можно охарактеризовать следующим образом.

1. Низкая экономическая эффективность государственных инвестиций и недостаточный технологический уровень госкомпаний, которые не стали лидерами инновационного развития. Продолжающаяся национализация российской экономики не ведет к росту ее конкурентоспособности и замещению импорта.

2. Консервация низкого уровня развития институтов рынка (прав собственности, правил обмена, норм управления) в рентно-сырьевой модели экономики препятствует эффективному стимулированию спроса на отечественные средства производства и инновационные ноу-хау со стороны промышленности, в которой технологически связанные инвестиции невыгодны, а запросы со стороны бизнес-сообщества на улучшение рыночных институтов не формируются.

3. Вызывает опасения неконтролируемый структурный сдвиг, который может произойти при сокращении доли сырьевого сектора в ВВП без опережающего инновационного развития современных обрабатывающих производств.

4. В российской экономике НИОКР в обрабатывающих отраслях в значительной степени сконцентрированы именно в оборонно-промышленном комплексе. Но его превращение в драйвер неиндустриального импортозамещения затрудняют высокие удельные издержки мелкосерийного производства продукции «двойного применения».

Эти ловушки тесно переплетены с технологическими проблемами импортозамещения. Следовательно, выход из них требует комплексных институциональных изменений, стимулирующих спрос на отечественные средства производства со стороны российской промышленности, воссоздания в ней разорванных воспроизводственных связей, формирования новых взаимодействий государства и бизнеса, восстановления крупных отраслевых субъектов как центров инновационного развития обрабатывающего сектора. Поэтому комплекс институциональных мер, поддерживающих становление неиндустриального импортозамещения в российской экономике, должен включать в себя следующее.

А. Смену *институционального режима* (порядок принятия и применения норм, принуждения к их выполнению, лоббирования экономических интересов определенными группами) с силового на инновационный, соответствующий запросам бизнес-сообщества. При этом реализованы могут быть только институциональные изменения, осуществимые в сложившихся условиях. Радикальные институциональные новации должны сопровождаться последовательным внедрением новых норм, импортом и трансплантацией эффективных институтов из-за рубежа, поиском консенсуса сырьевого и обрабатывающего бизнеса при корректировке промышленной политики.

Следовательно, государство необходимо рассматривать как инициатора импортозамещающих структурных преобразований, но ведущая роль в них должна отводиться конкурирующим компаниям. Поэтому механизм смены институционального режима должен включать разработку и принятие законов, гарантирующих максимальные налоговые льготы и защищающих права интеллектуальной собственности для опережающего импорта технологий; совместное с бизнесом обсуждение развития институтов конкурентной среды и стимулирования спроса на отечественные средства производства; формирование государственно-частных партнерств в инновационной сфере, обеспечивающих спрос на инновации со стороны промышленности и предложение инвестиций; корпоративный образовательный заказ на подготовку промышленного персонала с передовыми компетенциями.

Б. *Выход на институциональную траекторию* неоиндустриального развития с заменой неэффективных институтов. Для этого необходим импорт эффективных «промежуточных» институтов, учитывающих как российские реалии, так и конечную цель (нормы и правила, стимулирующие конкурентоспособные производства для внутреннего рынка). К ним относятся положительно зарекомендовавшие себя в США целевые программы привлечения инвестиций в модернизацию базовых отраслей, создание министерства технологического развития и инноваций (Япония), налоговое стимулирование контрактных связей между инновационными и промышленными кластерами (США и Франция), усиление защиты интеллектуальной собственности путем выделения особых общедоступных технологий (Германия, Япония).

В. *Создание благоприятной институциональной среды* («конечных» целевых институтов). Для этого должны быть приняты государственные стратегические программы, предусматривающие:

– совместное привлечение средств госкорпораций и частных инвесторов в обрабатывающие производства;

– неиндустриальное импортозамещение – развертывание в ближайшие 2–3 года в российской экономике фрагментов глобальных производственных цепочек (промышленные комплекты, радиоэлектронные компоненты, программное обеспечение);

– передачу технологий от зарубежных компаний российским в рамках прямых иностранных инвестиций.

Важнейшим элементом институциональной среды должен стать инвестиционно-технологический альянс государства и бизнеса.

Импортозамещение для Кузбасса: неиндустриализация или ожидание декарбонизации?

В последнее десятилетие Кузбасс – крупнейший угольный бассейн России, продолжает наращивать объемы добычи ископаемого топлива. За 1996–2016 гг. объемы угледобычи выросли с 96 млн т до рекордных 227 млн т, превысив дореформенный «потолок» в 153 млн т. Восьмикратный рост за период 2005–2015 гг. продемонстрировал выпуск кокса (с 13,6 до 102,3 млрд руб.). В 2,5 раза увеличились объемы выпуска химической продукции (частично экспортируемой), в 1,15 раза – производства электроэнергии (поставляемой, кроме Кузбасса, в другие регионы)⁴. При этом мировые цены на уголь, в особенности энергетических марок, составляющих наибольшую долю кузбасской угледобычи, достаточно нестабильны. Так, цена FOB в российском порту «Восточный» колебалась от 110 долл./т в 2008 г. до 52 долл./т в конце 2016 г. и более 75 долл./т в середине 2017 г.

Закрепление моносырьевой специализации крупнейшего в России угледобывающего региона несет в себе значительные социально-экономические риски. Так, с конца 2000-х гг., когда го-

⁴ Данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области. Раздел «Валовый региональный продукт». URL: http://kemerovostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kemerovostat/ru/statistics/grp/

довые объемы угледобычи в Кузбассе приблизились к 200 млн т, 11–14% добытого угля не находило покупателей, накапливаясь на складах предприятий. А постепенное «торможение» (с 6,9% до 3,8% за последние пять лет) экономики Китая и стран Юго-Восточной Азии грозит снижением спроса на уголь в ближайшие 5–10 лет на 14–15%. Между тем экономика Кемеровской области крайне чувствительна к колебанию выручки от угольного экспорта, достигающего 35% от общего объема угледобычи.

Наконец, курс ведущих стран на **декарбонизацию**, провозглашенный в 2015 г. лидерами стран «Большой семерки», предполагает повышение энергоэффективности строительных проектов, быстрый рост альтернативной энергетики, улавливание и использование углеродных отходов, биотоплива и водорода. В результате к 2045 г. потребление ископаемых видов топлива в мире может сократиться на 35% [Сакс, 2015].

В этом свете уже не кажутся столь утопичными идеи о превращении Сибири в безуглеродную зону, поскольку объективный процесс снижения энергоемкости промышленных объектов, городов и транспорта в грядущее десятилетие может привести к сокращению потребления угля не только в мире, но и в России [Сидорович, 2017].

Свою лепту в сокращение внутреннего спроса на твердое ископаемое топливо вносит и рецессия, ежегодно уменьшающая внутренний спрос на уголь на 1,5–2%.

Фактически локальная «декарбонизация» уже затронула многие угольные города Кузбасса, в которых к 2017 г. практически не осталось угольных шахт – по причине усложнения горно-геологических условий и истощения легко разрабатываемых «дешевых» запасов [Жернов, 2017. С. 16]. Так, в «столице» сибирской угледобычи – Прокопьевске – ни осталось ни одной полноценной шахты, тогда как еще двадцать лет назад их насчитывалось шестнадцать. Аналогичная ситуация сложилась в старейшем центре угледобычи – Анжеро-Судженске. В результате социально-экономическая обстановка в этих городах, в которых еще 25 лет назад функционировали крупнейшие машино- и приборостроительные предприятия («Прокопьевский завод шахтной автоматики», «Анжеромаш»), существенно осложнилась [Голофастова и др., 2017. С. 68].

На этом фоне тренды выпуска машиностроения, приборостроения и сырья для их производства (металлургия) в Кузбассе

демонстрируют гораздо менее уверенную позитивную динамику (рост в 1,2 и 1,1 раза за 2005–2015 гг.), нежели угольная отрасль.

Такой разрыв в темпах добычи сырья и его первичной переработки, с одной стороны, и обрабатывающих производств (прежде всего, выпуск средств производства – машино-, приборостроения) – с другой, вызван деградацией в регионе комплекса инновационно-ориентированных отраслей. Так, массовые банкротства привели к сокращению количества приборо- и машиностроительных предприятий региона со 116 до 37. Численность занятых в сфере научного обслуживания региональной индустрии упала с 18 тыс. чел. до 1,6 тыс. Количество НИИ и КБ уменьшилось с 19 до семи, а число патентов, регистрируемых в Кемеровской области, сократилось за 1995–2015 гг. с 487 до 127.

Результатом деиндустриализации в экономике Кемеровской области стало углубление проблемы импортозависимости, что иллюстрирует сравнительная динамика добычи и экспорта угля, металлов, с одной стороны, и импорта машиностроительной продукции – с другой. По данным текущего архива Администрации Кемеровской области, устойчивый рост угледобычи в регионе (на 109% за 1998–2015 гг.) сопровождался ускоренной заменой средств производства на угольных шахтах и разрезов. Однако при этом в Кузбассе наблюдался опережающий рост импорта продукции машиностроения (в четыре раза за 2002–2012 гг.). В 2014 г. виток девальвации привел к падению объема регионального машиностроительного импорта (с 1360 до 322 млн долл.), однако уже в 2015 г. он вырос на 8%. Структура импортозависимости угольной отрасли Кузбасса отражена в таблице.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что техническая и технологическая модернизация угольной отрасли более чем наполовину обеспечивается импортным оборудованием, и до 60% отдельных видов горношахтного оборудования импортируется из «санкционных» стран – США, ЕС, Австралии; на угольных разрезах 90% нового оборудования – импортное. Это обуславливает падение объемов выручки кузбасского машиностроения более чем на 25% – с 56,3 млрд руб. в 2011 г. до 35,0 млрд руб. в 2015 г., на фоне колебаний объемов его инвестирования с 927,6 млн руб. в 2009 г. до 1535,7 млн руб. и 1032,2 млн руб. в 2015 г. В результате региональный машиностроительный комплекс не имеет стимулов к возрождению.

**Отдельные показатели импортозависимости
угольной отрасли Кузбасса в 2015 г.**

Наименование оборудования	Отечественное		Импортное	
	Количество (ед.) / балансовая стоимость, млрд руб.	Доля в общем количестве, %	Количество (ед.) / балансовая стоимость	Доля в общем количестве, %
Для добычи угля (основные иностранные поставщики – Германия, Польша, Великобритания, США, Чехия, Китай, Украина)	27 / 4,2	12,5	188 / 22,8	87,5
Для проходки и подготовки угледобычи (Германия, Австрия, Великобритания, США, Австралия, Китай, Украина)	208 / 2,9	33,5	414 / 5,3	66,5
Транспортное оборудование угольных шахт (Германия, Польша, Чехия, Украина, Словакия)	104 / 0,5	36,8	178 / 1,3	63,2
Оборудование шахтной вентиляции и обеспечения безопасности труда (Германия, США, Китай, Украина)	274 / 1,1	60,9	131 / 1,5	39,1
Итого	613 / 8,7	40,2	911 / 30,9	59,8

Источник: данные текущего архива Администрации Кемеровской области за 2015 гг.

Вместе с тем до начала реформ машиностроение было технологическим лидером и одной из ведущих отраслей экономики Кузбасса, производившей в 1988–1992 гг. до 14% ВРП. Функционируют крупные машиностроительные предприятия (ПАО «Анжеромаш», ООО ПО «Юрмаш», ПАО «Сибтензоприбор», ПАО «Электромашина-М», ООО «Кемеровохиммаш», НПО «Развитие» и др.), на долю которых приходится до 11% суммарной стоимости основных производственных фондов региона.

При этом в Кузбассе за весь период рыночных реформ не было сформировано стратегических программных документов, связывающих инвестиции в развитие и технологическую модернизацию обрабатывающих и сырьевых производств, финансовые ресурсы банков и инвестиционных компаний, привлечение прямых иностранных инвестиций. Вопросы импортозамещения не отражены и в Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 г. («Кузбасс-2025»)⁵. В данном документе отсутствует связь роста уровня жизни в Кузбассе

⁵ Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/990308346> (дата обращения: 01.03.2017).

с модернизацией и импортозамещением в базовых отраслях промышленности – через рост производительности, новые рабочие места в машиностроении, радиоэлектронике и приборостроении, химической отрасли.

Подавляющая часть иностранного капитала в экономике Кемеровской области не связана с трансфером технологий и сконцентрирована в добывающих отраслях. Иностранные инвестиции оторваны от инновационного развития и технологической модернизации как производства сырья, так и его глубокой переработки в регионе.

Наибольшая часть иностранного капитала вложена в угольную и химическую отрасли региона (6,4 и 1,5% соответственно, данные текущего архива Администрации Кемеровской области за 2015 г.), что способствует расширению технологически устаревших производств. Государство же не является значимым собственником в сырьевых (0,8%) и обрабатывающих (1,3%) отраслях экономики Кузбасса и не может ощутимо влиять на их технологическое, научно-производственное и социальное развитие.

О насущной потребности в импортозамещении для экономики Кемеровской области свидетельствуют значительный износ используемых отечественных средств производства и преобладание импорта в наименее изношенной его части. Так, износ крупного оборудования угольных разрезов (экскаваторов, буровых станков, насосных, трансформаторных станций) превысил 70%, тогда как большая часть оборудования, закупленного за последние 10 лет и имеющего уровень износа менее 30%, – импортное.

Между тем в Кузбассе существует задел для формирования институтов, поддерживающих неиндустриальное импортозамещение, в частности, создан Координационный центр по развитию импортозамещения, имеются Региональный план и перечень инвестиционных проектов в сфере импортозамещения. Большая часть из них (всего на конец 2016 г. – 22 проекта) связана с выпуском сельскохозяйственной продукции (10 проектов, 17 млрд руб. инвестиций). При этом общая сумма запланированных инвестиций по проектам импортозамещения в Кузбассе (27,5 млрд руб. за 2016–2020 гг.) меньше, чем объем импорта угольными предприятиями современных машин и оборудова-

ния – 30,9 млрд руб. (данные текущего архива Администрации Кемеровской области за 2015–2016 гг.).

Таким образом, можно сделать однозначный вывод о том, что неоиндустриальное импортозамещение в Кемеровской области тормозится из-за разрыва научно-производственных связей, слабой государственной поддержки, недостатка инвестиций у инновационно-ориентированных отраслей (машино-, приборостроение, выпуск современных синтетических материалов и сплавов). При этом проблемы нехватки инвестиций и барьеры на пути трансфера инноваций в региональное машиностроение возрастают на фоне роста добычи угля в Кузбассе, увеличения спроса на новые средства производства и автоматизации, удовлетворяемого за счет импорта. Что, однако, не снимает остроту проблемы высокого уровня их износа.

Следовательно, перспективы неоиндустриального импортозамещения в Кузбассе связаны с развитием выпуска машиностроительной продукции для замены наиболее изношенной части оборудования угольных предприятий. Рост спроса на современное горное оборудование может послужить восстановлению регионального машиностроительного комплекса только в том случае, если подавляющая часть звеньев цепи разработки и производства будет сконцентрирована в самом регионе. Это позволит реализовать *главное стратегические преимущество региональных машиностроителей* – возможность гибкой адаптации продукции к требованиям заказчиков, как на этапе проектирования и предсерийных испытаний, так и серийного производства. А это особенно важно для сложных горно-геологических условий угледобычи в Кузбассе.

Связующим звеном и первым шагом на пути развития импортозамещения в машиностроительном комплексе может стать формирование «пула региональных покупателей» оборудования, выпускаемого кузбасскими машиностроителями. Он представляет собой систему долгосрочных контрактов машиностроителей, угледобывающих и перерабатывающих компаний на совместное инвестирование разработки современных моделей горного оборудования, проведение их предсерийных испытаний и запуск серийного производства. Стимулировать заключение таких контрактов могут промышленные субсидии, предусмотренные ст. 10. закона «О промышленной политике

в Российской Федерации»⁶, а также гарантии региональных властей.

Формирование «пула региональных покупателей» будет способствовать повышению конкурентоспособности машиностроительной продукции до мирового уровня, поскольку создаст условия для финансирования полного цикла разработки и внедрения инноваций в производство.

Для того чтобы частные и акционерные машиностроительные предприятия региона смогли успешно производить конкурентоспособную продукцию, необходима кластеризация как предложения, так и спроса на машины и оборудование для горной промышленности. Для этого должны быть решены следующие задачи.

1. Коренная реконструкция, техническая и технологическая модернизация машиностроительных предприятий Кузбасса, значительная часть которых была создана в 1960–1970-х гг. и имеет средний уровень износа основного капитала около 70%.

2. Формирование *инвестиционной программы инновационного развития регионального машиностроения*, отражающей потребности угольной, химической, металлургической отраслей Кузбасса в новом оборудовании.

3. Повышение степени кооперации машиностроительных предприятий региона, доля которой сегодня оценивается в пределах менее одной десятой. Фактически это означает, что комплектующие для продукции кузбасских машиностроительных предприятий, производимые в самой Кемеровской области, не покрывают и десятой доли ее стоимости. Преодоление технологической разобщенности региональных машиностроителей особенно важно для оборудования и производственных систем с заранее заданными свойствами и продукции адресного назначения, конкурентоспособной на региональном рынке. Значимой предпосылкой для развития кооперативных связей внутри кластера является наличие в регионе некоммерческого объединения «Ассоциация машиностроителей Кузбасса», включающего около тридцати предприятий Кемеровской, Новосибирской и Томской областей.

Для формирования неоиндустриально-импортозамещающего машиностроительного кластера в Кузбассе мы полагаем

⁶ Федеральный закон от 31.12.2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» (с изм. и доп.). Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/70833138/> (дата обращения: 01.03.2017).

необходимым сконцентрировать усилия ассоциации и региональной администрации на следующих проблемных зонах.

Во-первых, формирование *стратегии развития* данного кластера, связывающей инвестиции в техническое перевооружение предприятий угольной, химической и машиностроительной отраслей, приборостроения, государственную поддержку и гарантии привлечения заемного финансирования.

Во-вторых, расширение состава резидентов кластера, в который должны войти как машиностроительные предприятия, так и субъекты финансовой и научно-исследовательской, образовательной сфер региона, а также зарубежные разработчики современных машиностроительных технологий, программного обеспечения.

В-третьих, институциональное обеспечение:

- организация инвестиционного консорциума, в состав которого должны войти основные потребители машиностроительной продукции – предприятия угольной, химической, энергетической отраслей, формирующие на паритетных основах пул капиталовложений в региональное машиностроение;

- создание регионального агентства по привлечению и защите инвестиций в импортозамещение промышленной продукции;

- формирование гарантийного фонда инвестиций в машиностроение, главную роль в котором должна играть региональная администрация.

В-четвертых, формирование комплекса льгот по региональным налогам, предоставляемых резидентам импортозамещающего машиностроительного кластера.

Становление неоиндустриально-импортозамещающего машиностроительного кластера требует целенаправленного формирования комплекса связей между субъектами региональной экономики.

1. В системе связей *b2b*: создание представительств технологической платформы неоиндустриального импортозамещения на крупных предприятиях региона и в Кузбасском технопарке; формирование регионально-отраслевого венчурного фонда для финансирования разработки и испытаний нового оборудования, материалов и технологий, а также их продвижения на внутреннем рынке; привлечение банковского финансирования малых инновационных предприятий при университетах и НИИ путем заключения с машиностроительными предприятиями долгосрочных контрактов на внедрение результатов НИОКР; брендинг продукции регионального машиностроения и создание банка передовых разработок в отрасли. Для этого потребуются стартовые

вложения в капитал регионально-отраслевого венчурного фонда в размере не менее 1 млрд руб., что эквивалентно годовому объему инвестиций в региональном отраслевом комплексе (2015 г.). Привлечение таких объемов капитала возможно за счет выпуска акций, держателями которых выступают, наряду с региональной администрацией, угольные компании – покупатели оборудования. При этом инвестиционная привлекательность покупки данных акций может быть обеспечена гарантиями их минимального курса и дивидендов.

Результатом формирования такого венчурного фонда может стать устойчивое предложение финансирования инновационных проектов малых инновационных предприятий при университетах и НИИ, резидентов Кузбасского технопарка, одобренных машиностроительными предприятиями и согласованных с угольными компаниями – покупателями оборудования. Сегодня объемы венчурных инвестиций в регионе не превышают 100 млн руб., поэтому их рост вызовет активизацию инновационной деятельности в машиностроении, при условии объединения усилий региональной администрации и угольных компаний по поддержке спроса на его продукцию.

2. В системе связей *b2g*: развитие новых форм государственно-частного партнерства в сфере импортозамещения продукции машиностроения: долгосрочные «*контракты жизненного цикла инновации*», связывающие государство и частных производителей соглашениями на разработку и выпуск субститутов импортного оборудования – от проектирования и подготовки кадров до продвижения новых отечественных брендов на рынке; «*проектно-модернизационное партнерство*», когда государство выступит «задельным» инвестором, передавая предприятию объекты промышленной недвижимости, интеллектуальной собственности, повышая своими гарантиями его инвестиционную привлекательность для выхода на фондовый рынок; «*внедренческое партнерство*», в котором государство инвестирует в приобретение патентов, лицензий, новейшего оборудования, закупаемых за рубежом, с целью развития производств продукции, не имеющей аналогов в России.

Опыт производства адаптированного к требованиям заказчиков, а следовательно, наиболее конкурентоспособного (горно-транспортного, для проходки горных выработок и подземной добычи угля) оборудования, импорт которого, по прогнозам,

за 2018–2020 гг. составит 6,5 млрд руб., имеют региональные предприятия – ПАО «Анжеромаш», ООО ПО «Юрмаш», финансово-экономическое положение которых сегодня нельзя признать удовлетворительным. Но при условии формирования технологической платформы неоиндустриального импортозамещения и развития долгосрочных инвестиционных контрактов переход к выпуску современной и конкурентоспособной техники, адаптированной под требования заказчиков и с налаженным сервисом, вполне возможен. Для аккумуляции капитала государственно-частного партнерства целесообразно использовать, наряду с бюджетными капиталовложениями, эмиссию целевых субфедеральных облигаций с налоговым приоритетом, привлекательных для угледобывающих компаний региона.

Конечным результатом развития государственно-частного партнерства в кузбасском машиностроении видится восстановление его доли в ВРП с сегодняшних 6% до уровня начала 2000-х гг. – 13%. В результате воссоздания отраслевого научно-исследовательского сектора на базе технологической платформы неоиндустриального импортозамещения можно, на наш взгляд, получить 1% от ВРП, утраченный из-за ликвидации в годы рыночных реформ целого комплекса НИИ и КБ, обслуживавших угольную отрасль Кузбасса. Еще 1% ВРП способна принести коммерциализация инновационных разработок технологической платформы в виде продажи патентов и лицензий на производство новых агрегатов горных машин, методов неразрушающего контроля и ремонта.

3. Для связей *b2s*: потребуется создание Центра импортозамещающих технологий, который возьмет на себя патентную защиту, проектирование нового оборудования, экономическую экспертизу запуска его производства. Региональное машиностроение нуждается в банке данных идей, ноу-хау и других объектов интеллектуальной собственности, защищенных патентами или требующих такой защиты. Но сегодня деятельность научных коллективов университетов и НИИ плохо связана с бизнес-проектированием машиностроительных предприятий и угледобывающих компаний, поэтому необходимо ускорение обмена научно-технической информацией, в частности, путем создания при данном центре банка свободного доступа к патентованным технологиям и образцам техники.

В целом с учетом предложенных мер воссоздание в регионе на новой технологической основе конкурентоспособного машиностроения, ориентированного, прежде всего, на угольную отрасль Кузбасса, позволит сгенерировать дополнительно 9% ВРП и создать более 50 тыс. рабочих мест в обрабатывающем секторе.

Таким образом, откладывание системных мер в сфере неиндустриального импортозамещения грозит потерей технологической идентичности и «сваливанием» российской экономики в длительную рецессию, которая еще больше закрепит технологическую отсталость. И лишь ускоренное инновационное развитие сырьевого комплекса с воссозданием на новой технологической основе выпуска конкурентоспособных средств производства, стимулирование спроса на них со стороны отечественной промышленности способны предотвратить окончательную деиндустриализацию российской экономики в сегодняшних непростых условиях. Исчерпание возможностей роста за счет экспорта сырья очевидно на примере моносырьевых регионов, таких как Кузбасс, причем главная проблема здесь связана не с ухудшением конъюнктуры мирового рынка, а с технологической примитивизацией и растущей импортозависимостью обрабатывающих отраслей.

Литература

Глазьев С. «Стратегия 2020» – антимодернизационный документ // Российский экономический журнал. 2012. № 2. С. 3–9.

Голофастова Н.Н., Михайлов В.Г., Середюк И.В. Трансформация эколого-экономической системы угледобывающего региона // Экономика и управление инновациями. 2017. № 1. С. 66–75.

Грозовский Б. Игра с нулевой суммой: почему у программы Трампа мало шансов на успех // РБК. 2017. 24 янв. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/24/01/2017/588755289a7947d42845332e> (дата обращения: 01.03.2017).

Жернов Е.Е. Экологические и социальные аспекты концепции неиндустриализации в горнодобывающем регионе // Экономика и управление инновациями. 2017. № 2. С. 11–23.

Линдберт П.Х. Экономика мирохозяйственных связей. М.: Прогресс, 1992. 518 с.

Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы. М.: Российская экономическая школа, 1998. 42 с.

Пребиши Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М.: ИЛА, 1992. 337 с.

Сакс Дж. Декарбонизация всей страны: смогут ли экономики G7 отказаться от нефти // РБК. 2015. 11 июн. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/11/06/2015/557985dd9a79478be86ecb18> (дата обращения: 01.03.2017).

Сидорович В. Безуглеродная Сибирь // Ведомости. 2016. 18 мая. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/05/18/641410-bezuglerodnaya-sibir> (дата обращения: 01.03.2017).

Статья поступила 15.01.2018.

Summary

Zhironkin S.A., Gasanov M.A., Kolotov K.A., National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk

Neoindustrial Import Substitution: Utopia or Non-Alternative Way for Russia?

The article substantiates the need for Russian economy to enter the neo-industrial development path, the driver of which should be the import substitution. Its typology is examined and the role of the Government in ensuring the exit from institutional traps of neo-industrial import substitution is shown. On the example of the analysis of the basic industries import dependence problem in industrial region (Kemerovo region), recommendations are given for development of machine building as an industry whose import substitution can speed up Russian economy competitive manufacturing sector's reconstruction on a new technological basis, relying on the potential of the mining complex.

Neo-industrialization; deindustrialization; import dependence; import substitution; engineering; Kuzbass

References

- Glaz'ev S. (2012) «Strategy-2020» – Anti-Modernization document. *Rossiiskij jekonomicheskij zhurnal [Russian Economic Journal]*. Vol. 2. Pp. 3–9. (In Russ.)
- Golofastova N.N., Mihajlov V.G., Seredjuk I.V. (2017) Transformacija jekologojekonomicheskoy sistemy ugledobyvayushhego regiona. [*Jekonomika i upravlenie innovacijami [Economics and innovation management]*]. Vol. 1. Pp. 66–75. (In Russ.)
- Grozovskij B. Igra s nulevoj summoj: pochemu u programmy Trampa malo shansov na uspeh. Available at: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/24/01/2017/588755289a7947d42845332e> (accessed: 01.03.2017). (In Russ.)
- Zhernov E.E. (2017) Jekologicheskie i social'nye aspekty koncepcii neoindustrializacii v gornodobyvayushhem regione. [*Jekonomika i upravlenie innovacijami [Economics and innovation management]*]. Vol. 2. Pp.11–23. (In Russ.)
- Lindert P.H. (1992) Jekonomika mirohoz'jajstvennyh svjazej. Moscow, Progress Publ. 518 p. (In Russ.)
- Polterovich V.M. (1998) Institucional'nye lovushki i jekonomicheskie re-formy. Moscow, Rossijskaja jekonomicheskaja shkola Publ. 42 p. (In Russ.)
- Prebish R. (1992) Periferijnyj kapitalizm: est' li emu al'ternativa? Moscow, ILA Publ. 337 p. (In Russ.)
- Saks D. Dekarbonizacija vsej strany: smogut li jekonomiki G7 ot-kazat'sja ot nefti. Available at: URL: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/11/06/2015/557985dd9a79478be86ecb18> (accessed: 01.03.2017). (In Russ.)
- Sidorovich V. Bezuglerodnaja Sibir'. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/05/18/641410-bezuglerodnaya-sibir> (accessed: 01.03.2017). (In Russ.)

Стратегия пространственного развития: новый этап или повторение старых ошибок?

Н.Н. МИХЕЕВА, доктор экономических наук,
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва.
E-mail: mikheeva_nn@mail.ru

В статье обсуждаются вопросы разработки на федеральном уровне документов стратегического планирования, касающихся пространственного развития. Показано, что стратегии долгосрочного развития федеральных округов, принятые федеральным правительством в 2010–2011 гг., не стали реальным инструментом решения проблем пространственного развития. На основе анализа официальных документов, регламентирующих разработку стратегии пространственного развития, обсуждаются теоретические предпосылки стратегии и проблемы, которые следуют из их использования. Показано, что при сохранении в долгосрочной перспективе низких темпов развития российской экономики возможности целенаправленного воздействия на пропорции пространственного развития ограничены, существуют значительные риски сохранения сложившихся трендов. *Ключевые слова:* стратегия пространственного развития, региональные факторы роста, специализация, экономический рост

Региональное стратегическое планирование является в настоящее время, вероятно, самым активно развивающимся направлением прикладных региональных разработок. Пик подготовки региональных стратегий пришелся на 2008–2010 гг., когда после принятия Концепции социально-экономического развития Российской Федерации¹ (КДР-2020) были разработаны или актуализированы стратегии развития федеральных округов, абсолютного большинства субъектов Федерации, множества городов и муниципалитетов. Новая волна разработки региональных стратегий возникла после принятия в 2014 г. федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (ФЗ № 172), в рамках реализации которого формируется система документов стратегического планирования.

Качественно новым этапом регионального стратегирования стало появление в составе документов стратегического

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Эл. ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (дата обращения: 14.02.2018).

планирования федерального уровня стратегии пространственного развития (СПР) – документа, который в соответствии с законом о стратегическом планировании должен определить приоритеты, цели и задачи регионального развития Российской Федерации, меры по их достижению и решению.

После принятия ФЗ № 172 прошло три с половиной года, система документов стратегического планирования, в том числе стратегия пространственного развития, все еще находится в стадии разработки. Однако в настоящее время принят ряд нормативных документов, регламентирующих ее разработку, Министерством экономического развития представлены концептуальные положения стратегии, утверждена концепция СПР, анализ которых позволяет показать общие черты данной стратегии и выявить проблемы, которые могут возникнуть при ее разработке и реализации.

Как сработали принятые стратегии федерального уровня

Анализ стратегий социально-экономического развития субъектов Федерации широко представлен в публикациях, в которых рассмотрены методология разработки, сильные и слабые стороны стратегий [Жихаревич, Прибышин, 2014; Журба и др., 2016; Ильина и др., 2016; Селиверстов, 2013]. Рейтинговым агентством «Эксперт» составлен рейтинг региональных стратегий по их состоянию на 2013 год [Рейтинг., 2013]. Большинство авторов сходятся во мнении, что региональные стратегии не согласованы друг с другом, не обеспечивают сбалансированности развития, в них слабо проработаны приоритеты и механизмы реализации стратегических целей. Тем не менее они рассматриваются как действенный инструмент конкуренции регионов за ресурсы, прежде всего инвестиции.

В отличие от разработанных на региональном уровне стратегий социально-экономического развития субъектов Федерации, стратегии долгосрочного развития федеральных округов (макрорегионов) должны создаваться на федеральном уровне, формально они и разрабатываются (по крайней мере, принимаются) федеральными органами государственной власти.

До настоящего времени официально принятыми документами федерального уровня, определяющими перспективы развития

отдельных территорий, были только стратегии федеральных округов, Дальнего Востока и Байкальского региона. Все они разрабатывались либо актуализировались после принятия КДР-2020 и были призваны спроецировать на территорию целевые установки КДР-2020. Все стратегии были представлены Министерством регионального развития и утверждены Правительством РФ.

Нормативных документов, регламентировавших разработку стратегий для федеральных округов, на тот момент не было, и методология и формат стратегий были отданы на откуп разработчикам, действовавшим автономно. Цели и приоритеты долгосрочного развития федеральных округов в различных вариациях повторяют целевые установки КДР-2020, предполагавшей переход к инновационному варианту развития страны. Кроме того, целевым ориентиром КДР-2020 было заявлено обеспечение сбалансированного социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом состоянии регионов и качестве жизни. Таким образом, стратегии федеральных округов предполагали к 2020 г. кардинальное изменение трендов и пропорций пространственного развития.

Анализ реальной динамики показывает, что проблемы пространственного развития, отмечавшиеся в том числе и в стратегиях, продолжают усугубляться. Пространственное развитие остается инерционным, признаков изменения его траекторий пока не обнаруживается. Подтверждением этому служит сравнение реальной динамики с целевыми и прогнозными показателями стратегий, представленными в различных форматах с разным набором индикаторов, что не позволяет сформировать на их основе показатели для страны в целом. Однако, как и в случае стратегий субъектов Федерации [Мельникова, 2013], стратегии федеральных округов характеризуются чрезмерным оптимизмом, хотя и проявляется он для разных округов в разной степени.

В Стратегии социально-экономического развития Центрального федерального округа на период до 2020 г.² среднегодовой темп роста за 2002–2008 гг. экстраполирован на период до 2020 г., что поставило под сомнение корректность такого

² Стратегия социально-экономического развития Центрального федерального округа на период до 2020 года. [Эл. ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902302272> (дата обращения: 02.02.2018).

расчета уже в 2009 г. Реальные темпы роста производства в округе в 2010–2015 гг. были более чем в три раза ниже прогнозных, что не позволит к 2020 г. достичь предполагаемых в стратегии целевых показателей по ВРП. В стратегии не были представлены оценки ресурсов, в частности инвестиций в основной капитал, которые требовались для достижения предполагаемых объемов производства и развития социальной сферы.

Стратегия социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 г.³ содержит подробный перечень целевых показателей социально-экономического развития макрорегиона, который сформирован на основе базового варианта прогноза, а также сравнение показателей по вариантам прогноза (пессимистического, оптимистического и базового). Реально достигнутые к 2015 г. показатели оказались даже ниже пессимистического варианта прогноза.

В Стратегии социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 г.⁴ представлен прогноз основных показателей развития округа и субъектов Федерации в соответствии с двумя сценариями – консервативным и инновационным. В отличие от предыдущих чрезмерно оптимистичных прогнозов в случае ЮФО гипотезы относительно динамики развития округа оказались более реалистичными. Фактические значения показателей в среднесрочном периоде – 2010–2013 гг. – либо находились в интервале между значениями консервативного и инновационного вариантов (темпы роста ВРП), либо превышали даже инновационный вариант. Однако с учетом падения в 2014–2016 гг. целевые показатели по динамике ВРП, инвестиций и реальных доходов населения существенно отстают от предполагавшихся в стратегии, что сводит к минимуму вероятность достижений целевых показателей стратегии к 2020 г.

В отличие от предыдущих документов Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального

³ Стратегия социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года [Эл. ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902317621>. (дата обращения: 02.02.2018).

⁴ Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 года [Эл. ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902301126>. (дата обращения: 02.02.2018).

округа⁵ принята на период до 2025 г. Однако, как и в предыдущих случаях, фактические темпы роста ВРП и промышленности в 2008–2016 гг. существенно отставали от прогнозных, превышенным почти в 1,5 раза оказался даже инерционный вариант прогноза. Оценки инвестиционных ресурсов, необходимых для реализации стратегии, в документе не были представлены.

В Стратегии социально-экономического развития Приволжского федерального округа до 2020 г.⁶ целевые прогнозные индикаторы представлены по отношению к низкому уровню 2009 г., относительно невысокие показатели восстановления экономики в 2010–2011 гг., предполагавшиеся в прогнозе, были превышены практически по всем параметрам, кроме реальных доходов населения. Принятые в прогнозе гипотезы относительно интенсивного роста экономики после 2014 г. на уровне 7–8% в год оказались чрезмерно оптимистичными, наиболее далекими от реальности были прогнозы инвестиций и доходов населения.

Стратегия социально-экономического развития Уральского федерального округа на период до 2020 г.⁷ включает сценарный прогноз для макрорегиона и входящих в его состав субъектов Федерации. Целевые показатели сформированы на базе инновационного варианта прогноза, однако ближе всего к фактическим показателям оказался инерционный вариант, хотя и в этом случае фактические темпы ниже прогнозных по всем индикаторам, кроме инвестиций в основной капитал.

В Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 г.⁸ приведены три блока целевых показателей: динамика основных индикаторов по базовому сценарию; целевые индикаторы развития инновационной системы Сибири и внешнеэкономической деятельности. Формат данных не позволяет провести сопоставление целевых (прогнозных) показателей с фактическими,

⁵ Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года [Эл. ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/LAW170425_0_20171016_144356_55113.rtf. (дата обращения: 02.02.2018).

⁶ Стратегия социально-экономического развития Приволжского федерального округа до 2020 года [Эл. ресурс]. URL: <http://lawru.info/dok/2011/02/07/n34655.htm>. (дата обращения: 02.02.2018).

⁷ Стратегия социально-экономического развития Уральского федерального округа на период до 2020 года [Эл. ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902307636>. (дата обращения: 02.02.2018).

⁸ Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года [Эл. ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902229380> (дата обращения: 02.02.2018).

поскольку приведенные в документе показатели за 2008 г. (отчетный) существенно отличаются от данных Росстата.

В Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.⁹ базовый сценарий развития макрорегиона увязан с инновационным сценарием КДР-2020. Представленные в документе данные также не позволяют сформировать набор показателей, оценивающих степень достижения целевых показателей стратегии (вероятные ошибки в таблицах, существенные отличия отчетных данных от статистики Росстата), однако, как и в предыдущих случаях, в прогнозе предполагаются очень высокие темпы роста экономики макрорегиона.

Причины нереальности прогнозов и целевых показателей стратегий очевидны: экономический кризис 2009 г., кардинальное изменение внешних условий развития после 2014 г. и последовавший за этим экономический кризис, в результате которых не сложились предполагавшиеся в стратегиях условия для развития страны в целом. Однако региональная политика также оставалась инерционной, не были задействованы механизмы, нацеленные на реализацию стратегий. Кроме того, сами стратегии имели ряд существенных недостатков, явившихся результатом принятой схемы их разработки, прежде всего их несогласованности друг с другом.

Принципиальным моментом, характеризующим стратегии федеральных округов, является их автономность. Поскольку цели и приоритеты КДР-2020 были перенесены на уровень регионов, то формально все стратегии согласованы с общенациональной стратегией, чего нельзя сказать о количественных параметрах, особенно об оценке ресурсов, необходимых для реализации стратегий (в ряде случаев они вообще не оценивались).

Прогнозы, на основании которых разрабатывались стратегии, в большинстве случаев были построены путем пролонгации высоких темпов роста 2000–2008 гг., поэтому даже консервативные (инерционные) варианты оказались далеки от реалий, сложившихся после 2008 г. Чрезмерный оптимизм «базовых» и «оптимистичных» прогнозов был также задан исходными условиями прогноза. Стратегии федеральных округов разрабатывались в развитие КДР-2020, в качестве целевого варианта

⁹ Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года [Эл. ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902195483>. (дата обращения: 02.02.2018).

в которой был принят инновационный вариант развития РФ¹⁰. Предполагавшиеся в Концепции на долгосрочный период условия развития страны оказались нереальными уже в 2009–2010 гг., в дальнейшем разрыв между прогнозными и реально достигнутыми показателями только увеличивался.

Логика построения документов стратегического планирования предполагает их периодическую актуализацию и корректировку целевых показателей с учетом фактических данных. В отношении КДР-2020, а также стратегий социально-экономического развития федеральных округов такая корректировка не проводилась. В этой связи целевые показатели стратегий развития федеральных округов на период до 2020 г. в настоящее время представляют собой набор бесполезных цифр.

Замысел стратегии пространственного развития в законе о стратегическом планировании

Принятие в 2014 г. закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации», предусматривавшего в качестве составной части разработку Стратегии пространственного развития, породило надежды на то, что проблемы российских регионов и российского пространства в целом окажутся в центре внимания федеральных властей, или, по крайней мере, регионы получат обоснованный ответ на вопросы о том, какие перспективы их ожидают.

Стратегия пространственного развития (СПР) является принципиально новым для России документом, сочетающим в себе подходы стратегического и территориального планирования. Вопросы о том, что должна представлять собой СПР, неоднократно возникали еще на стадии обсуждения проекта закона о стратегическом планировании, причем оспаривались не только возможное содержание и функции стратегии, но и целесообразность её включения в закон, т.е. принятия федеральной властью на себя обязательства такой документ разрабатывать и реализовывать.

В идейном плане СПР является некоторым аналогом генеральной схемы развития и размещения производительных сил и генеральной схемы расселения, которые в условиях плановой

¹⁰ Приложение № 1 к Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.

экономики определяли перспективы пространственного развития и были важным инструментом регулирования пространственного развития. Долгосрочные перспективы развития и размещения народного хозяйства определялись в рамках трех основных документов: Комплексной программы научно-технического прогресса на 20 лет, Концепции экономического и социального развития СССР и Генеральной схемы (прогноза) развития и размещения производительных сил СССР на 15 лет [Адамеску, 2016; Смирнова, 2010]. При этом Генеральная схема была центральной подсистемой в составе нескольких десятков отраслевых и пятнадцати территориальных схем развития и размещения производительных сил. Именно «плановые корни» схем развития и размещения были основным аргументом противников включения стратегии пространственного развития в состав системы документов стратегического планирования.

Принятые нормативные документы определяют лишь общие черты СПР, вопрос о том, на каких научно-методологических основах она будет построена и каким будет ее формат, остается открытым. Из закона о стратегическом планировании следует, что «Стратегия пространственного развития Российской Федерации разрабатывается в соответствии с основами государственной политики регионального развития Российской Федерации в целях реализации основных положений стратегии социально-экономического развития Российской Федерации и стратегии национальной безопасности Российской Федерации, определяет приоритеты, цели и задачи регионального развития Российской Федерации и меры по их достижению и решению»¹¹, в ее состав включаются предложения о совершенствовании системы расселения и приоритетных направлениях размещения производительных сил.

Порядок разработки СПР был утвержден Правительством РФ¹². Предполагаемая структура этого документа включает ряд стандартных блоков: анализ особенностей и проблем

¹¹Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (с изм. и доп.). Ст. 20 [Эл. ресурс]. URL: http://Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 02.02.2018).

¹²Постановление Правительства РФ от 20.08.2015 № 870 «О содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации» [Эл. ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_185091/ (дата обращения: 02.02.2018).

пространственного развития; принципы и приоритеты, цели и задачи; сценарные варианты пространственного развития, в том числе приоритетный; этапы реализации стратегии и целевые показатели для каждого этапа; механизмы достижения установленных приоритетов.

Специфика СПР отражена в блоке, названном «основные положения в сфере пространственного развития», который включает приоритеты совершенствования системы расселения; направления изменения региональной структуры экономики; перспективные конкурентные преимущества и экономическую специализацию субъектов Федерации; прогноз их потребности в трудовых ресурсах и развитии федеральной инфраструктуры; перечень потенциальных территорий опережающего роста и размещение национальных технологических платформ; направления интеграции России в евразийское и мировое экономическое пространство; состав макрорегионов на территории России и типологию российских регионов и городов.

Очевидно, что указанные «основные положения» строятся на некотором теоретическом фундаменте, в соответствии с которым в основе стратегии пространственного развития должны лежать определение перспективной экономической специализации субъектов Федерации, а также типология регионов и городов. Эти положения вызвали вопросы еще на стадии подготовки документа. Как показала практика разработки проекта концепции СПР, они оказались весьма уязвимыми с теоретической и практической позиций.

В законе определено, что СПР должна учитываться при разработке и корректировке документов стратегического планирования в целях реализации полномочий органов государственной власти Российской Федерации по предметам ведения Российской Федерации, а также совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Однако круг перспективных направлений пространственного развития, которые предполагается рассмотреть в СПР, достаточно широк. Он отражает как направления, которые может (либо намерено) регулировать федеральное Правительство, так и те, которые к предметам регулирования не относятся.

Концепция стратегии пространственного развития

В отличие от генеральных схем развития и размещения производительных сил, которые основывались на идеях планового формирования территориальных пропорций, общепринятой концепции перспективной организации российского пространства нет ни в теории, ни на практике. Мнения относительно того, как решать пространственные проблемы России в будущем, находятся в диапазоне от «все проблемы решит рынок» до «решить проблемы может только государство».

Научные основы концепции СПР были подготовлены подведомственной организацией Минэкономразвития – Советом по изучению производительных сил. Кроме того, министерством была создана экспертная рабочая группа, которая включала представителей разных научных направлений и организаций. В результате многочисленных обсуждений был сформирован рабочий вариант концепции, который представлял собой некоторый консенсус позиций разработчиков и экспертов. Основные идеи и методические подходы к разработке концепции СПР были представлены на XV Общероссийском форуме «Стратегическое планирование в городах и регионах» в октябре 2016 г. в Санкт-Петербурге.

СПР предлагалось строить на основе определенных принципов [Концепция..., 2016; Чугуевская, 2016, 2017], в числе которых: пространственное сплочение – обеспечение территориальной целостности России и её связности; пространственная доступность социальных благ – обеспечение равных возможностей для реализации прав и свобод граждан за счет сокращения чрезмерных межрегиональных и внутрирегиональных различий в уровнях социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований; комплексный подход – учёт геополитических факторов в неразрывной связи с экономическими и социальными, гармонизация макроэкономической, отраслевой и социальной эффективности реализации проектов пространственного развития, обеспечение их экологической ориентированности; сбалансированность пространственного развития – предотвращение процессов сверхконцентрации и дальнейшего оттока населения Сибири и Дальнего Востока, депопуляции сельских территорий и малых городов, содействие

появлению новых территорий роста, инфраструктурное обеспечение пространственного развития экономики и социальной сферы; взаимная дополняемость системы государственного регулирования и рыночных механизмов саморегулирования пространственного развития.

Еще один принцип, определяющий, на наш взгляд, всю идеологию разработки СПР, – безусловная ценность каждого места: дифференцированный подход к определению перспектив пространственного развития, позволяющий выявить свои источники экономического роста для различных территорий. Именно этот принцип отражает теоретическую базу, на которой предполагалось строить стратегию – теорию эндогенного пространственного роста, а также современные подходы, которые закладываются в долгосрочные стратегии пространственного развития Евросоюза [Making..., 2014; Capello..., 2014], – уникальность и ценность каждой территории, которая определяется не только природно-ресурсным и экономическим потенциалом, но и качеством человеческого капитала, историко-культурными и национальными особенностями.

Проект концепции оказался эклектичным, поскольку был сформирован в результате многочисленных обсуждений и попыток учесть различные точки зрения, тем не менее он содержал ряд интересных и аргументированных предложений. Но в официально утвержденной в мае 2017 г. Концепции СПР¹³ идеи, предлагавшиеся в проекте концепции, были изменены настолько, что порою утрачивали первоначальный смысл. Однако именно этот документ и должен быть положен в основу Стратегии.

Мы не ставили своей задачей подробный анализ содержания документа, отметим лишь некоторые положения, теоретическая обоснованность которых вызывает вопросы.

«Проблемные» положения Концепции СПР

В качестве основных задач Стратегии названо определение, с учетом конкурентных преимуществ субъектов Федерации, их приоритетных экономических специализаций и на этой основе –

¹³ Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. Утв. зам. Председателя Правительства Российской Федерации Д. Н. Козаком 22 мая 2017 г. [Эл. ресурс]. URL: http://src-sakha.ru/wp-content/uploads/2017/06/170522_Kontsepsiya-SPR-RF_Kozak2.pdf (дата обращения: 02.02.2018).

оценка перспективных направлений размещения производительных сил и развития инфраструктуры. Таким образом, определение перспективных специализаций субъектов Российской Федерации является центральным пунктом разработки Стратегии.

Такой подход поднимает два типа вопросов: во-первых, как определить перспективную специализацию региона, во-вторых, как использовать данные о перспективной специализации, если ее удастся корректно оценить?

Проблемы выделения приоритетных отраслей и видов деятельности, которые будут формировать экономику будущего, являются общими для всех документов стратегического планирования, в принципе приоритеты развития существующих отраслей и формирования новых должны быть определены стратегией социально-экономического развития Российской Федерации на основе прогноза научно-технологического развития. Однако в СПР поставлены специфические задачи – выявление отраслевых приоритетов (перспективных специализаций) для субъектов Федерации. Специализация региона характеризует его место в системе территориального разделения труда. Перспективная специализация региона может быть определена только в зависимости от того, какое место займет регион в будущем в рамках общенационального рынка, а российская экономика – в системе международных рынков. То и другое существенно зависит от того, какой сценарий развития страны в целом и конкретного региона будет реализован в перспективе.

Обоснованным представляется определение перспективной специализации регионов в рамках долгосрочного прогноза развития России в разрезе субъектов Федерации, учитывающего их межрегиональные взаимодействия и возможности интеграции в международные рынки. Однако в Концепции в числе факторов, определяющих приоритетные экономические специализации регионов, названы: природоресурсная обеспеченность территорий, их геоэкономическое положение, уникальные природные ландшафты, культурное наследие, наличие крупных агломераций, климатические условия, сложившаяся структура производства, научный потенциал и наличие высококвалифицированных кадров. Потенциальные позиции региональных предприятий на национальном и международном рынках в число таких факторов не включены,

т.е. перспективные специализации предполагается определять для каждого региона изолированно.

Действительно, сочетание указанных факторов создает условия для развития тех или иных отраслевых комплексов, которые могут обеспечить формирование перспективной специализации региона, однако реализоваться эти условия могут только при наличии рыночного спроса на продукцию и услуги, предлагаемые отраслями специализации. Для российских регионов, большая часть которых имеет невысокий экономический потенциал, эта проблема стала критической из-за падения как инвестиционного, так и потребительского спроса. Узость региональных рынков, их слабая межрегиональная связанность, барьеры для выхода региональных предприятий на общенациональный и международные рынки вызвали сокращение или стагнацию производства в большинстве регионов.

В этой связи определение перспективных специализаций с точки зрения наличия в регионе перечисленных условий представляется необоснованным. При этом в Концепции не нашлось места современным подходам к оценке перспективной специализации регионов, в частности, формированию новых специализаций, «умной специализации» и т.д.

Другая серьезная проблема – в том, что даже если перспективная специализация будет корректно определена, она характеризует лишь условия для размещения тех или иных производств, но их возникновение совершенно не обязательно, особенно, если ряд конкурирующих регионов имеют примерно одинаковый набор факторов.

Множество вопросов вызывают представленные в концепции типы регионов. Типология субъектов Федерации как одна из задач разработки СПР была представлена в упоминавшемся Постановлении № 870 о содержании СПР, где поставлены две разные задачи: определение состава макрорегионов на территории страны и отнесение городов и регионов к разным типам, что, по сути, намечает два возможных пути выбора объектов для государственного регулирования пространственного развития.

Проблема формирования макрорегионов в Концепции не затрагивается, основное внимание уделено типологии регионов. В зависимости от специализации они подразделяются на регионы с выраженной сырьевой ориентацией, традиционные

аграрно-индустриальные, исторически сложившиеся индустриальные, при этом в типологии не нашлось места столичным постиндустриальным регионам.

Любая типологизация регионов проводится для определенных целей и с использованием различных инструментов, включая сложные экономико-математические [Российские..., 2011], однако даже в таких случаях не удается избежать упрощений и потери важных качеств классифицируемых объектов. В Концепции для типологизации сложных социально-экономических систем, каковыми являются регионы, предлагается использовать один критерий – специализацию их хозяйства, представленную в весьма примитивном виде. Если такой подход будет реализован, за каждым регионом на перспективу будет закреплена его «статус», в соответствии с которым федеральные власти будут проводить экономическую политику. Не только необоснованность, но и вред такого подхода очевидны, например, регион, получивший «статус» аграрно-индустриального, обречен остаться таковым надолго.

При обосновании направлений и изменения структуры региональных экономик и системы расселения в Концепции использованы некоторые сентенции, которые представляют широко распространенные мнения, не получившие достаточных научных обоснований, например, рекомендации о диверсификации экономики, которые даны для сырьевых и аграрно-индустриальных регионов. Однако «диверсификация ради диверсификации» не будет эффективной стратегией для экономики любого региона [Михеева, 2016]. Во-первых, проблема определения направлений эффективной диверсификации по сути своей не может быть решена в рамках отдельного региона, поскольку связана с выходом региональной продукции и услуг на новые рынки либо расширением присутствия на существующих, и рассматриваться она должна в рамках межрегиональных взаимодействий, позволяющих оценить направления взаимовыгодной специализации регионов.

Во-вторых, диверсификация сама по себе как процесс более равномерного распределения экономического потенциала между возможными направлениями его использования вряд ли может выступать как самостоятельная стратегия развития региона. В отличие от других стратегий, к примеру, повышения конкурентоспособности региона, предполагающей выбор приоритетов

долгосрочного развития и их последующую поддержку, диверсификация может рассматриваться как дополнение к стратегиям роста, основу которых составляет специализация.

Другая сентенция такого рода – о том, что экономический рост сосредоточен в крупных городах и городских агломерациях, также не находит убедительного научного обоснования. Дальнейшее усиление процесса урбанизации, развитие крупных городских агломераций закреплены в качестве одного из приоритетов в Основах региональной политики. Однако непредвзятый анализ зарубежных литературных источников и экономики городов [Мельникова, 2017] показывает, что существуют совершенно разные модели городских систем в странах, близких по уровню жизни. Тезисы о превосходстве крупных городов с точки зрения эффективности производства и темпов экономического роста проверены на обширном статистическом материале и не нашли однозначного подтверждения. Развитие процесса урбанизации будет способствовать росту национальной экономики только в случае, если оно не сведется к концентрации ресурсов и населения в агломерациях, а обеспечит раскрытие потенциала каждого города независимо от его размера.

Анализ динамики крупнейших городов [Кузнецова, 2017] показывает, что концентрация населения в городах-миллионниках продолжает расти, однако ситуация с изменением их роли в обрабатывающих производствах и розничной торговле регионов складывается по-разному. Численность занятых в обрабатывающих производствах и доля обработки в общей занятости почти повсеместно снижаются, возможно, вследствие трансформации и модернизации самой промышленности и возрастания доли технологически сложных производств. Однако в перспективе роль крупных городов как промышленных центров будет усиливаться только в том случае, если в стране будет развиваться высокотехнологичная промышленность. Кроме того, в городах-миллионниках существует сложная проблема развития социальной сферы.

Пространственный ресурс повышения экономической эффективности в России связан скорее не с ростом уровня урбанизации, а с изменениями во внутренней структуре городской системы, с ее разнообразием [Коломак, 2017], т.е. положительное влияние на уровень общей региональной продуктивности оказывает развитие городов разных размеров.

Чего не следует ожидать от Стратегии

Утвержденная Концепция СПР разработана на период до 2025 г., что соответствует формальным требованиям закона о стратегическом планировании, в котором период более шести лет назван долгосрочным. Для чрезвычайно инерционных систем, к которым относятся региональные социально-экономические, ожидать сколько-нибудь существенных изменений в пространственном развитии страны за такой период не приходится. Более того, количественные оценки сценариев пространственного развития показывают, что межрегиональное перераспределение ресурсов, обеспечивающее реализацию сценариев, не оказывает значительного влияния на общенациональную динамику.

Альтернативные сценарии пространственного развития, сформированные при подготовке проекта Концепции СПР, оценивались в рамках содержательных гипотез двух макроэкономических сценариев развития России на период до 2030 г., разработанных в ИНП РАН [Структурно-инвестиционная..., 2017]. В консервативном сценарии проекта концепции СПР пространственная структура инвестиций в прогнозном периоде предполагалась близкой к структуре накопленных за 2000–2014 гг. инвестиций в основной капитал [Михеева, 2017]. Приоритетами инвестирования являлись столичные агломерации, нефтегазодобывающие и стратегически приоритетные регионы. В сценарии конкурентного роста приоритетами инвестирования предполагались крупные агломерации и современные регионы-лидеры. В сценарии диверсифицированного роста пространственный рост основывался на внутренних (эндогенных) источниках и эффективном использовании потенциала межрегиональных взаимодействий.

При базовом варианте макроэкономического прогноза, предполагавшем среднегодовые темпы роста национальной экономики на уровне 1–2%, за счет пространственного перераспределения инвестиций в конкурентном сценарии при прочих равных условиях к концу периода может быть получено дополнительно 2,7 п.п. роста ВРП по сравнению с консервативным, за счет диверсифицированного – 1 п.п. Более существенны различия по потреблению домашних хозяйств, динамике розничной торговли, по промышленности различий практически нет. В высоком варианте макропрогноза среднегодовые темпы роста национальной экономики предполагались на уровне 3–4%.

В этом случае при прочих равных условиях к концу периода за счет изменения пространственных пропорций инвестиций может быть получено 1,5 п.п. в диверсифицированном сценарии, в сценарии конкурентного роста – 3,8 п.п. прироста суммарного ВРП, т.е. разница годовых темпов составляет около 0,1–0,2 п.п.

Таким образом, разница суммарного вклада в экономический рост от реализации разных пространственных сценариев невелика, т.е. предполагаемые в сценариях изменения пропорций распределения инвестиций при принятых гипотезах относительно роста национальной экономики не оказывают существенного влияния на ее динамику. Представленные оценки параметров прогнозных сценариев не учитывают рисков и негативных социальных и экономических последствий, возникающих при реализации сценариев, таких как усиление межрегиональной дифференциации, возможное ухудшение экономической ситуации на ряде территорий, увеличение объемов ресурсов, необходимых для сглаживания межрегиональных диспропорций и поддержания депрессивных регионов. Эти риски наиболее высоки в сценарии конкурентного роста.

Долгосрочный макроэкономический прогноз ИНП РАН с предполагаемыми темпами роста ВВП на уровне 3–4% можно отнести к оптимистическим, рост российской экономики, заложенный в долгосрочном прогнозе Минэкономразвития, еще скромнее. Ожидать, что на решение проблем пространственного развития могут быть направлены значительные ресурсы, не приходится. В реализации СПР, если она, как и Концепция, будет принята на период до 2025 г., переломить инерцию пространственного развития вряд ли удастся. В этой связи в Стратегии основное внимание должно уделяться созданию экономических механизмов и институциональных условий [Зубаревич, 2015], обеспечивающих решение наиболее острых проблем в регионах, а также дающих возможности активизировать эндогенные факторы роста регионов.

* * *

Мы ограничились анализом официально принятых документов, относящихся к разработке Стратегии пространственного развития, который пока не дает оснований для оптимизма и уверенности в том, что Стратегию не постигнет судьба уже принятых

на федеральном уровне стратегий развития федеральных округов. Вместе с тем научной общественностью высказан целый ряд предложений, содержащих конструктивные идеи разработки СПР, был подготовлен проект концепции СПР, учитывающий различные позиции экспертов, участвовавших в его обсуждении. Однако утвержденная Концепция стратегии пространственного развития показывает, что все эти предложения пока не услышаны властью.

Литература

Адамеску А. А. Первая генеральная схема: опыт объединения научных организаций для обоснования размещения производительных сил. М.: СОПС, 2016. 328 с.

Жихаревич Б., Прибышин Т. Апробация подходов к изучению содержания муниципальных стратегий // Регион: экономика и социология. 2014. № 2. С. 216–234.

Журба В. В., Брызгина Е. В., Перова М. М. Анализ стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации. Типовые ошибки и лучшие решения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 4–2. С. 49–52.

Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития после кризиса: от больших проектов к институциональной модернизации // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2 (26). С. 226–230.

Ильина И. Н., Плисецкий Е. Е., Копыченко Г. С., Рыбина Е. Г. Оценка качества разработки региональных стратегий развития в России // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 4 (427). С. 178–196.

Коломак Е. А. Развитие городской системы России: ресурсы и результаты // Труды Гранберговской конференции. Новосибирск, 10–13 окт. 2016 г. Сб. докладов Междунар. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения акад. А. Г. Гранберга «Пространственный анализ социально-экономических систем: история и современность» / Под ред. В. И. Сулова, Л. В. Мельниковой. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. С. 253–264.

Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года. Проект. Министерство экономического развития РФ. Москва, 2016 [Эл. ресурс]. URL: http://карьеры-евразии.pdf/uploadedFiles/files/Kontseptsiya_SPR.pdf (дата обращения: 15.01.2018).

Кузнецова О. В. Сдвиги в занятости и качестве жизни населения российских городов-миллионников // Проблемы прогнозирования. 2017. № 6. С. 121–131.

Мельникова Л. В. Долгосрочные стратегии регионального развития: перспективы роста и ограничения // Проблемы теории и практики управления. 2013. № 1. С. 79–88.

Мельникова Л. В. Размеры городов, эффективность и экономический рост // ЭКО. 2017. № 7. С. 5–19.

Михеева Н. Н. Диверсификация структуры регионального хозяйства как стратегия роста: за и против // Регион: экономика и социология. 2016. № 4. С. 196–217.

Михеева Н.Н. Оценка сценариев пространственного развития российской экономики до 2030 года // Науч. труды: ИНП РАН. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 405–423.

Рейтинг качества стратегий социально-экономического развития регионов России на апрель 2013 года: лидеры планирования [Эл. ресурс]. URL: https://gaexpert.ru/researches/regions/soc_eco_regions_04_2013 (дата обращения: 05.02.2018).

Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / Под ред. Л.М. Григорьева, Н.В. Зубаревич, Г.Р. Хасаева. М.: ТЕИС, 2011. 357 с.

Селиверстов В.Е. Региональное стратегическое планирование: от методологии к практике. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2013. 436 с.

Смирнова О.О. Стратегическое государственное планирование в России. М.: Изд-во МНЭПУ, 2010. 175 с.

Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России: монография /Под науч. ред. акад. В.В. Ивантера. М.: Научный консультант, 2017. 196 с.

Чугуевская Е.С. Стратегия пространственного развития в системе документов стратегического планирования Российской Федерации [Эл. ресурс]. URL: http://2016.forumstrategov.ru/upload/program/Chuguevskaya_2.1.pdf (дата обращения: 05.02.2018).

Чугуевская Е.С. О территориально-пространственных аспектах стратегии пространственного развития Российской Федерации // Архитектура и строительство. 2017. Вып.1. С. 67–71.

Capello R., Caragliu A., Fratesi U. Global Trends and the Economic Crisis: future alternative European Growth Strategies, GRINCOH Working Paper Series. 2014. Policy Paper No. 3. [Эл. ресурс]. URL: http://www.grincoh.eu/media/policy/grincoh_wp_policy_3_capello_caragliu_fratesi.pdf (дата обращения: 10.02.2018).

Making Europe Open and Polycentric. Vision and Scenarios for the European Territory towards 2050. ESPON2013 Programme. September 2014 [Эл. ресурс]. URL: http://www.et2050.eu/attachments/article/523/ESPO_N_Vision-Scenarios_2050.pdf (дата обращения: 10.02.2018).

Статья поступила 19. 02.2018

Summary

Mikheeva N.N., Institute of Economic Forecasting, RAS, Moscow

Strategy of Spatial Development: New Stage or Repetition of Old Mistakes?

Problems of development of the documents of strategic planning concerning spatial development at the federal level are discussed. It is shown that the strategies of long-term development of federal districts accepted by the federal government in 2010–2011 did not become the real tool of the solution of problems of spatial development.

Analysis of official documents accepted by the Government on the basis of which Strategy of spatial development is developed now is carried out. Theoretical prerequisites of the Concept of strategy, and problems which follow from their use are discussed. The central idea of the Concept is definition of perspective economic specialization of regions without interregional interaction. It is shown that the

typology of regions offered in the Concept does not consider modern trends of development of regions. The offered directions of change of structure of regional economies have no convincing scientific justification.

It is shown that if in the long term low development rates of the Russian economy remains, then possibilities of purposeful impact on proportions of spatial development are small. There are considerable risks of preservation of the developed trends. It is offered to enhance attention to activation of factors of endogenous growth of regions.

Strategy of spatial development; regional factors of growth; specialization; economic growth

References

Adamesku A. A. (2016) Pervaya general'naya skhema: opyt ob'edineniya nauchnykh organizatsiy dlya obosnovaniya razmeshcheniya proizvoditel'nykh sil. Moscow, SOPS Publ. 328 p. (In Russ.)

Zhikharevich B., Pribyshin T. (2014) Aprobatsiya podkhodov k izucheniyu sodержaniya munitsipal'nykh strategiy. *Region: ekonomika i sotsiologiya. [Region: economy and sociology]*. No 2. Pp. 216–234. (In Russ.)

Zhurba V. V., Bryazgina E. V., Perova M. M. (2016) Analiz strategiy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya sub'ektov Rossiyskoy Federatsii. Tipovye oshibki i luchshie resheniya. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. [Current problems of humanitarian and natural sciences]*. No 4–2. Pp. 49–52. (In Russ.)

Zubarevich N. V. (2015) Strategiya prostranstvennogo razvitiya posle krizisa: ot bol'shikh proektov k institutsional'noy modernizatsii. *Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the new economic association]*. No 2 (26). Pp. 226–230. (In Russ.)

Il'ina I. N., Plisetskiy E. E., Kopychenko G. S., Rybina E. G. (2016) Otsenka kachestva razrabotki regional'nykh strategiy razvitiya v Rossii. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. [Regional economy: theory and practice]*. No 4 (427). Pp. 178–196. (In Russ.)

Kolomak E. A. (2017) Razvitie gorodskoy sistemy Rossii: resursy i rezul'taty. *Trudy Granbergovskoy konferentsii. Novosibirsk, 10–13 okt. 2016 g. Sb. dokladov Mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu so dnya rozhdeniya akad. A. G. Granberga 'Prostranstvennyy analiz sotsial'no-ekonomicheskikh sistem: istoriya i sovremennost'* Novosibirsk, IEOPP SO RAN Publ. Pp. 253–264. (In Russ.)

Kontseptsiya Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda. Proekt. (2016) Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya RF. (In Russ.) Available at: http://kar'ery-evrazii.rf/uploadedFiles/files/Kontseptsiya_SPR.pdf (accessed 15.01.2018).

Kuznetsova O. V. (2017) Sdvigi v zanyatosti i kachestve zhizni naseleniya rossiyskikh gorodov-millionnikov. *Problemy prognozirovaniya. [Studies on russian economic development]*. No 6. Pp. 121–131. (In Russ.)

Melnikova L. V. (2013) Dolgosrochnye strategii regional'nogo razvitiya: perspektivy rosta i ogranicheniya. *Problemy teorii i praktiki upravleniya. [Problems of the theory and practice of management]*. No 1. Pp. 79–88. (In Russ.)

Melnikova L. V. (2017) Razmery gorodov, effektivnost' i ekonomicheskiy rost. *EKO [ECO]*. No 7. Pp. 5–19. (In Russ.)

Mikheeva N. N. (2016) Diversifikatsiya struktury regional'nogo khozyaystva kak strategiya rosta: za i protiv. *Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: economy and sociology]*. No 4. Pp. 196–217. (In Russ.)

Mikheeva N. N. (2017) Otsenka stsenariyev prostranstvennogo razvitiya rossiyskoy ekonomiki do 2030 goda. In: *Nauchnye Trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN [Scientific articles – Institute of economic forecasting Russian academy of sciences]*. Moscow, MAKS Press Publ. Pp. 405–423. (In Russ.)

Reyting kachestva strategiy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Rossii na aprel' 2013 goda: lidery planirovaniya (2013). (In Russ.) Available at: https://raexpert.ru/researches/regions/soc_eco_regions_04_2013 (accessed 15.01.2018).

Rossiyskie regiony: ekonomicheskiy krizis i problemy modernizatsii (2011). Moscow, TEIS Publ. 357 p. (In Russ.)

Seliverstov V. E. (2013) Regional'noe strategicheskoe planirovanie: ot metodologii k praktike. Novosibirsk, IEOPP SO RAN Publ. 436 p. (In Russ.)

Smirnova O. O. (2010) Strategicheskoe gosudarstvennoe planirovanie v Rossii. Moscow, MNEPU Publ. 175 p. (In Russ.)

Strukturno-investitsionnaya politika v tselyakh obespecheniya ekonomicheskogo rosta v Rossii (2017) Moscow, Nauchnyy konsul'tant Publ. 196 p. (In Russ.)

Chuguevskaya E. S. (2016) Strategiya prostranstvennogo razvitiya v sisteme dokumentov strategicheskogo planirovaniya Rossiyskoy Federatsii. (In Russ.) Available at: http://2016.forumstrategov.ru/upload/program/Chuguevskaya_2.1.pdf. (accessed 15.01.2018).

Chuguevskaya E. S. (2017) O territorial'no-prostranstvennykh aspektakh strategii prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii. *Arkhitektura i stroitel'stvo. [Architecture and construction]*, Vyp.1. Pp. 67–71. (In Russ.)

Capello R., Caragliu A., Fratesi U. (2014) Global Trends and the Economic Crisis: future alternative European Growth Strategies. GRINCOH Working Paper Series. Policy Paper No. 3. Available at: http://www.grincoh.eu/media/policy/grincoh_wp_policy_3_capello_caragliu_fratesi.pdf (accessed 10.02.2018).

Making Europe Open and Polycentric. Vision and Scenarios for the European Territory towards 2050. (2014). ESPON2013 Programme. September 2014. Available at: http://www.et2050.eu/attachments/article/523/ESPON_Vision-Scenarios_2050.pdf. (accessed 10.02.2018).

Пространственные аспекты стратегического планирования развития муниципального района¹

В. И. КОНДРАТЬЕВА, кандидат экономических наук,
ГАУ «Центр стратегических исследований Республики Саха (Якутия)», Якутск.
E-mail: src@sakha.gov.ru

Н. А. СТЕПАНОВА, кандидат экономических наук, ГАУ «Центр стратегических
исследований Республики Саха (Якутия)», Якутск. E-mail: stepanovan@mail.ru

В. Н. МАРКОВА, ГАУ «Центр стратегических исследований Республики Саха
(Якутия)», Финансово-экономический институт СВФУ им. М. К. Аммосова,
Якутск. E-mail: markovavn@sakha.gov.ru

В статье отражены практические вопросы планирования пространственного развития территории при разработке стратегии социально-экономического развития на муниципальном уровне на примере муниципального образования «Ленский район Республики Саха (Якутия)» как одного из ресурсных центров «нового освоения» России. Отмечается необходимость переосмысления исторически сложившегося социально-экономического пространства Ленского района в процессе изменения его экономической специализации, предлагаются перспективные, с точки зрения размещения, специализации населенных мест и дается обоснование приоритетных направлений социально-экономического развития сырьевого района с использованием принципов инклюзивности местных сообществ в процессах управления экономическим развитием.

Ключевые слова: специализация населенных пунктов, комплексность развития территории, эволюционное развитие территории, «вахта – базовое поселение», Ленский район Республики Саха (Якутия), сырьевой регион, муниципальный район, пространственное развитие муниципального образования, муниципальная стратегия

На сегодняшний момент недостаточно проработана методология как стратегического, так и долгосрочного пространственного планирования муниципальных образований Российской Федерации. В то же время на муниципальном уровне из-за небольших масштабов объекта поддаются обоснованию уже существующие построения в рамках микрорегиональных теорий размещения, и есть возможность просчитывать решения конкретных задач с учетом специфических условий.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке «Программы комплексных научных исследований в Республике Саха (Якутия) на период 2016–2020 годы».

Детально проработанные разделы, посвященные перспективному пространственному распределению экономической активности на территории муниципального района, достаточно редко включаются в стратегии социально-экономического развития муниципальных образований, обычно это происходит в связи со значительным влиянием агломерационных процессов на экономическое и социальное развитие муниципальных центров и населенных пунктов, входящих в состав муниципального района. В качестве примеров можно привести Стратегии городского округа г. Якутск на период до 2032 года², Пермского муниципального района на 2016–2030 годы³ и ряд других. В то же время, по признанию главного архитектора Якутска И. Д. Алексеевой, «развитие Якутской городской агломерации прописано в стратегиях города и республики⁴, однако методы определения границ агломерации, управления агломерациями не проработаны в России в целом» [Алексеева, 2017. С. 183].

В рамках разработки «пространственного раздела» стратегии Ленского района были поставлены следующие задачи.

1. Выявление приоритетных направлений территориального развития муниципального образования на перспективу.

2. Определение мер, направленных на развитие населенных пунктов, с использованием потенциала муниципальных образований района, обеспечивающего повышение его экономической и транспортной связности, сокращение различий в социально-экономическом развитии и качестве жизни населения.

Данные задачи потребовали предварительного анализа особенностей пространственной организации экономики района, современных подходов к управлению пространственным развитием промышленных районов. При этом авторы опирались на разработки Центра по типологизации сельских населенных пунктов, стандарты размещения социальной инфраструктуры, демографического прогнозирования.

² Принята решением Якутской городской думы от 25.11.2015 г. № РЯГД-21–3.

³ Принята решением Земского Собрания МО «Пермский муниципальный район» от 28.04.2015 № 60

⁴ Стратегия социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2030 года с определением целевого видения до 2050 года (проект), одобрена распоряжением Правительства РС (Я) от 26.12.2016 г. № 445.

Пространственные противоречия Ленского района Республики Саха (Якутия)

Все населенные пункты Ленского района – город Ленск, два поселка городского типа Витим и Пеледуй и 16 сел – формировались длительное время на базе острогов, ямщицких поселений вдоль Якутского тракта от Иркутска до Якутска и судоходной трассы р. Лена. Транспортная, энергетическая инфраструктура исторически имеет линейный характер, главными осями территории являются судоходная река Лена и автодороги республиканского и федерального значения «Умнас» и «г. Ленск – 1242-й км автодороги Вилюй».

Доля городского населения (87,1% с перспективой роста к 2030 г. до 90%) выше средней по Республике Саха (Якутия) и России. Сельское население рассредоточено в 16 селах со средней людностью до 300 человек и не обеспечивает демографический потенциал для роста численности городских поселений (табл. 1).

Таблица 1. Типология населенных пунктов Ленского района по уровню людности в 2016 г. и 2030 г.

Населенные пункты	2016			2030		
	Кол-во, ед.	Прожива-ют, чел.	Доля, %	Кол-во, ед.	Прожива-ют, чел.	Доля, %
Городские	3	32744	87,0	3	36706	88,8
мелкие (3000–5000 чел.)	2	9051	24,1	1	4620	11,2
малые (5000–10000 чел.)	0	0	0,0	1	5136	12,4
средние (20000–50000 чел.)	1	23693	63,0	1	27044	65,4
Сельские	16	4872	13,0	16	4620	11,2
малые (до 200 чел.)	7	790	2,1	7	996	2,4
средние (201–1000 чел.)	8	2815	7,5	6	2319	5,6
крупные (от 1001 чел.)	1	1267	3,4	1	1304	3,2

Источник: рассчитано ГАУ «ЦСИ РС (Я)» по данным Саха(Якутия)стата.

Сложилась устойчивая полицентричная сетка населенных пунктов, где выделяются два основных ядра притяжения.

Первый – г. Ленск, расположенный в центральной части района, с тяготеющими к нему сельскими населенными пунктами в пределах 1,5–2-часовой транспортной доступности. Освоенность центральной части района относительно высокая, развиты транспортно-складские, социальные услуги, в небольших объемах – растениеводство, мясо-молочное скотоводство, жилищное строительство. Также выделяется субцентр в 96 км на юго-востоке от Ленска,

с центром с. Нюя, вблизи границы с Олекминским районом Якутии, специализирующийся на растениеводстве и социальных услугах.

Второй центр – «Юго-Запад» – это два равнозначных по людности поселка Витим и Пеледуй в юго-западной части района, формирующих водотранспортный узел на участке Усть-Кут – Устье Витима – Пеледуй – Ленск. Специализация – транспортно-складская, судоремонт, нефтегазодобыча, лесопромышленный комплекс. Вблизи от этих населенных пунктов находится производственный комплекс Талаканского НГКМ и Чайандинского ГКМ нефтегазодобывающей трубопроводной системы Востока России. Особенность планировочной структуры – слабая освоенность и транспортная изоляция юго-запада; населенные пункты связывают сезонные и технологические дороги и водный транспорт.

К противоречиям, ограничивающим социально-экономическое развитие территории, можно отнести следующие.

1. *Между масштабами и комплексностью использования природно-ресурсного потенциала.* Последний включает крупнейшие на Дальнем Востоке запасы углеводородов (14 месторождений нефти и газа Предпатомо-Ботуобинской нефтегазоносной области с прогнозным объемом ресурсов 12 трлн м³ газа, 2,6 млрд т нефти и 9,1 млрд м³ гелия), лесные и рекреационные ресурсы республиканского значения, крупные запасы пресных вод, производительные сельхозугодья, позволявшие в советское время обеспечивать Западную Якутию, в первую очередь потребности растущего алмазодобывающего комплекса, в картофеле, овощах, молоке и мясе. Агроклиматические условия здесь наиболее благоприятны [Егоров, 2005. С. 315].

Исходя из принципов комплексного развития территории, такой ресурсный потенциал предполагает создание здесь дополняющих производств, средне- и мелкомасштабного производства, ориентированного на использование локальных источников сырья и энергии для удовлетворения внутреннего рынка. Крупный нефтегазовый комплекс может стать основой для появления и роста малых и средних предприятий местного производства, однако на практике крупные компании не заинтересованы в выстраивании долгосрочных отношений с локальным бизнесом, а муниципальные органы власти не имеют рычагов влияния на данные процессы.

2. *Между уровнем социального развития и темпами экономического роста.* В стратегии Республики Саха (Якутия) Лен-

скому району определена роль одной из самых крупных «точек роста» с опорой на нефтегазовый и транспортный комплексы при формировании в Западной Якутии Ленского промышленно-инфраструктурного узла с выходом на Иркутскую область [Кондратьева и др., 2017]. В районе реализуются крупнейшие капиталоемкие инфраструктурные проекты – газопроводы ВСТО, «Сила Сибири», формируется около 14% налоговых поступлений в консолидированный бюджет республики⁵, он имеет все шансы стать локомотивом развития не только Якутии, но и серьезным экономическим игроком на Дальнем Востоке.

В то же время интенсивный экономический рост в районе не влечет за собой значительное повышение качества жизни населения, в результате сохраняется миграционный отток (табл. 2).

**Таблица 2. Показатели уровня и качества жизни
в Республике Саха (Якутия) и Ленском районе**

Показатель	Респ. Саха (Якутия)	Ленский р-н
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, тыс. руб.	59	78,5
В том числе:		
образование	43,8	45,1
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	24,3	41,3
Объем социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов в расчете на 1 жителя, тыс. руб.	32,5	60
Удельный вес детей, которым назначено ежемесячное пособие, в общей численности детей от 0 до 16 лет	43,1	29,9
Уровень преступности, случаев зарегистрированных правонарушений на 100 тыс. населения	1 278	1 606
Погибло людей в ДТП, чел. на 100 тыс. населения	12,4	13,2
Заболееваемость, случаев на 10 тыс. населения	10 266,4	11 372,7
Обеспеченность врачами, чел. на 10 тыс. населения	55,2	27,4
Обеспеченность койками, ед. на 10 тыс. населения	106	79,2
Число мест в зрительных залах учреждений культурно-досугового типа на 1000 чел. населения	74	45
Миграционный прирост (убыль) на 10 тыс. населения, промилле	-43,2	-95,7

Источник: составлено по данным Саха(Якутия)стата.

⁵ По налоговым платежам в 2016 г. в бюджет РС (Я) крупнейших налогоплательщиков ОАО «Сургутнефтегаз» (8,9 млрд руб.), ПАО АК «Транснефть» (5,6 млрд руб.), ООО «Таас Юрях нефтегазодобыча» (2 млрд руб).

Высокий уровень доходов не всегда обеспечивает оптимальные условия воспроизводства населения. Например, уровень заработной платы в Ленском районе превышает средний по республике в 1,33 раза, в сельском хозяйстве – более чем 1,5 раза. В то же время здесь значительно выше среднего по республике удельный вес детей, проживающих в малоимущих семьях, уровни преступности и заболеваемости населения. Вкупе с неудовлетворительным уровнем развития социальной сферы, недоступностью социальных благ и услуг это способствует оттоку населения, преимущественно высококвалифицированных специалистов и творческой интеллигенции. В целом низкие показатели уровня жизни в промышленном районе свидетельствуют о преобладании интересов недропользователей над интересами основной части населения.

3. Между наличием и доступностью транспортной инфраструктуры. Район является нефтегазовым центром нового освоения, здесь важными элементами архитектуры пространства выступают транспортная инфраструктура промышленности (аэропорт Талакан, технологические дороги, система нефтегазовых трубопроводов), вахтовые поселки. Являясь крупнейшим транспортным узлом, Ленский район не имеет федеральных дорог.

Тенденции изменения каркаса расселения в РФ

С точки зрения изменений каркаса расселения в период до 2025 г. в Российской Федерации будут происходить следующие процессы:

– изменение системы городского расселения, сложившейся в период индустриального развития страны в XX веке, когда городские поселения возникали в местах размещения промышленного производства, в сторону роста крупных городов, а также промышленных типов расселения, в том числе вахтовых. При этом города с численностью более 300 тыс. человек сохранят позитивную динамику, малые и средние – попадают в зону риска [Дмитриев, 2017];

– переток населения из малонаселенных сельских пунктов в более крупные, численностью более 1000 чел. Численность населения в мелких селах (менее 300 чел.) будет иметь тенденцию к снижению, более людных – 3000 чел. – к росту, остальные – в зоне риска. Оптимальные возможности социального комфорта

появляются в крупных селах численностью от 1000 чел. [Пономарева, Бубякин, 2013].

В целом в России к 2025 г. эксперты констатируют риск сжатия обитаемого и экономического пространства на фоне депопуляции и усиления неравномерности расселения⁶. Данный тренд является объективным, политические меры не в состоянии его переменить. Перспективная политика пространственного развития России основана на сочетании, с одной стороны, инструментов выравнивания социально-экономического развития, с другой – оптимизации за счет укрупнения, слияния, централизации, переселения⁷.

Для районов «ресурсного» типа, с опорой на сырьевые отрасли, альтернативы эндогенного роста во многом определяются масштабами применения принципа «инклюзивности» – вовлеченности местных сообществ в процессы управления экономическим развитием. При этом, в частности специалистами ИЭОПП СО РАН [Кондратьева и др., 2017; Крюков и др., 2017; Новоселов и др., 2017] выделены следующие альтернативы:

– инерционная («как есть», с сохранением действующего «ресурсного режима» и расширением состава предоставляемых льгот и преференций), которая приведет к затуханию деловой активности и переходу системы ресурсного типа в разряд депрессивных;

– комбинированная, предполагающая в основном сохранение существующего подхода к управлению природными ресурсами, но с элементами «новой институциональной реальности»;

– расширенная, которая отличается от комбинированной не только дополнением процедурами и подходами, связанными с расширением степени регионального участия в процессах освоения природных объектов, но и усилением локализации поставок товаров и услуг производственного характера. В результате постепенно формируется более диверсифицированная экономика, траектория ее развития приближается к устойчивой.

⁶ Концепция Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года. Утверждена Правительством Российской Федерации 22.05.2017 г. № 3414п-П16.

⁷ Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Правительством Российской Федерации 22.05.2017 г. № 3414п-П16).

В вышеуказанных альтернативах координаты развития могут быть заданы многокомпонентными факторами, в число которых входят, например, инвестиционная политика, целевые программы и т.д.

Таким образом, максимальное возможное сохранение существующего обжитого каркаса поселений муниципального района возможно при четкой специализации, включении населенных пунктов района в местное и региональное разделение труда, определении направлений экономической интеграции и кооперирования муниципальных образований, выработке механизмов эффективного взаимодействия крупных предприятий и локальных бизнесов на территории.

Концепция пространства в Стратегии социально-экономического развития Ленского района на период до 2030 года

В зависимости от наличия потенциала для экономического роста и планируемых инвестиционных проектов в Ленском районе выделяются следующие центры интенсивного хозяйственного освоения, для которых в едином комплексе будет строиться необходимая инфраструктура перспективной экономической специализации (использованы подходы Центра по типологизации населенных пунктов на основе расчётных субиндексов, коррелируемых с показателями модели устойчивого развития (субиндексы демографического потенциала, социальной инфраструктуры, транспортной доступности, экономической активности) [Разработка моделей..., 2013], данными о наличии пашен, сенокосных угодий и пастбищ, многолетней урожайности культур и нормативной потребности животных в кормах).

Ленская зона агломерационного развития (г. Ленск, Орто-Нахринский, Салдыкельский, Мурбайский наслег, с. Северная Нюя, Беченча). Районный центр Ленск – точка роста Западной Якутии⁸, транспортно-промышленный центр, примет поток внутренней миграции из арктических и сельских территорий республики. По мере развития инфраструктуры и сельскохозяйственной

⁸ Стратегия социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2030 года с определением целевого видения до 2050 года (проект).

специализации сельских территорий будут усиливаться агломерационные связи⁹.

Экономический рост будет связан со следующими направлениями (в соответствии со сценариями социально-экономического развития МО «Ленский район», заложенными в стратегии).

Модернизация транспортной системы и развитие транспортных связей: реконструкция взлетно-посадочной полосы и аэродромного комплекса Ленска; строительство и реконструкция участков региональной автомобильной дороги «Умнас», строительство автомобильной газонаполнительной компрессорной станции; создание современного мультимодального логистического центра на базе речного порта в Ленске и реконструкции портово-складских мощностей Ленского речного порта, перевод транспортных средств на сжиженный газ. В инновационном сценарии социально-экономического развития в Ленске будут построены ж/д вокзал, товарная станция, складские терминалы, часть функций порта Осетрово (Иркутская область) перейдет в Ленск.

Развитие эффективного агропромышленного комплекса: предполагаются создание многопрофильных пищевых комплексов и логистических сбытовых центров сельхозпродукции; реконструкция молокозавода производительностью 2 т в смену; строительство коровника в с. Батамай и овощехранилища в г. Ленске, создание агропромышленного кластера в с. Чамча Орто-Нахаринского наслега, развитие мелиоративных систем в с. Мурья.

Развитие агломерационных связей: строительство и реконструкция местных автодорог до с. Орто-Нахара, Мурья, Беченча, газификация п. Мурья, Беченча, Батамай (в 2018–2020 гг.) и всех сельских населенных пунктов по инновационному сценарию социально-экономического развития.

Опережающее развитие социальной инфраструктуры: строительство школы на 990 учащихся, учебно-лабораторного корпуса, общежитий Ленского технологического техникума, спортивного комплекса, детской школы искусств, кинотеатра,

⁹Подход разработчиков состоит в том, что агломерация – это не только крупные города-миллионники, а проекты любого масштаба. Формирование агломерации является эволюционным процессом для территорий, на которых имеются предпосылки для формирования агломерационных связей, вызванных наличием центрального города и пригородной зоны, связанной с городом трудовой миграцией и организацией совместной межмуниципальной экономической деятельности.

объектов общественного питания в Ленске и других поселениях с учетом стандартов структуры и параметров минимальной сети объектов социальной инфраструктуры Республики Саха (Якутия), разработанных Центром стратегических исследований исходя из целей обеспечения населения услугами учреждений социальной сферы, типов населенных пунктов и численности населения¹⁰.

Новое качество городской среды: модернизация коммунальной инфраструктуры, городского автотранспорта, досуговой парковой инфраструктуры, дворовых территорий, комплексная застройка селитебных зон, газификация жилого фонда, энергоэффективное жилищное строительство.

Развитие малого и среднего предпринимательства, в частности инфраструктуры его поддержки, новых видов услуг, креативной экономики, строительство спа-резорт «Лена» на условиях муниципально-частного партнерства.

Юго-Запад (*поселки Пеледуй и Витим*). Основная специализация территории – добыча нефти, газопереработка, газоэнергетика, лесозаготовка.

В период реализации Стратегии на территории Ленского района в нефтегазовом комплексе будет задействована значительная часть населения района и трудовых мигрантов, основной формой организации жизнедеятельности которых является вахтовая, с преобладанием экспедиционной. Для обслуживания проекта ВСТО создано три вахтовых посёлка: для обслуживания НПС «Транснефть» – на Талаканском НГКМ и по трассе ВСТО на отрезке между Талаканским НГКМ и г. Ленском (до 200 чел.), «Сургутнефтегаз» – на Талаканском НГКМ (до 8000 чел.). Для обслуживания магистрального газопровода «Сила Сибири» будет создано три вахтовых посёлка: ООО «Газпром ТрансгазТомск» вблизи Ньюи (120–140 чел.), в г. Ленск для обслуживания ЛПУ (115 чел.); на Чайнинском НГКМ – филиал Ленского ЛПУ (120–140 чел.).

Перспективно сочетание вахтового и традиционного способов организации трудовой деятельности в нефтегазовом комплексе на территории Ленского района. Поэтому целесообразно приоритетное использование внутрирегиональной формы вахты

¹⁰ О стандартах структуры и параметров минимальной сети объектов социальной инфраструктуры Республики Саха (Якутия), проект постановления Правительства РС (Я).

с применением модели «базовое поселение – вахта» [Благодетлева, 2016]. Базовым городом «Сургутнефтегаза» предполагается п. Витим, «Газпрома» – пос. Пеледуй и г. Ленск, где размещаются структуры управления, инфраструктура материально-технического обеспечения, подготовка кадров, недостающая социальная инфраструктура, необходимая для персонала с семьями, постоянная технологическая и транспортная связь с вахтовыми поселками и производственными объектами. Например, для ООО «Газпром добыча Ямбург» базовым городом утвержден Новый Уренгой.

В рамках реализации данной модели перспективно развитие санаторно-профилакторных комплексов, охотничье-рыболовных турбаз, организация проведения спартакиад среди трудовых коллективов предприятий-недропользователей, формирование этноисторических турпродуктов.

Территория опережающего социально-экономического развития. В инновационном сценарии социально-экономического развития района предполагается создание территории опережающего развития и производственного технологического парка на базе Пеледуйского ССРЗ, что позволит сохранить производственные мощности, создать новые технологические направления по хранению гелия, глубокой переработке углеводородного сырья и леса, в черной и цветной металлургии, судостроении и предоставлении инженерных услуг.

Основными проектами развития транспортного каркаса и связности экономического пространства района являются повышение пропускной способности Усть-Кутского и Ленско-Витимского транспортных узлов, строительство автодороги с твердым покрытием Ленск – Пеледуй – Витим.

Сельские территории. Предлагается развивать сеть опорных сельских населенных пунктов на основе агропромышленной интеграции и кооперации, диверсификации сельской экономики, развития рекреации, дорожно-транспортных коммуникаций, современных средств связи и создания единых систем социального обслуживания городского и сельского населения.

По **возможностям транспортных коммуникаций** в Ленском районе абсолютно доступным является районный центр город Ленск, вокруг которого расположены сельские населенные пункты трех типов.

Первый – это пригородные, круглогодичной транспортной доступности, для которых характерно наиболее тесное взаимопроникновение с городской средой. В них перспективно развитие высокопродуктивного сельского хозяйства, ориентированного на снабжение города, развитие сферы услуг, дачного (коттеджного строительства) – с. Чамча, Северная Нюя, Мурья.

Второй тип – поселения полуторачасовой круглогодичной транспортной доступности, для которых перспективно стимулирование выпуска сельскохозяйственной продукции, производимой в больших объемах: Орто-Нахара, Беченча, Батамай.

Третий – удаленные населенные пункты, сельскохозяйственная продуктовая специализация которых при наличии плодородных земель сельскохозяйственного назначения связана с производством ресурсоемкой продукции (мясное скотоводство, плодовое направление) – Натора, Нюя, Турукта, Хамра.

В целом в результате реализации системообразующих инвестиционных проектов будут сформированы опорные территории развития в районе, созданы условия для стабилизации численности населения, развития местного производства, что позволит расширить экономическую специализацию района, а также стимулировать выпуск конкурентоспособной на рынке продукции.

Заложенная в стратегии Ленского района конфигурация экономического пространства конкретизирует направления интеграции принципов «инклюзивности» местного сообщества в процессы управления экономическим развитием: рост экономической мобильности населения; возрождение на современной основе отраслей, связанных с природными системами – агропромышленного производства, деревообработки, химической промышленности, ориентированных, в первую очередь, на промышленные рынки Западной Якутии.

Очевидно, что реализация инновационного сценария социально-экономического развития Ленского района предполагает неординарные решения, требует развития механизмов взаимодействия с недропользователями, убежденной настойчивости властей. В этих условиях мероприятия стратегии являются значимым, но только первым шагом на этом пути. И очень важно, чтобы последующие шаги не задержались.

Литература

Алексеева И.Д. Перспективы формирования Якутской городской агломерации // Республика Саха (Якутия) – 2030/2050: Стратегия успеха: сб. докладов участников Межрегиональной научно-практической конференции /Под ред. В.И. Кондратьевой. Якутск: ГАУ «ЦСИ РС (Я)», 2017. 488 с.

Благодетелева О.М. Перспективы использования вахтовой формы организации труда в северных регионах России // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2016: Материалы 5-го Всеросс. науч. семинара (21–23 сентября 2016 г., Сыктывкар): в 2 ч. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2016. Ч. I. 392 с.

Дмитриев М.Э. Как российское пространство может работать на экономический рост // Россия будущего: 2035. Совместный проект ЦСР и Минэкономразвития РФ [Эл. ресурс]. URL: <http://www.russia2035.ru/works/dmitriev-interview-2/> (дата обращения: 02.04.2017).

Егоров Е.Г. Якутия: Размещение производительных сил /Е.Г. Егоров, В.Р. Дарбасов, П.Е. Алексеев и др. Новосибирск: Наука, 2005. 432 с.

Кондратьева В.И., Коломак Е.А., Присяжный М.Ю. Концептуальные направления пространственного развития Республики Саха (Якутия) // Экономика Востока России. 2017. № 1 (07). С. 52–66.

Крюков В.А., Севастьянова А.Е., Токарев А.Н., Шмат В.В. Эволюция подходов к анализу альтернатив развития регионов ресурсного типа // Материалы Международной конференции «Пространственный анализ социально-экономических систем: история и современность», посвященной 80-летию со дня рождения академика А.Г. Гранберга. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2017. С. 39–51.

Новоселов А.С., Маршалова А.С., Ждан Г.В. Использование конкурентных преимуществ в стратегическом управлении социально-экономическим развитием региона // Экономика Востока России. 2017. № 1(08). С. 5–13.

Пономарева Г.А., Бубякин В.И. Типология сельских поселений Республики Саха (Якутия) по людности // Региональные исследования. 2013. No. 2(40). С. 37–42.

Статья поступила 24.01.2018.

Summary

Kondratieva V.I., Strategic Research Center of the Sakha Republic (Yakutia), Stepanova N.A., Strategic Research Center of the Sakha Republic (Yakutia), Markova V.N., Strategic Research Center of the Sakha Republic, Finance and Economics Institute of NEFU named after M.K. Ammosova, Yakutsk

Spatial Aspects of Strategic Planning of Municipal District Development

The report reflects the practical issues of planning spatial development of the territory when developing a long-term municipal strategy. The example of the municipal district "Lensky District of the Republic of Sakha (Yakutia)" is given as one of the resource centers of Russia of "new development". It is discussed the necessity of rethinking the historically developed social and economic space of the Lensky region in the process of changing its economic specialization. Perspective specializations of the populated areas are proposed from the point of view of

accommodation, priority directions of the social and economic development of the "raw" area with the application of the principles of "inclusiveness" of local communities in the management of economic development are developed. The report was prepared with the financial support of the "Program for Comprehensive Scientific Research in the Republic of Sakha (Yakutia) for the period 2016–2020".

Specialization of settlements; integrated development of the territory; evolutionary development of the territory; "watch-base settlement"; Lensky district of the Republic of Sakha (Yakutia); raw material region; municipal district; spatial development of the municipality; municipal strategy

Rerences

Alekseeva I.D. Perspectives of Yakut city agglomeration formation (2017). *Sbornik докладov Mezhr regionalnoi nauchno-practicheskoi konferencii "Respublica Sakha (Yakutia). In Strategiya uspekha" [Collection of reports "The Republic of Sakha (Yakutia) – 2030/2050: Strategy of Success"]*. Yakutsk. P. 488 (In Russ.)

Blagodelova O.M. Perspectives of shift work organization in the northern regions of Russia (2016). *Materialy 5-go Vserossiyskogo nauchnogo seminar "Aktualnyie problem, napravleniya i mekhanizmy razvitiya proizvoditelnykh sil Severa" [Materials of the 5th All-Russian Scientific Seminar "Actual problems, directions and mechanisms of the development of the productive forces of the North"]*. Syktyvkar. P.392 (In Russ.)

Dmitriev M.E. (2017) How Russian economic space can work on the economic growth. (In Russ.) Available at: <http://www.russia2035.ru/works/dmitriev-interview-2/> (accessed: 02.04.2017).

Egorov E.G., Darbasov V.R., eds (2005) Yakutia: Placement of productive forces. Novosibirsk, Nauka Publ. (In Russ.)

Konrdratieva V.I., Kolomak E.A., Prisyazhny M.Yu. (2017) Conceptual directions of spatial development of the Republic of Sakha (Yakutia). *Economika Vostoka Rossii [Economics of Russian East]*. No. 1 (07). Pp. 52–66 (In Russ.)

Krukov V.A., Sevastyanova A.E., Tokarev A.N., Shmat V.V. (2017) Approaches to the analysis of alternatives for the resource-type regions development evolution. *Materialy Mezhdunarodnoi konferencii "Prostranstvenny analiz sotsialno-ekonomicheskikh sistem: istoria i sovremennost" [Proceedings of the International Conference "Spatial Analysis of Socio-Economic Systems: History and Modernity", dedicated to the 80th anniversary of the birth of Academician A.G. Granberg]*. Novosibirsk. Pp. 39–51. (In Russ.)

Novoselov A.S., Marshalova A.S., Zhdan G.V. (2017) Use of competitive advantages in strategic management of social and economic development of the region. *Economika Vostoka Rossii [Economics of Russian East]*. No. 1 (07). Pp. 52–66.

Ponomareva G.A., Bubyakin V.I. (2013) Typology of rural settlements of the Republic of Sakha (Yakutia). *Reginalnuye Issledovaniya [Regional Studies]*. No. 2(40). Pp. 37–42.

В следующих номерах Вы прочтете:

- Тема номера:* Новая карта Сибири,
или Соединяя пространство и время
- Приоритеты новой стратегии пространственного развития России
 - «Енисейская Сибирь» – макрорегион и проект развития
 - Новый виток развития Нижнего Приангарья

А также:

- Оценка эффективности политики и направления инвестиционного развития в муниципалитетах Севера и Арктики
- Российская Арктика: от островов к городским агломерациям
- Внешняя торговля России в условиях санкций: 2014-2016 гг.
- Прогноз научно-технического развития РФ: реальный или виртуальный инструмент стратегического планирования?
- Экономические последствия изменения возрастной структуры населения России
- Линия развития наукограда Кольцово: участвуем во всех федеральных программах
- Казахстан: этапы экономического прогресса за 100 лет
- Электроэнергетика вновь перед выбором
- Эффективность энергетических плантаций
- Об особенностях и вновь открывшихся обстоятельствах энергетического кризиса в СССР в 1960 – 1980-е годы: уроки для современности
- Нюансы образовательного процесса в реформе высшего образования
- Криптовалюта и блокчейн: потенциальное применение в государстве и бизнесе
- Развитие национальной системы платежных карт в России в условиях экономических санкций
- Инсценирующая диктатура. 90 лет Шахтинскому процессу 1928 г.
- Проблема организации общественного труда в СССР в годы Второй мировой войны
- Паровые машины, револьверы и индустриальный капитализм: генезис и основания спорта

0131-7652. «ЭКО» (Экономика и организация промышленного производства).
2018. № 5. 1–192

Художник В.П. Мочалов
Технический редактор Н.Н. Сидорова

Адрес редакции: 630090 Новосибирск,
пр. Академика Лаврентьева, 17.
Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35;
E-mail: eco@ieie.nsc.ru

© Редакция журнала «ЭКО», 2018. Выход в свет 31.05.18
Формат 84x108 1/32. Офсетная печать. Усл. печ. л. 10,08
Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 400. Заказ 75.

ФГУП «Издательство СО РАН»
630090, г. Новосибирск, Морской проспект, 2